ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ: ЛОГИКИ АРИСТОТЕЛЯ,
СХОЛАКТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ,
ЛОГИКИ ФОРМАЛЬНОЙ И ДЕДУКТИВНОЙ**

М. ВЛАДИСЛАВЛЕВ
1872г.

Редакция 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

I. Логика Аристотеля
- Состояние логических исследований до Аристотеля
- Сочинения Аристотеля
- О категориях
- О бытии и истолковании
- Аналитика:
  - Первая книга первой аналитики
  - Вторая книга
  - Первая книга второй аналитики
  - Вторая книга
- Топика:
  - Первая книга топики
  - Вторая книга
  - Третья книга
  - Четвёртая книга
  - Пятая книга
  - Шестая книга
  - Седьмая книга
  - Восьмая книга
- Сочинение о софистических доказательствах
- Судьбы аристотелевской логики в греческом мире

II. Схоластическая логика
- Образование латинской терминологии
- Марциан Капелла
- Боэций и его сочинения
- Значение его для логики
- Вопрос о значении родов и видов
- Росцеллин

- Ансельм Кентерберийский
- Вильгельм из Шампо
- Бернар Шартрский
- Абеляр
- Его мнение о родах и видах
- Его диалектика
- Разнообразие мнений об universalia
- Распространение новых переводов «Органона»
- Фома Аквинат
- Его мнения об universalia
- Его значение в логике
- Византийское влияние: Михаил Пселл
- Вильгельм Шервуд и Пётр Испанец
- Раймунд Луллий
- Перипатетическая логика в конце Средних веков
- Школа Луллия
- Пётр Рамус
- Обзор судеб схоластической логики

III. Формальная логика
- Происхождение формальной логики из схоластической диалектики
- Декарт и его школа
- La Logique
- Логика Вольфа
- Значение её
- Кант и его школа
- Гербарт
- Дробиш
- Заключение

IV. Индуктивная логика
- Бэкон и его сочинения
- Novum Organum
- Первая книга его
- Вторая книга
- План логики в Instauratio
- Значение Бэкона
- Ньютон
- Джон Гершель
- Уэвелль
- Джон Стюарт Милль
- Бэн

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге даны очерки Логики Аристотеля, схоластической, формальной и индуктивной. Рассмотреть в простоте исторические судьбы логической науки не представлялось удобным из-за обширности такой задачи. Кроме того, для большей части читателей, для которых предназначается это сочинение, не столь важно знать непрерывный ряд имен, имевших значение для нашей науки, и многочисленные сочинения, в которых разнообразным образом решались логические вопросы. Главное заключается в том, чтобы понять главные

моменты развития науки и главнейшие труды, которые оказали решительное влияние на ее судьбы. Таким образом, читатели могут дать себе отчет о том, какие существенные изменения произошли в науке, в каком духе и направлении развивались эпохи ее развития. Поэтому автор, не принимая на себя обязанности дать полную историю Логики, нашел более удобным дать очерки наиважнейших эпох ее развития.

I. ЛОГИКА АРИСТОТЕЛЯ

Состояние логических исследований до Аристотеля.

Приступая к анализу логики Аристотеля, естественно спросить, из каких элементов сложилась она, что усвоил он как наследие предшествовавшего времени и чем обогатил саму науку логики.

На этот вопрос мы имеем положительный ответ самого Аристотеля. В сочинении «О софистических доказательствах» (с. XXX) он, обозревая пройденный путь исследования, говорит следующее: «Всё, что мы знаем, частью передано нам от предшественников, то есть обработано уже прежде и путём преемственной работы постепенно приумножено, частью же только теперь приобрело своё начало… Ибо самое важное во всяком деле есть начало; оттого оно всего труднее… Когда начало сделано, тогда легко прилагать к нему новое и объединять всё вместе…

О научном исследовании, занимавшем нас предмете, не только нельзя сказать, что до нас нечто из него уже было найдено, нечто же ещё не существовало, — но должно сказать, что решительно ничего не было». Что здесь он разумел не одну только «Топику», но и «Аналитику», это можно заключить из его слов о том, чего именно он не нашёл у своих предшественников: «Так, — говорит он, — относительно риторики многое и притом с давнего времени сказано, но относительно учения о силлогизмах мы не нашли ничего, что было бы сказано до нас, а тщательное исследование этого предмета стоило нам труда в продолжение долгого времени».

Смысл этих выражений ясен и не оставляет ни малейшего сомнения, что всю свою логическую работу Аристотель считал делом новым, никем не подготовленным, и что самое первое начало её он приписывает исключительно самому себе. Для объяснения этих выражений возможно сделать два предположения: или до Аристотеля не существовало ни малейшего анализа логических приёмов мышления и о нём никто не помышлял, или существовали столь незначительные начатки его, что без всякой несправедливости к своим предшественникам он мог назвать себя творцом целой новой науки.

История философии действительно может сказать, что до Аристотеля некоторые начатки анализа логических приёмов — и то в весьма незначительной степени — были у Платона, но почти не существовали ранее. Конечно, никто не скажет, чтобы в словах Гераклита: «дурные свидетели для людей глаза и уши» или «многознание ума не научает» — было начало логики: эта оценка свидетельства внешних чувств могла возникнуть при частых опытах над недостоверностью их показаний.

Пифагорейцы обратили внимание на ум, математически образованный, как орган знания, но отсюда до методического изучения приёмов его, конечно, слишком далеко. Демокрит различал тёмное и действительное знание: первое приобретается чувствами, второе — разумом. Парменид напоминал, что об истине невозможно судить внешними чувствами, но возможно только по разуму. Зенон своими возражениями против понятий пространства, против достоверности чувственного восприятия ещё более подтвердил мысль о достоверности одного только логического мышления и недостоверности обыкновенных

понятий, возникающих на свидетельстве внешних чувств. Он снискал себе славу основателя софистической диалектики. Но все эти мысли, хотя важные в общем философском смысле и для теории познания в частности, в истории логики имеют мало значения. Иное дело признать важность ума в деле знания и иное — подробно и методически рассмотреть его приёмы.

Сообразуя точку зрения, на которой стояла греческая философия до Сократа, мы можем понять, что в этот период никаких систематических исследований логических приёмов и не могло явиться. Внимание философов, поглощённое объективным миром, ещё не различавшее субъективный мир от объективного и не противополагавшее субъект объекту, не могло прийти к мысли об исследовании логических приёмов, ибо мысль о них предполагает весьма развитое самосознание. Если бы до нас дошло решительно всё писанное и сказанное философами того периода, и то можно сказать, что мы не нашли бы в нём никаких фактов, из которых можно было бы заключить к развитию у них сознания многообразных логических приёмов.

И во время, когда философское внимание уже обратилось к субъекту, мы встречаем до Аристотеля весьма незначительные начатки анализа мышления. Софисты оказали услугу философии тем, что, установив принцип относительности и субъективности знания, естественно вызывали тем умы на исследование: чем отличается истинное знание от ложного и чем должно руководиться мышление при различении истины от лжи. С другой стороны, говоря и приучая других говорить pro и contra всякого положения, они должны были возбудить в умах нужду в правильной теории доказательств, способов их и сравнительной их оценки. Только в софистическую эпоху впервые могла серьёзно возникнуть потребность в каком-либо анализе логических приёмов в доказательствах. Но подобные исследования не были в интересе софистов и были вне их умственного кругозора.

Сократу первому принадлежит идея истинного знания, понятого как орудия добродетели. Чтобы быть добродетельным, человек должен обладать правильным взглядом на свои обязанности, должен уметь отличить истину от лжи. Следовательно, человек должен стремиться к образованию истинного понятия или путём определения его, или путём обобщения. Это было бы действительным шагом к логической теории приёмов мышления, если бы Сократ не ограничивал индукцию и определение одними этическими задачами: приём здесь ещё не выделен от самого содержания мысли.

С Платоном является мысль о диалектике не просто как о разговорном искусстве, но как о философском методе познания, как о приёме образования истинного понятия, соответствующего идее предмета. Она характеризуется двумя приёмами: συναγωγή и διαίρεσις. Первый есть ничто иное, как индукция Сократа, но обобщённая в орган истинного познания вообще, не ограниченная только этическими задачами. Посредством обобщения мы приходим к родам, посредством деления от родов переходим к видам. Но и здесь есть только начатки логической теории. Платон говорит об этих приёмах как бы случайно, по поводу того или другого случая: систематически он не анализует приёмы деления и обобщения. Притом логический и метафизический элементы у него ещё не отделены друг от друга. Самая диалектика является то как познавательный приём, орган знания, то специально как учение об идеях — этих самобытных, объективных сущностях.

Итак, ко времени Аристотеля живо чувствовалась потребность анализа логических приёмов мышления. С одной стороны, ясно сознавалась идея истинного знания, и мысль начинала выделять приёмы, которыми можно отчасти достигать действительного познания. С другой стороны, софистические и эристические школы, развившиеся во время Сократа и с такой силой действовавшие во время жизни Платона, своими софизмами и ложными выводами как нельзя более будили в умах потребность какого-либо руководящего начала при

различении лжи от заблуждения. Чтобы опровержение их не было случайным делом, а велось методически, нужно было рассмотреть способы мышления, начиная с самых элементарных его приёмов. Таким образом, случайные указания то одного, то другого приёма мышления необходимо было заменить методическим исследованием приёмов, сложные из них возвести к первоначальным простым и дать вполне сознательный отчет, как о правильных, так и о неправильных путях мышления. Эту задачу своего времени всесторонне выполнил Аристотель. Он прав, признавая себя самостоятельным творцом логических исследований.

Не то, чтобы он изобрёл логическое мышление, и не то, чтобы до него никто и не намекал на какой-либо логический приём: отдельные и систематические указания, как мы видели, существовали и до него; но он первый создал систематический и методический обзор логических приёмов; он первый предпринял эти исследования в таких огромных размерах и с такой подробностью и обстоятельностью, что Кант мог сказать, что логика в продолжение двух тысячелетий после Аристотеля ни на шаг не подвинулась вперёд. Аристотель, следовательно, мог справедливо сказать, что «о научном исследовании, занимавшем нас предмете, не только нельзя сказать, что нечто уже ранее было найдено, нечто же совсем не существовало, но что решительно ничего не было до него относящегося».

СОЧИНЕНИЯ АРИСТОТЕЛЯ

От Аристотеля дошёл до нас целый ряд логических сочинений. Они носят одно общее название «Органон». Название это возникло впоследствии (впервые оно является у Диогена Лаэрция в биографии Аристотеля, в его τῆς βίου, δούρῃ τῷ ἀπογράψαντι ἐν γιγνοσκόμενοις) и получило тот смысл, что логика Аристотеля есть как бы орган философского познания и имеет поэтому пропедевтическое значение в его системе: что она есть введение в философию, но не часть самой философии. Это подтверждается тем, что сам Аристотель, перечисляя в «Метафизике» (Aristoteles graece, Ed. A. Reg. Bor. Vol. II, 1025 B. 25. Metaph. E.) части философии, говорит только о практике, поэтике и теоретической части. Слово «логикос» встречается у самого Аристотеля: в «Топике», перечисляя ряд проблем, он указывает рядом с этическими и физическими и логические (Ibid. 105 B. 20).

Логические сочинения Аристотеля суть следующие:

- Категории (περὶ κατηγοριῶν — «О категориях»). Здесь рассматриваются самые общие роды сказуемых, прилагаемых нами к предметам, или самые общие элементы нашей речи, рассматриваемой со стороны её составных частей.

- Περί ερμηνείας («Об истолковании»), где рассматриваются предложения как нечто целое, выражающее различные оттенки и видоизменения нашей мысли.

- Аналитики. Она составляет два отдельных сочинения. В них излагается самым подробным образом учение о силлогизмах и основанных на них доказательствах.

- Топика, или учение об общих точках зрения, с которых можно как защищать, так и опровергать положения.

- Σοφιστικοὶ ἐλεγχοι («О софистических доказательствах»). Здесь трактуется как об источниках неправильных умозаключений и доказательств, так и о средствах открытия и разрешения ошибок.

Логические сочинения Аристотеля, взятые в целом, представляют собою удивительный образец систематического анализа мысли в её нормальных и ненормальных проявлениях. От простых элементов мысли анализ его идёт к более сложным. Прежде всего, необходимо было рассмотреть речь как обнаружение мысли со стороны её отдельных общих элементов, которые обуславливают характер, строй и смысл её: он исполняет эту задачу в своих «Категориях». Но речь должна быть рассматриваема и как связное целое, имеющее свой логический смысл и значение: Аристотель выполняет эту задачу в «Об истолковании». Предложения могут сочетаться между собою так, что из них может получаться новое предложение, и вот у него является в «Аналитике» учение о силлогизмах.

Силлогизм есть только приём сочетания мыслей, но мысли, в нём сочетаемые, могут быть или достоверные, или только вероятные, или положительно ложные. На сочетании достоверных положений основывается всякое доказательство, и учение о нём есть ἀποδεικτική. Сочетание мыслей вероятных есть предмет споров и рассуждений, защиты и опровержений: это и есть настоящая в собственном смысле диалектика. Наконец, неправильности в посылках или способах их сочетания дают происхождение софистике или софистическим доказательствам. Учение о доказательствах составляет предмет «Второй аналитики», диалектика излагается в «Топике», а анализ софистики — в сочинении «О софистических доказательствах». Стройно и методически развивается логическое учение Аристотеля.

При строго логической постепенности в переходе Аристотеля от одной задачи к другой нам нет нужды прибегать к произвольной выборке мнений его и определений и объединять их произвольно придуманным планом. Мы поэтому употребим приём объективный и будем излагать последовательно, из главы в главу, содержание сочинений Аристотеля. То неудобство, что в некоторых, немногих, впрочем, случаях придётся делать повторения одного и того же, с избытком окупается тою выгодой, что читатель будет знакомиться с логическими взглядами и определениями самого Аристотеля. Начнём с первого сочинения: «О категориях».

О категориях

Поставив себе задачу подвергнуть анализу всю область логического мышления, Аристотель прежде всего обращается к перечислению родов наших знаний, во главе которых стоят общие понятия. Эти общие понятия именно в силу своей крайней общности служат всеобщими сказуемыми предметов, и прежде всякого другого анализа нужно рассмотреть, что обыкновенно мы высказываем о вещах, в каком смысле трактуем о них вообще. С этой точки зрения Аристотель исследует категории или виды категорий. В «Метафизике» (IV, 6) он определяет их как категории всего сущего.

Аристотель начинает свое сочинение о категориях различением синонимов, омонимов и паронимов. Синонимами называются имена, которые употребляются для обозначения сходных предметов (напр. слово «человек» употребляется для обозначения и нарисованного, и действительного человека). Омонимы суть имена, употребляющиеся для указания тождественных сторон различных предметов (напр. имя «животное» употребляется по отношению и к человеку, и к быку). Паронимы суть выводные слова, как напр. «грамматик» выведено от «грамматика», «храбрый» — от «храбрости» (Peri kategor. I).

Наша речь может быть рассматриваема с двух сторон: как нечто целое — соединение многих слов, или со стороны отдельных слов, входящих в её состав (напр. «человек бежит» или «человек», «бежит») (II). Он переходит к анализу речи со стороны отдельных элементов. Слова, взятые сами по себе, вне связи с другими, означают или сущность, или величину, или свойство, или отношение, или определение места, времени, или положение, или состояние, или действие, или страдание.

Напр.:
— сущность — человек, лошадь;
— величина — два, три локтя;
— свойство — белый, грамматический;
— отношение — двойной, половина, более;
— определение места — в лицее, на площади;
— определение времени — вчера, третьего дня;
— положение — лежать, сидеть;
— состояние — быть убитым, вооружённым;
— действие — резать, жечь;
— страдание — резаться, жечься.
Каждое из этих слов, взятых в отдельности, ничего не утверждает и не отрицает (IV).

Затем Аристотель занимается (V) анализом сущности. Ею называется то, что не может быть высказываемо о другом предмете и что равно не может существовать в чём-либо другом; напр.: этот человек, эта лошадь. Анализ сущности у Аристотеля довольно обширный; так как она есть наиважнейшее логическое и метафизическое понятие — особенно в его системе, то он старался дать самое точное определение её. Здесь мы выскажем только результат его исследований. Он различает два вида сущностей. Одни называются у него первыми: это настоящие, важнейшие, в собственном смысле сущности. Они ни в каком случае не могут служить сказуемыми других предметов; сюда относятся названия отдельных вещей. Другие сущности он называет вторыми: это роды и виды. Но они могут быть и сказуемыми вещей: напр., Сократа мы называем человеком, лошадь — животным.

Общие черты их состоят в следующем:

- сущности не могут быть в субъекте;
- всякая сущность означает нечто определённое;
- они не могут быть сопоставляемы с противоположным каким-либо понятием;
- они не допускают количественного определения (более, менее);
- но самая отличительная черта сущности та, что она, оставаясь одною и тою же и по числу единою, способна принимать в себя противоположности (т. е. определяться противоположными чертами).

Количество. Есть различные виды количества: величины, состоящие из частей, и не состоящие из частей, т. е. непрерывные. Пример первых представляется в числах, речи; вторых — в линии, поверхности, теле, пространстве и времени. Самою характеристическою чертою величины Аристотель признаёт то, что к ней прилагаются сказуемые «равна» или «неравна» (VI).

Относительное есть то, что означает сравнение с чем-либо другим: напр., «большим» называется нечто сравнительно с другим чем-нибудь. Всё относительное допускает противоположности (знанию противоположно незнание). Далее ему свойственно определение «более» и «менее». Затем относительное предполагает взаимность между тем, что находится в отношениях (напр., раб есть раб господина, и господин есть господин раба). Наконец, относительное в большей части случаев существует вместе с тем, с которым оно соотносится (VII).

Качество подразумевается тогда, когда предмету приписывается то или другое свойство. Аристотель различает четыре рода качеств:

- свойство и состояние — первое отличается от последнего продолжительностью и постоянством (примеры свойств: знание, добродетель; состояний: теплота и холод, болезнь и здоровье);

- способность и неспособность (напр., способность к кулачному бою, бегу; мы говорим о телах, что они тверды или мягки);
- страдательные качества и массовые состояния (напр., сладость, горечь, теплота, холод, белизна);
- фигура и вид отдельных вещей (прямизна, кривизна и т. д.).

В речи качества означаются большей частью паронимами, т. е. словами выводными: напр., от «белизна» — «белый», от «справедливость» — «справедлив». Качества допускают противоположности («справедлив — несправедлив», «белый — чёрный»), определения степени («более» или «менее белый» предмет сравнительно с другими). Но самая характерная черта качеств та, что мы находим их подобными или неподобными (VIII).

В IX главе Аристотель делает краткие заметки о действии и страдании и только упоминает о категории положения, места, времени и имения. Изложивши таким образом учение о категориях как самых общих сказуемых, прилагаемых к предметам речи, Аристотель переходит к анализу вторичных категорий, прилагаемых нами к предметам. Они названы впоследствии Postpraedicamenta, т. е. вторичными сказуемыми.

Различными способами мы означаем, что одно противоположно другому:
- в относительном смысле;
- в смысле противоречия;
- лишения и имения;
- утверждения и отрицания (X).

О противоположном Аристотель замечает, что существование одной противоположности не предполагает непременно существования другой: напр., если человек здоров, то существует здоровье без болезни. Далее противоположное по природе встречается только в пределах одного и того же вида и рода (напр., здоровье и болезнь встречаются в одном животном теле). Наконец, все противоположности или принадлежат одному и тому же роду, или к различным противоположным родам, или суть сами роды (XI).

Четырьмя же способами мы означаем, что одно существует прежде другого:
- по времени;
- по численному порядку (один существует перед двумя);
- по простому порядку (логическому) в науке и речи;
- по качеству (XII).

В заключение Аристотель анализует понятия сосуществования, движения, имения. Сосуществование может быть или временное, или по природе; последнее замечается там, где одно заключает в себе основания для существования другого (XIII). Аристотель указывает шесть родов движения: происхождение, уничтожение, рост, уменьшение, изменение, перемена места (XIV). И наконец различие значений слова «иметь», высказываемое нами о предметах (XV).

Об истолковании.
В сочинении о категориях Аристотель анализировал содержание самых общих родовых обозначений предметов. Его категории почти то же самое, что категории, о которых мы трактовали в главе о понятиях. Но сказать, что Аристотель учил о понятии в смысле новой логики, было бы неверно: он касался содержания её под другим именем. Так же точно нет у него учения о суждениях в новейшем смысле, но он близко касается этого предмета в сочинении Περὶ ἑρμηνείας (De interpretatione). Мы постараемся при изложении его так же близко держаться подлинного текста, как и при изложении учения о категориях.

«Прежде всего нужно определить, что такое имя и глагол, потом что такое утверждение и отрицание, суждение и предложение», — так начинает Аристотель своё сочинение Περὶ ἑρμηνείας. Слова, выраженные в звуках, суть символы впечатлений души, как письмена суть символы слов. Как представление, взятое в отдельности, не представляет ни истины, ни заблуждения, но истина или ложь возникает из соединения одного представления с другим, так и в речи может обозначаться что-либо истинное или ложное только чрез соединение или разделение элементов её. Посему речь может быть рассматриваема или в целом как соединение слов, или со стороны её элементов, взятых в отдельности. Эти элементы речи суть имя и глагол (с. I).

Имя есть обозначающий звук с известным установившимся чрез соглашение значением. Глагол присоединяет к имени определение времени; он всегда есть знак для того, что говорится о чём-либо другом. Это основные элементы речи (с. II, III). Речь может быть рассматриваема и как целое. Тогда она является как предложение — прежде всего как обозначающее (καταφατικόν), затем отрицающее (ἀποφατικόν). Простое предложение есть ряд слов, означающих существование или несуществование чего-либо и притом заключающих в себе определения времени (с. IV, V). Утверждать значит приписывать что-либо чему-нибудь, отрицать — отделять что-либо от другого. Утверждению противоположно отрицание, и последнее есть противоречие первому (ἀντίφασις) (VI).

Аристотель различает общие и частные предложения: в первых говорится об общем имени, во вторых — о частных. Он указывает, в каких случаях они взаимно противны или противоречущи (с. VII). Это своё различение он прилагает затем к различным видам предложений: к единичным суждениям относительно будущего (с. IX), к суждениям, состоящим из подлежащего и сказуемого только, и из подлежащего, сказуемого и связи. При этом он останавливается на суждениях с определёнными и неопределёнными (бесконечными) подлежащими и сказуемыми (с. X); потом — в каких случаях многие признаки, отдельно присоединённые к подлежащему, могут быть объединяемы в суждении и в каких случаях — не могут (с. XI).

Аристотель трактует далее о предложениях, содержание которых служит нечто возможное и невозможное, случайное и неслучайное, невозможное и необходимое, т. е. рассматривает суждения со стороны их модальности (с. XII). Он даёт себе много труда указать, в каких случаях одно суждение следует за другим, так что верность одного предполагает верность другого, а неверность одного — неверность другого (с. XIII).

В заключение (с. XIV) Аристотель делает замечания о некоторых случаях противоречий предложений, когда противоречие заключается просто в отрицании известного признака или утверждении противоположного. Итак, Аристотель под учением о предложении излагает в главных чертах содержание того, что впоследствии в логиках стало предлагаться как учение о суждении. Качество, количество, модальность суждений им разбирались уже довольно подробно.

Аналитика — первая книга «Первая аналитика».
В «Аналтиках» первой и второй Аристотель даёт учение о силлогизмах и научных доказательствах, опирающихся на силлогизмах. Он различает прежде всего три рода суждений: силлогистическое, аподиктическое и диалектическое. Силлогистическое есть простое утверждение или отрицание чего-либо о предмете. Оно может быть общим, частным или неопределённым. Аподиктическим называется истинное суждение, основанное на первоначальных основаниях. Диалектическим — имеющее предмет своим только кажущееся и вероятное. Терминами (horoi) называются понятия, по которым разчленяются посылки (trophai).

Силлогизмом называется призм (собств. syllogismos), в котором через сопоставление предложений следует из них с необходимостью новая мысль (с. I A u. I). Прежде всего Аристотель занимается непосредственными умозаключениями и именно приёмом в позднейших логиках, известным под именем превращений. Этим путём:

- из всеобще отрицательного суждения получается суждение всеобще же отрицательное,
- из всеобще утвердительного следует частно утвердительное,
- из частно утвердительного — частно утвердительное,
- из частно отрицательного через превращение ничего не следует (с. II).

Таким же образом превращаются необходимые суждения: как всеобще отрицательные, так и обще- и частно утвердительные; из частно отрицательных аподиктических суждений ничего не следует. Что касается случайных, то из них утвердительные превращаются, как и обыкновенные силлогистические, но всеобще отрицательные не допускают полного превращения, ибо по форме они только случайно отрицательные, и по сути имеют частно утвердительный характер (с. III).

Как же складывается силлогизм?

Силлогизм есть основание доказательства: всякое доказательство есть силлогизм, хотя не всякий силлогизм есть доказательство. Аристотель рассуждает о построении силлогизма; различает термины: большой, средний и меньший, и по месту среднего термина различает три известных силлогистических фигуры.

В первой фигуре термины располагаются самым естественным образом, т. е. средний термин, употребляемый как подлежащее и сказуемое в двух посылках, соединяет оба крайние термины (больший и меньший).

Аристотель признаёт только четыре способа (modi) умозаключения по этой фигуре: Barbara, Celarent, Darii, Ferio. Все заключения по этой фигуре признаются им совершенными. Она называется первой и является наиболее совершенным инструментом для решения всех задач (с. IV).

Во второй фигуре средний термин занимает первое место, потому что оба других термина подчинены ему. Здесь, как и при анализе первой фигуры, указываются четыре возможных способа заключения, получившие впоследствии название modi: Cesare, Camestres, Festino, Baroco. Выводы по этой фигуре несовершенны и отрицательны (с. V).

Третьей фигурой он называет силлогизм, в котором «об одном и том же (подлежащем) в одном случае что-либо утверждается, в другом отрицается, или утверждается в обоих случаях». Эта фигура даёт шесть частных способов силлогизации (Darapti, Felapton, Disamis, Datisi, Bocardo, Ferison), но она несовершенна и не даёт ни утвердительно, ни отрицательно всеобщих заключений (с. VI). Посредством превращения заключения во второй и третьей фигурах они могут быть сведены к первой фигуре (с. VII).

До сих пор Аристотель излагал возможные способы силлогизмов, состоящих из обыкновенных категорических суждений и имеющих ассерторический характер.
Теперь он хочет показать, как образуется силлогизм, когда видоизменяются посылки, а именно, как умозаключается, когда:

- обе посылки имеют необходимый характер (с. VIII),
- одна посылка — действительное суждение, другая — аподиктическое (сс. IX—XII),

- обе посылки — случайные и возможные суждения (для первой фигуры с. XIV, для второй с. XVI, для третьей с. XX),
- одна посылка — ассерторическая, другая — случайное суждение (для первой фигуры с. XV, для второй — XVIII, для третьей — XXI),
- одна посылка — суждение необходимое, другая — случайное (для первой фигуры XVI, второй XIX, третьей XXII).

Мы не будем подробно входить в утомительное перечисление каждого modi этих умозаключений, сделаем только общие выводы из исследований Аристотеля:

- Когда обе посылки имеют необходимый характер, все заключения в этих посылках также необходимы.
- Когда одна посылка — действительное суждение, другая — необходимое, заключение выходит необходимое.
- Когда обе посылки — возможные суждения, то в первой фигуре некоторые заключения получаются только с помощью превращения; во второй — никакой вывод невозможен; в третьей — не выходит ни одного совершенного силлогизма и необходимо прибегать к превращению заключения. В этих заключениях — возможные суждения.
- Когда одна посылка — действительное суждение, другая — возможное, то во всех случаях получаются суждения возможные.
- Когда одна посылка — суждение необходимое, другая — возможное, то где возможно заключать прямо, там получаются заключения как возможные, так и в некоторых случаях действительные; где приходится заключать с помощью превращения посылок или заключения, то получаются суждения утвердительные.

После столь подробного анализа родов и видов силлогистических умозаключений Аристотель делает несколько общих замечаний о всех силлогизмах. Всякий силлогизм, кроме первой фигуры, несовершен и становится совершенным только по приведению его к первой фигуре. Только в ней находит своё завершение всякая силлогистическая работа.

Умозаключение может быть ведено или доказательно (de iudicio) или предположительно (probabile). В первом случае необходимо доказать связь между подлежащим и сказуемым заключения. Эта связь может быть выведена непосредственно, или с помощью третьего понятия, или через целый ряд понятий, но во всяком случае эта умственная работа есть силлогизация одной из указанных фигур.

Предположительное умозаключение иногда принимает форму deductio ad absurdum. Но когда мы указываем невозможные выводы из противоречащего нам суждения, мы также ведём дело одной из силлогистических фигур. Так как уже доказано, что вторая и третья фигуры завершаются первой, то значит, в последней заключена основа всякого возможного силлогизма (с. XXIII). Вторая общая для всех силлогизмов черта заключается в том, что одна из посылок непременно должна быть утвердительной и общего характера (с. XXIV). Третья — каждый силлогизм состоит из трёх понятий, не более и не менее, и только из двух посылок (с. XXV).

После того как рассмотрено, какими способами возможно силлогизировать, легко решать, какие положения труднее доказываются и какие легче. Общее правило здесь то, что положения, доказываемые по многим modi в разных фигурах, доказываются весьма легко. Всеобщие утвердительные доказываются только по первой фигуре; отрицательные — как по первой, так и по второй; частно-утвердительные — по первой и третьей; частно-отрицательные — по всем трём. Отсюда понятно, что всеобщие утвердительные положения легче опровергаются, чем все остальные, и доказываются все труднее (с. XXVI).

Задача объяснения, каким образом возникают силлогизмы, теперь решена. Но этого недостаточно. Необходимо, говорит Аристотель, показать, каким образом легче всего могут быть проверяемы силлогизмы в известных определённых случаях.

- Он различает три рода существований:
- Сущности, которые не могут быть ничьим свойством,
- Свойства, никогда не могущие быть подлежащими,

Род, занимающий средину между двумя первыми, который одновременно может служить и подлежащими, и сказуемыми.

Ни первый, ни второй не могут составлять предмет науки, только последний. Наука по необходимости должна выбирать вторые сущности. Итак, необходимо установить предмет, определить его, указать существенные особенности — то, чем он предполагается, чем сама вещь предполагается.

Между качествами вещи необходимо различать:

- то, что указывает на её сущность,
- на её особенности,
- на её случайные стороны,
- что может быть высказано о ней просто как мнение и что как истина (с. XXVII).

Далее Аристотель излагает правила для образования силлогизмов, смотря по различию характера посылок (с. XXVIII), или по различию родов самих силлогизмов: гипотетических вместо deductio ad absurdum, необходимых и возможных, т. е. проблемматических (с. XXIX), и, наконец, по различию содержания силлогизмов (с. XXX). Об одном из способов построения силлогизмов Аристотель упоминает деление. Деление, говорит он, есть как бы несовершенный силлогизм: оно предполагает данное, что ещё следует доказать, но тем не менее в нём всегда есть что выводится из самых понятий (с. XXXI).

Как на третью и последнюю задачу, поставленную в первой книге аналитики, Аристотель указывает на способы сведения всяких силлогизмов к умозаключениям первых трёх фигур.
Когда силлогизм неправильный, чтобы отыскать, где именно таится неправильность, нужно возвратить ему простую силлогистическую форму. Необходимо отыскать посылки, определить, какие из них всеобщие, какие частные, и дополнить недостающую посылку, если она опущена, как это часто случается. Затем нужно посылки разложить на их составные понятия (термины), и наконец уже определить, какой фигуре сделано умозаключение (с. XXXII).

Так как силлогизм основывается на соотношении понятий, Аристотель останавливается подробнее на том, как узнавать силлогистический приём, когда термины:

- не занимают своего настоящего места в умозаключении (с. XXXIII),
- обозначены неправильно (с. XXXIV),
- или не точно отделены отдельными именами (с. XXXV).

Здесь же Аристотель останавливается на указании различных оборотов речи, в которых термины связываются между собою (с. XXXVI), повторений термина в одной и той же посылке (с. XXXVIII), обозначений разных терминов одним словом (с. XXXIX), и различных способов выражения их в посылках (с. XLI).

Когда таким образом отысканы посылки и термины, на которых построен силлогизм, нетрудно определить, по какой из трёх фигур построен силлогизм (с. XLII). Но умозаключения гипотетические, равно как и deductio ad absurdum, не могут быть разрешены в силлогистические фигуры: они даются не путем умозаключения разума, а есть следствия простого соглашения (с. XLIV). Овладев силлогизмом, возможно превращать заключения

одной фигуры в заключения другой (с. XLI). Чтобы при этом анализе избежать ошибок, Аристотель указывает различие между определённым и неопределённым отрицанием (с. XLVI) и этим завершает первую книгу первой аналитики.

Итак, Аристотель вполне разрешил поставленную им задачу — объяснить возникновение, образование и основной состав частей силлогизмов. Его изумительный гений сразу ясно очертил круг своих исследований и до таких подробностей и мелочей проследовал свою задачу, что последующее время почти ничего не прибавило к сделанному Аристотелем. Рассмотрев способы образования силлогизмов, он переходит к наблюдениям над уже образованным силлогизмом.

Эти наблюдения, составляющие содержание второй книги первой аналитики, располагаются у него по следующему плану:

- рассматривает характерные черты всех умозаключений,
- недостатки и ошибки, которые могут быть допущены при построении силлогизмов,
- доказательства и имеющие близкие отношения к совершенному силлогизму.
- Вторая книга первой аналитики.

Какие же общие свойства силлогизмов?

Из одних и тех же посылок могут быть извлекаемы многие заключения: из посылок общих можно делать разнообразные выводы, из частно-утвердительных — также многие, но из частно-отрицательных — только одно заключение (1 Anal. B. с. I). Из истинных посылок не может следовать ложное заключение, но из неверных суждений иногда может быть получен правильный вывод: в первой фигуре (с. II), во второй (с. III) и в третьей (с. IV).

Различные силлогизмы допускают круговое доказательство, состоящее в том, что данным в известной связи терминам мы даём обратный порядок, делая прежнее заключение посылкой, а одну из прежних посылок изменяем по способу превращения. Например: всякое разумное существо имеет способность мыслить; всякий человек есть разумное существо; следовательно, всякий человек имеет способность мыслить. В этом силлогизме данные понятия в известной связи. Круговое доказательство имеет следующий вид: всякий человек имеет способность мыслить (прежнее заключение); всякое разумное существо есть человек (прежняя вторая посылка, но превращённая); следовательно, всякое разумное существо имеет способность мыслить. Во втором силлогизме мы возвратились к первой посылке первого силлогизма и, следовательно, как бы сделали круг. Аристотель доказывает возможность подобного доказательства по первой фигуре (с. V), второй (с. VI) и третьей (с. VII).

Возможны превращения силлогизмов, состоящие в том, что заключение одного силлогизма превращается в противоположное или противоречащее суждение и таким образом доказывается неверность большей или меньшей посылки первого силлогизма. Например: всё достойное желания полезно; всякое удовольствие достойно желания; следовательно, всякое удовольствие полезно. Через превращение большая посылка может быть опровергнута: ни одно удовольствие не полезно; всякое удовольствие достойно желания (меньшая посылка удерживается); следовательно, достойное желания нигде не полезно. Тем же приёмом может быть опровергнута вторая посылка: всё достойное желания полезно; ни одно удовольствие не полезно; следовательно, ни одно удовольствие не достойно желания. Сущность этого приёма состоит в том, что мы заключение данного силлогизма превращаем в противоположное суждение и затем делаем его большей или меньшей посылкой нового силлогизма; заключение должно получиться противоположное одной из посылок первоначального силлогизма.

Аристотель указывает применение этого приёма в первой фигуре (VIII), во второй (IX) и в третьей (X). С помощью трёх фигур можно вести доказательство через deductio ad impossibile или ad absurdum. Оно состоит в том, что для доказательства известного заключения мы допускаем противоположное ему суждение, делаем из него посылку, другую же посылку для нового силлогизма берём из суждений того силлогизма, через который пришли к доказываемому заключению; полученное невозможное заключение будет служить доказательством невозможности или противоречия доказываемой мысли.

Например, нужно доказать, что человек одушевлён: это положение есть вывод из следующего силлогизма: всякое животное одушевлено; человек есть животное; следовательно, он одушевлён. Deductio ad impossibile будет состоять в следующем: всякое животное одушевлено; ни один человек — не одушевлён (суждение противоречащее заключению прежнего силлогизма); следовательно, ни один человек не есть животное. Философ следует развитию этого приёма по первой фигуре (XI), второй (XII) и третьей (XIII) и сравнивает его с обычным силлогистическим (прямым) доказательством (с. XIV). Наконец, он указывает, по каким фигурам можно заключать из двух противных положений. Такие заключения бывают необходимы, когда при опровержениях мы приводим противника к необходимости допускать два противоречащих заключения (XV).

Рассмотрев, к чему способен силлогизм, Аристотель переходит к рассмотрению ошибок, обычно допускаемых при силлогизации: Petitio principii — когда мы доказываемое заранее предполагаем; это может случиться в четырёх случаях: повторяем данное в посылке; выводим его из равно недостоверных или даже более недостоверных положений; доказываем положение тем, что собственно из него следует (с. XVI).

В непрямых доказательствах (deductio ad impossibile) заключение, хотя действительное невозможно, может не следовать из посылок и таким образом не может служить к опровержению противника (с. XVII). Первые предположения, на которых опираются доказательства, могут быть ложны (с. XVIII). При опровержении возможно, что противнику предоставляется повод вследствие собственной небрежности, к заключениям, противоречащим нам (с. XIX). Иногда противник опровергает наш вывод на основании наших же собственных предположений (с. XX).

Иногда случается самообман при доказательстве: неверно подчиняем больший термин среднему, не знаем правильного отношения меньшего термина к большему и т.д., судя о чём-либо, не соображаем, какие заключения могут вытекать из наших посылок (с. XXI). Но достоверность заключения доказывается не тем только, что оно необходимо следует из посылок. Если в нём крепко связываются два термина на том основании, что каждый из них связан с третьим, то твердость этой связи должна быть проверена изменением: как бы мы ни изменяли отношений их, во всех случаях она должна оказаться надежной.

Поэтому Аристотель приступает к перечислению правил, которыми должно руководствоваться в семи случаях. Эти правила в схоластической логике получили название regulae consequentiarum (с. XXII). Наконец, он переходит к способам доказательств, также основанных на силлогизмах, но только несовершенных. Сюда относятся:

Индукция. Аристотелевская индукция, конечно, совсем не то, что индуктивный метод Бэкона. Под индукцией понимается подстановление в заключении рода вместо вида, то, что в схоластической логике называлось inductio imperfecta. Пример: человек, лошадь и лошак различаются долей желчи; человек, лошадь и лошак имеют мало желчи; следовательно, животные маложелчны долей живут. Силлогизм по существу своему известен и имеет prius существования; индукция для нас очевиднее (с. XXIII).

Пример. Доказательство состоит в изложении общего положения примерами, подобными друг другу. Например: вредно афинянам вести войну с фивянами, ибо вообще вредно вести войну с соседним народом, как это видно на войне фивян с фокейцами (с. XXIV).

Абдукция (abductio). Сущность этого доказательства состоит в выводе положения малоизвестного, неочевидного из более очевидных посылок, т.е. в выводе предположительной истины, опирающейся на несомненные положения. Пример: паука можно изучать; справедливость есть наука; следовательно, паука можно изучать (т.е. ей можно учиться) (с. XXV).

Возражение, или положение, противоречащее устанавливаемым посылкам (с. XXVI).

Энтимема — заключение из вероятных оснований или чисто внешних признаков.
Пример: женщина имеет молоко, значит беременна; эта женщина имеет молоко; следовательно, она беременна. Это заключение — энтимема, основывающаяся на внешних признаках. Так как здесь мы заключаем от одного признака к другому, то на этом способе заключения основывается физиономическое искусство — искусство заключения от внешних признаков к внутренним (с. XXVII). Все последние доказательные приёмы Аристотель называет реторическими. Он хотел показать, что силлогистические фигуры имеют значение не только в диалектических и аподиктических заключениях, но и в реторических.

Таково содержание второй книги первой аналитики.
В первой книге своей аналитики Аристотель рассматривал силлогизм преимущественно со стороны его формы. Он разрешил его на составные элементы, указал способ образования, проследил его по тому, насколько он служит орудием диалектических, аподиктических и реторических доказательств. Он везде поэтому старался свести всякое доказательство к простой силлогизации, и этим отчасти объясняется некоторая сухость и слишком формалистический характер первой книги аналитики. Теперь он берет значение силлогизма шире: он хочет показать, какое значение его для знания, для науки вообще. Но наука развивается или через доказательство, или путем определения. Этими двумя способами приоритется доказываемое знание (аподиктическое), и вот во второй аналитике Аристотель трактует с одной стороны об аподиктическом знании и доказательствах, с другой — об определении.

Первая книга второй аналитики.
Продолжая свою речь о доказательствах, Аристотель отнюдь не повторяется. В первой аналитике он говорил о нем, поскольку оно возникает из силлогизма и опирается на него: там была речь о силлогизме как душе всякого доказательства. Здесь он говорит о нем как орудии аподиктического знания, исследует его основания и приемы.

Знание может основываться либо на умозаключениях, либо на индукции. В первом случае предполагаются общие предварительные знания, из которых можно делать какие-либо заключения; в последнем мы приходим к общему через разъяснение частного. Предварительные знания — двух родов: необходимо знать, что нечто существует; необходимо понимать, что оно такое. Мы познаем поэтому либо тем путем, что имеем общие понятия, которым подчинены многие частные, либо узнаем предмет в момент его восприятия (Analys. Sec. A, c. I).

Такое знание, которое показывает нам причину чего бы то ни было и основание, но которому известный факт не может не быть таковым, приобретается только путем доказательства. Но доказательство есть научное умозаключение, научное потому, что через него мы нечто узнаем; оно предполагает нечто истинное, первоначальное, непосредственно очевидное, основание заключения; в противном случае путем доказательства никакого знания не

получилось бы. Это основание называется началом, оно может быть диалектическое, когда в посылке делается два предположения (раздельное суждение), аподиктическое — когда прямо ставится простое положение (с. II).

Нельзя согласиться с мнениями: 1) что нет доказательного знания, ибо принципы доказываемы быть не могут; 2) что знание — между прочим знание принципов — может быть доказываемо. Первое полагает: так как в доказательстве одно основывается на другом, другое на третьем и т.д., то приходится либо допускать бесконечную цепь истин, либо остановиться на бездоказательных положениях, следовательно шатких. Второе полагает, что все может быть доказываемо, так что между мыслями есть круговая порука. Против первой Аристотель утверждает, что есть непосредственные очевидные истины, которым в доказательствах уже не требуется, против второй он указывает на ранее сделанные исследования относительно круговых доказательств (с. III).

Установив значение логических терминов: универсальное (вообще), само в себе и целое (с. IV) и указав возможные ошибки относительно допущения всеобщего характера там, где его нет (с. V), Аристотель прилагает эти понятия к принципам. Как основания доказательств, они должны быть необходимы и всеобщи. Если мы хотим сделать заключение твердым и нерушимым, то положение, из которого оно вытекает, должно быть необходимо; оно должно иметь качество необходимого, т.е. вытекать из самой сущности предмета и не иметь в себе ничего случайного (с. VI). При этом принципы должны избираться из той области, к которой предмет относится; например, геометр не должен брать для себя принципа из области арифметики (с. VII), и это условие так важно, что им нельзя жертвовать ни для каких целей (с. IX).

Итак, какие же существуют принципы доказательства вообще? Есть общие, прилагающиеся ко многим областям знания, и частные, свойственные тому или другому классу знаний. Рядом с такими принципами существуют гипотезы и постулаты. Гипотеза есть предположение еще недоказанное и принимаемое за таковое. Постулат есть также предположение, но не признаваемое общим мнением за вероятное (с. X).

Как пример самых общих положений, предполагаемых всеми науками, Аристотель приводит аксиомы: невозможно одновременно и утверждать что-либо и в то же время отрицать (принцип противоречия) и о том же возможно либо утверждать, либо отрицать (принцип исключения третьего). Первая только предполагается в доказательствах, но непосредственное применительно к делу крайне редко, вторая применяется в deductio ad impossibile (XI). По внешней форме положения для доказательств могут иметь вид вопроса (XII). Но своей целью доказательства могут разъяснять либо то, что есть, например: что находится на близком расстоянии, то не блестит; планеты находятся на близком расстоянии, следовательно, они не блестят, — или почему так есть, а не иначе.

Знание, что существует радуга, относится к физикам, имеющим дело с показаниями и внешними чувствами. Знание, почему существует радуга, относится к астрономам, но скольку они математики. Следовательно, первое знание чувственное, второе — математическое (с. XIII). То и другое знание развивается преимущественно по приему первой силлогистической фигуры (с. XIV).

Разъяснив таким образом, что такое знание и что такое орудие его — доказательство, исследуемое с точки зрения принципов, на которое оно опирается, Аристотель далее объясняет, что такое незнание и заблуждение как противоположность знания. Он раскрывает их источники и виды. Ошибки и заблуждения могут быть весьма разнообразны. Незнание есть либо простое отсутствие знания, либо неудовлетворительное соединение понятий. Мы можем: 1) неверно соединять два понятия в посылках каждой фигуры, и

Аристотель разбирает, какие получаются заключения в каждой из фигур при их комбинациях правильных и ложных посылок (с. XVI); 2) логическое заблуждение может состоять в неправильном соединении понятий через средний термин (с. XVII). Простое отсутствие знания замечается там, где нет чувственных наблюдений, т.е. где нет наблюдения отдельных предметов (с. XVIII).

Теперь Аристотель переходит к указанию самых способов доказательств и прежде всего ставит общий вопрос: возможно ли, начиная с самого низшего понятия, восходить к высшим до бесконечности; возможно ли, начиная с самого общего понятия, низходить до бесконечности; может ли цепь посредующих понятий между двумя соединяемыми быть также бесконечной? Решить это значит решить, возможно ли доказательство вообще: ибо, предполагая бесконечность доказательного пути в упомянутых трех случаях, мы отвергаем тем возможность всякого доказательства. Таким образом здесь он снова возвращается к вопросу, поставленному выше о существовании недоказываемых принципов, но только рассматривает его с другой стороны (с. XIX).

Невозможно, чтобы понятия, соединяющие подлежащее с сказуемым, представляли бесконечный ряд (с. XX), равно как и в отрицательном доказательстве путь от одного понятия к другому также не бесконечен, по какой бы силлогистической фигуре ни двигалась мысль (с. XXI). В положительных доказательствах нет бесконечного ряда, ни в том случае, когда мы восходим от низшего понятия к высшему, ни когда низходим обратно. Если бы лестницы понятий были бесконечны вверх, то не существовало бы категорий; если бы в сущности было бесконечное число свойств, не могло бы быть знания предметов самих в себе, ни определения сущностей (с. XXII).

Отсюда следует, что непосредственные положения (принципы) недоказываемы, что доказывать возможно только посредственные, и что движение к началам совершается тем путем, что к меньшему термину (низшему понятию) мы подыскиваем ближайший среди (более высшего) (с. XXIII). Какие же есть сравнительные достоинства доказательств и какие способы их предпочтительно должны быть избираемы? Общее доказательство тверже частного, ибо первое указывает нам основание, почему есть то или другое; притом оно приводит нас к простому выводу, тогда как частное увлекает в бесконечные подробности (с. XXIV); Утвердительное доказательство предпочтительнее отрицательного, ибо первое проще последнего и притом самое отрицание возможно только на каком-либо положительном основании (с. XXV);

Прямое доказательство лучше непрямого — deductio ad impossibile.

Через доказательство создается наука, а потому различия в доказательствах можно проследить и на самых науках. Те из них, которые занимаются фактами и причинами их вместе, совершеннее занимающихся только фактами; абстрактные совершеннее материальных (как общие доказательства предпочтительнее частных), науки, имеющие дело с более простыми принципами, лучше наук, у которых они усложнены (с. XXVII). По различию принципов своих доказательств науки бывают однородны или различны (с. XXVIII).

Из понятия о науке как знании доказательном легко вывести, что именно не может быть предметом научного доказательства. Именно: Все случайное доказываемо быть не может (с. XXIX); Чувственные восприятия также не входят в круг аподиктического знания, ибо они дают нам одни только подробности, но не общее (с. XXXI); Предмет мнения уже потому не может входить в область науки, что оно может быть и истинно, и ложно, притом же оно шатко и постоянно колеблется (с. XXXIII).

В последней главе первой книги второй аналитики Аристотель делает замечания об искусстве находить понятия посредствующие между соединяемыми, в чем собственно и состоит настоящая проницательность ума (ἀντίληψις) (с. XXXIV).

Вторая книга второй аналитики

Другой научный приём — определение. Учение о нём составляет предмет второй книги второй аналитики. Определением мы устанавливаем содержание науки, своего знания. Что же составляет предмет и цель наших знаний? Мы стремимся знать, что случается (ejest), напр., мы задаём себе вопрос, случаются ли с солнцем затмения, почему оно существует (dischi), напр., почему солнце затмевается, затем — существует ли нечто вообще (c-g), напр., существуют ли кентавры вообще или нет, и наконец, что такое существует (ti estin), напр., что такое Бог, человек (An. sec. B. c. I).

Во всех этих случаях мы ищем в сущности среднего термина. Когда мы спрашиваем, существует ли нечто и как существует, мы ищем того, в каком смысле понятие бытия может быть прилагаемо к предметам в общем или частном смысле. Когда мы исследуем причину, то опять ищем среднего термина, который есть и причина, и основание, и в нём же мы находим ответ на то, что такое существует в данном случае (с. II).

Чтобы разъяснить себе сущность определения, необходимо сравнить его с доказательством. Первое отнюдь не тождественно с последним. Определение имеет в виду главнейшее — показать, что именно существует; то же, что существует, всегда общего и притом категорического характера. Между тем силлогизмы могут быть отрицательные и притом частные: напр., силлогизмы второй и третьей фигуры; даже силлогизмы первой фигуры отнюдь не совпадают с определением, напр., силлогизм, доказывавший, что три внутренних угла треугольника равняются двум прямым. Притом определение не касается существования или несуществования предмета, тогда как именно это и составляет предмет доказательства. Поэтому об одном и том же не может быть и доказательства, и определения вместе. Определения служат принципами для доказательств, но принципы не доказываются; определения говорят о том, что существует и в чём состоит сущность предмета (с. III).

Определение не может быть доказываемо чрез силлогизм. Последний нуждается в среднем, соединяющем понятия термин, определение же трактует о существовании предмета, о характерных и существенных признаках (с. IV). Равным образом оно не может быть отождествляемо и с разделительным силлогизмом (делением) (с. V). Даже и индукция не может служить доказательством определения, равно и чувственное впечатление (с. VII). Имея дело с понятием, определение разъясняет нам его сущность, его существование, силлогизм же или аподиктическое доказательство только приводит в ясность то, что уже дано в понятии (сс. VIII–IX).

Так как определение объясняет, что такое известный предмет, то объяснение может прежде всего касаться названия его: это будет определение именное (номинальное). Но оно может касаться самой причины вещи. Последнее раскрывает самое существо вещи. Определение вещи может быть троякое: оно может просто указывать, что такое предмет; может состоять в выводе, что он такое, и различаться от доказательства одною формою; или быть заключением доказательства, и не иметь дела с сущностью вещи (с. X).

Определение занимается разъяснением оснований и причин. Посему нужно отдать отчёт, что собственно разумеется под причиной. Аристотель различает четыре рода их: формальную — понятие вещи; материальную, или материальное основание частных вещей; движение или причину действующую и, наконец, конечную (с. XI). По времени причины могут

быть настоящие, прошедшие и будущие. Причина и действие могут существовать вместе и порознь. Только в последнем случае заключают обыкновенно от последующего к предыдущему, как при обсуждении прошедшего, так и будущего (с. XII).

Как же следует построить правильное и ведущее к истинному знанию определение? Метод построения его основывается на делении: ибо только с помощью последнего возможно найти части определения, равно перечислить все важнейшие признаки предмета. При этом нужно иметь в виду существенные признаки вещей, перечислять их в последовательном порядке (с. XIII). С помощью определения и деления возможно искать правильных ответов на вопросы (проблемы) (с. XIV), как совершенно однородные, так и обобщаемые только в общем высшем понятии (с. XV).

В остальной части этой книги Аристотель снова возвращается к столь важному для него понятию причины и действия. Можно ли заключать от причины к действию и наоборот, от действия к причине? Они не существуют вместе, причина всегда предваряет действие: если бы они существовали вместе, тогда было бы безразлично, от которой из них заключать к другой. Тогда от затмения луны, как причины, можно было бы заключать к положению земли относительно солнца и луны, как действию. Когда проблема общего характера, то и искомая причина тоже должна быть общая (с. XVI).

Может случаться, что одно и то же действие происходит от многих различных причин; только одно и то же явление никогда не замечается в различных видах предметов. Напр., долговечность животных четвероногих может происходить от малого количества жёлчи, у птиц — от их сухой природы или от чего-нибудь другого (с. XVII). При этом ближайшее понятие вещи есть ближайшее основание, более же общее не может быть истинною причиною (с. XVIII).

После этого долгого и длинного пути, по которому Аристотель шёл к разъяснению оснований и приёмов знания, он в заключительной главе второй книги второй аналитики (с. XIX) поднимает наиважнейший вопрос о происхождении принципов и отношении разума, созерцающего их, к знанию.

Прирождено ли нам знание принципов, или не прирождено? Если оно даётся нам от природы, то тогда выйдет, что в нас, без всякого нашего ведома, существует знание более достоверное, чем приобретаемое доказательствами. Если же мы приобретаем их опытом, то спрашивается, как без знания принципов мы вообще можем что-либо знать? Следовательно, в нас должна существовать способность познавать принципы. Невидимо, она прирождена всякому живому существу. У одних животных от чувственных впечатлений остаются следы, у других — нет: последние не имеют никаких знаний, кроме чувственных восприятий. Первые способны к представлениям, и когда они умножаются в душе, возникают у некоторых понятия (логосы). Благодаря памяти образуется опыт, из последнего — поскольку он содержит в себе элементы общего — науки и искусство. Корень всех этих способностей — в чувственном восприятии. Итак, первое знание приобретается из опыта.

Между различными родами мышления различаются одни, ведущие всегда к истине, другие — иногда и к заблуждениям (как, напр., деятельность рассудка — логизм). Только разум непогрешим. Так как принципы доказательств известнее последних, и, с другой стороны, всякое знание приобретается путём доказательств и логической деятельности, то обыкновенное знание не может иметь дела с этими принципами. Последние должны составлять область созерцания разума, ибо кроме логического знания у нас нет другого мышления, как созерцание ума (nous). Он есть принцип знания, основание оснований.

ТОПИКА

Смысл и значение аналитики Аристотеля понятен. Он желал рассмотреть в подробности основы, на которых строится наука, то, что составляет её душу. Начав с силлогизма, как самого роста приёма соединения понятий, он рассмотрел всевозможные силлогистические способы, определил их значение и сравнительное достоинство заключений, к которым они приводят. От анализа силлогизмов он перешёл к рассмотрению главных научных сложных приёмов, примыкающих к ним: доказательству и определению. Мы видели, как блистательно исполнил эту задачу наш философ. Аналитика действительно есть неоспоримый орган всякой дедуктивной науки и с этой стороны остаётся важнейшим логическим трудом, каким когда-либо являлся в истории.

В топике, к анализу содержания которого мы перейдём, Аристотель преподаёт правила искусства диалектического или умения рассуждать о предмете pro и contra. В сочинении «О софистических доказательствах» он говорит следующее (с. II): при научном обсуждении можно иметь в виду четыре рода оснований: 1) научные, 2) основания споров, рассуждений, 3) исследовательские, кажущиеся только истинными, 4) кажущиеся только вероятными, но в действительности не истинные. О первых и связанных с ними аподиктических явлениях было в аналитике, о четвертых будет говориться в «Софистических доказательствах», о вторых и третьих — в Топике. Таким образом, в топике Аристотель намерен рассмотреть основания всякого спора или рассуждения о вероятных мыслях.

Во всех спорах, как и в всяком рассуждении, существуют общие приёмы рассмотрения вопросов, или общие точки зрения на предметы, не зависящие от их содержания. Эти общие точки зрения называются топос, loci communes, общие места. О таких общих местах рассуждает Аристотель, и потому его сочинение получило название «Топика».

Первая книга Топики

Цель настоящего исследования, так начинает первую книгу Аристотель, состоит в том, чтобы найти метод, посредством которого о каждом встречаемом вопросе можно было бы образовывать заключения из вероятных положений и сверх того защищать свой взгляд, не впадая в противоречие.

Нужно различать три рода умозаключений: аподиктические, в которых заключения следуют из первых непосредственных истинных предположений; диалектические, идущие от предположений только вероятных, т.е. для всех или многих кажущихся истинными; эристические, которых два вида: одни идут от вероятных посылок, но не таковых в действительности, другие составляют заключение только кажущееся. Первые ещё можно назвать эристическими силлогизмами, вторые суть силлогизмы только по названию. Кроме указанных умозаключений существуют ещё паралогизмы, или совершенно ложные умозаключения (с. I, lib. 1, topica). Предпринимаемое исследование важно в трёх отношениях: оно полезно для упражнений, для общественных рассуждений, для философских наук (с. II).

Содержательные рассуждения составляют положения и проблемы. Они различаются только формой: последние излагаются в вопросительной, первые — в категорической форме. Но каждое положение означает или род, или исключительно свойственную предмету черту, или нечто случайное в нём. Отличительные черты предмета могут касаться или сущности его, и тогда они будут составлять его определение, или же только означать что-нибудь характерное в предмете. Поэтому всё, что может быть высказываемо о предмете, касается либо свойственного ему признака, либо рода, либо определения, либо случайного свойства в нём (с. IV).

Определение есть соединение слов, в котором означаемо существо предмета (то ті estin). Принадлежность, хотя и не содержит в себе сущности вещи, тем не менее свойственна только известному предмету, напр., человеку свойственно быть способным к науке. Род есть нечто высказываемое о многих предметах вообще, напр., человек есть животное. Случайность в предмете есть нечто, могущее быть или не быть в нём (с. V). Указание родовой, характерной и случайной черты имеет близкое отношение к определению, хотя и нельзя установить один общий метод для всех этих способов обсуждения ещё (с. VI). На основании этих точек зрения на предметы мы устанавливаем до известной степени тождество между ними. Говоря вообще, тождество возможно либо в отношении числа, вида, либо рода. Но обыкновенно под ним разум понимает числовое тождество, и притом когда предметы родственны со стороны своего определения, или имеют общую характерную принадлежность, или какие-нибудь случайные тождественные качества. Кроме перечисленных общих свойств предметов других нет (с. VIII). По какой бы категории мы ни обсуждали предметы, мы непременно будем отыскивать который-либо из означенных атрибутов (с. IX).

Мы познакомились таким образом с тем, что можно искать в предметах вообще. При рассуждении о них мы доискиваемся определения, т.е. сущности их, рода, характерной принадлежности и случайного элемента в них. Теперь следует рассмотреть, каким логическим характером отличаются диалектические положения.

Диалектическим называется то положение, которое кажется учёным или вообще большинству вероятным, мнение не противоречит основоположениям науки (с. X). Диалектическими проблемами называют вопросы, устанавливаемые для исследования, но не решённые ещё категорически в какую-либо сторону, напр., вечен ли мир или не вечен. Тезисом называется мнение, несогласное с общепринятым, напр., мнение Антисфена, что невозможно противоречие, или Гераклита, что всё движется. Само собой разумеется, что не каждая проблема и не каждый тезис могут быть предметом спора, но только такие, которые заслуживают серьёзного внимания (с. XI).

Опровергать и доказывать возможно только двумя способами: или через силлогизм, или через индукцию (с. XII). Чтобы успешно пользоваться ими, необходимо: 1) делать строгий выбор положений для обсуждения; 2) требуется знание различных оттенков словоупотребления; 3) необходимо уметь находить различия; 4) и рассматривать сходства (с. XIII).

Посылки для рассуждений можно брать или из круга общепринятых мнений, или мнений, разделённых умным и ученым и людьми, далее — мнений, противоречащих общепринятым, наконец — частных положений, имеющих место в отдельных науках. По своему содержанию положения могут быть физические, логические и философские. Их нужно брать в самом общем смысле и затем разчленять на многие частные (с. XIV). Аристотель сообщает различные правила для узнавания, в одном ли или не одном значении употреблено слово в предложении (с. XV). Нужно обращать внимание на различия, существующие в роде, или на различия одного рода от другого (с. XVI). Необходимо отыскивать общие черты между родами, между отношениями видов к роду, между видами одного и того же рода (с. XVII).

Затем Аристотель в подробности указывает пользу своего исследования в области диалектики для ясности мышления и для каждого логического приёма в частности: силлогизмов, индукции, гипотетических умозаключений, установки определений (с. XVIII).

Этой главой заканчивается первая книга Топики.

Вторая книга Топики

Аристотель начинает с анализа случайного признака, могущего быть приписываемым предмету. В всех положениях, в которых он определяется или ему приписывается родовая черта или нечто характерное, они могут быть превращаемы, потому что эти признаки приписываются ему не в каком-либо только известном отношении, а безусловно, прямо. Между тем положения, в которых указывается нечто случайное, прямого превращения не допускают: известный атрибут приписывается в них предмету только в известном отношении, небезусловно (с. I).

С каких же точек зрения нужно рассматривать случайное? Необходимо смотреть, действительно ли случайно то, что выдаётся в предмете за таковое; далее — справедливо ли оно приписывается или отрицается от чего-нибудь; нужно анализировать понятия, субъективно прилагаемые к нему случайности, каждое в отдельности или сравнительно с другим, рассмотреть, нет ли какой ошибки в предположении известной случайности в предмете, и наконец нужно обращать внимание, верно ли словоупотребление в данном случае (с. II).

Когда мы что-либо утверждаем в разнообразных значениях, необходимо сосредоточить доказательство на одном значении, если нельзя защитить другие. Так следует поступать, когда в положении разнообразие смысла ничем не обнаружено. Когда же оно прямо обнаруживается, сначала нужно точно указать, в каком смысле и в каком отношении что-либо утверждается, и потом уже принимать это за доказательство или опровержение; и подобные анализы значений слов должно делать настолько, насколько это нужно для рассуждений (с. III). Иногда необходимо синонимически заменять одно выражение другим.

С внешней стороны, с которой мы заявляем свои доказываемые мысли или опровергаем другие, нужно переходить к самому делу. Если нужно доказать, что один предмет может иметь противоположные качества, необходимо рассмотреть его род: ибо от него можно заключать к виду. Всё, принадлежащее роду, необходимо предполагает его видами. Иногда можно от вида заключать к роду: ибо что принадлежит первому, может принадлежать и второму. В иных случаях при опровержении необходимо обращаться к точным определениям дискутируемого предмета. Нужно обращать внимание на условия, предполагаемые утверждаемым положением, и последствия из него вытекающие, а к некоторым случаям — на самую последовательность событий (с. IV).

Так как софисты часто отклоняют своих противников от настоящего опорного вопроса и подставляют другой, более удобный для них, нужно отдавать себе отчёт, когда подобное средство действительно необходимо или кажется таковым, и когда оно ни в каком отношении не необходимо (с. V). Во всех случаях, когда предмету один из двух признаков необходимо должен быть приписан, можно от присутствия одного из них заключать к отсутствию другого и наоборот. Можно иногда защищать то значение слов, которое кажется наилучшим, иногда рассматривать данный признак: необходим ли он или случаен, или замечается в предмете только в большинстве случаев. Необходимо также обращать внимание на правильность деления (с. VI).

Необходимо далее при опровержении и защите различать разные степени противоположения подлежащих и сказуемых, противоречащих положениям, в каждом данном случае; отдавать себе отчёт, чему и как противоречит, и затем правильно пользоваться выводами на основании противоположения (contrepositio). Здесь подробно излагается у Аристотеля известный приём непосредственных умозаключений, называемый «противоположением». Аристотель указывает, какие выводы можно позволять себе на основании противоположности суждений (с. VIII).

Нужно различать понятия связанные (tithēgma) и видоизменения одного и того же слова. Всё, что утверждается или отрицается об одном из них, имеет значение и по отношению ко всем остальным. Например, что мы скажем о справедливости, то будет прилагаться и к «справедливому» и т. п.

В некоторых случаях необходимо восходить к причинам происхождения и уничтожения предметов (с. IX). Можно основывать свои доказательства и опровержения на подобии предметов, на сравнительном количественном отношении их. С последней точки зрения можно соображать, всегда ли большее количество субъекта предполагает большее количество атрибута; от неприсутствия свойства в предмете, которому оно свойственно, можно заключать к неприсутствию его в другом, которому оно менее свойственно; от неприсутствия в предмете свойства, более идущего к нему, можно заключать к неприсутствию того, менее идущего; наконец, от неприсутствия одного свойства предмету, более тесно связанного с ним, чем другое качество связано с другим предметом, можно заключать к неприсутствию последнего. На основании сходства предметов можно заключать: от неприсутствия качества в одном к неприсутствию его в другом предмете, подобном первому; от неприсутствия одного качества в предмете к неприсутствию в нём другого свойства, подобного первому; от неприсутствия одного атрибута в одном предмете можно заключать к отсутствию другого, подобным образом применяемое к другому предмету (с. X).

Наконец, на основании факта количественного обсуждения свойств в предмете всегда можно предполагать простое присутствие в нём носителя. Нужно, впрочем, различать при этом высказываемое условно и утверждаемое категорически (с. XI).

Третья книга Топики

И в третьей книге анализируемого сочинения Аристотель преследует ту же задачу, какая занимала его во второй. Весьма обширный разряд «случайных атрибутов», приписываемых предметам, возникает из нашей сравнительной оценки их: одни из них мы находим лучшими, другие худшими, рассуждаем о них как о достойных желания или отвращения и т. д. Он указывает в третьей книге различные точки зрения для обсуждения предметов с этой стороны.

Чем же руководствоваться при обсуждении ценности, желательности предметов? Аристотель замечает, что он не намерен рассуждать о вещах, очевидно неравноценных (например, счастье, богатство), но только о близких одна к другой так, что можно сомневаться, какая из них ценнее. Во-первых, долговременное должно предпочесть быстропреходящему. Далее, достойно желания то, что предпочитаются разумными людьми. Что ценно само по себе, желательнее того, что ценно ради чего-нибудь другого; то, что есть причина блага само по себе, предпочтительней случайной причины его; непосредственно благо — блага частного относительного, потребное для высших существований предпочтительней потребного для низших; цель — средств, достижимое и возможное — недостижимое и невозможное; действие с лучшей целью предпочтительней того, которое имеет худшую цель; красота нравственная — каких-нибудь материальных выгод (с. I).

Аристотель обсуждает далее предпочтительное и ценное со стороны следствий вещей. Имеющее следствием своим большее благо предпочтительней сопровождающегося меньшим; в иных случаях следующее зачем-нибудь необходимо предпочитать тому, что предваряет его. Добро, с которым соединяется удовольствие, предпочтительней, нежели не сопровождающееся им; более годное по времени предпочтительней менее годного; что полезно во всякое время, то наибольшее полезно; что ближе к благу, лучше; другое менее близко к нему; что подобнее хорошему, предпочтительней; менее подобное — менее

предпочтительно; также — сопровождающееся меньшим отягощением, нежели более трудное. Первое в своем роде, лучше чем род другой, предпочтительней лучшего в последнем; что мы предпринимаем относительно друзей, лучше, чем делаемое по отношению ко всякому и т. д. (с. II).

Из вещей, относящихся к одному и тому же виду, предпочтительней те, которые наиболее отличаются совершенствами этого вида или оказывают лучшее действие. Можно руководствоваться в желаниях и сравнительными степенями пользы вещей. Что человек приобретает самостоятельно, то лучше, чем приобретаемое через других; что само по себе желательно, предпочтительнее того, что таково только по мнению других; что достойно уважения само по себе, лучше, чем уважаемое ради чего-нибудь другого. Необходимо различать разные мотивы предпочтения: пользу, нравственную красоту, приятность (с. III).

Если высшая степень чего-либо желательна, то желательна и низшая (с. IV). Затем Аристотель дает указания, как определять степени развития той или другой вещи (с. V).

Аристотель заключает главу указаниями, как можно доказывать и опровергать частные положения, в которых высказывается о предмете случайный признак. Можно доказывать на основании противоположности суждений, напр.: если удовольствие есть благо, то неудовольствие есть зло; с другой стороны, можно при сравнении вещей основываться на равенстве или сравнительном неравенстве предметов, особенно если они так тесно связаны между собой, что существование чего-либо в одном предмете предполагает существование того же в другом. Этой точкой зрения можно пользоваться и для опровержений: напр., если знание есть высшее благо относительно удовольствия, то кто отвергает знание как благо, тот отвергает и удовольствие как благо.

Существуют условные умозаключения, в которых от одного предмета заключается ко всем другим одного и того же рода, напр.: если душа человеческая бессмертна, то бессмертны и все другие души (животных и растений), а если душа человеческая смертна, то таковы же и все остальные. В этих случаях мы обобщаем частный факт.

Случайные признаки могут быть высказываемы о предметах неопределенно и определенно. Неопределенное частное положение может быть опровергаемо только по одному способу. Именно частному суждению противника (одно из удовольствий есть благо) можно противопоставить всеобщее отрицание (ни одно удовольствие не есть благо). Доказывать же такое положение можно двояким путем: во-первых, доказывая его вообще как общее положение, и затем — как частное суждение. Далее указывается, как можно доказывать и опровергать суждения определенные (с. VI).

Четвертая книга Топики

Аристотель переходит к указаниям, как нужно обращаться с понятием рода. Четвертая книга Топики посвящена этому предмету. Прежде всего, когда указывается род, к которому принадлежит предмет, нужно рассмотреть, нет ли чего, что не подходит под это указание; далее, указан ли действительно род, а не какая-нибудь случайная черта в предмете; не относятся ли указанные род и вид к двум различным категориям. Может случиться, что указанный вид подходит к предмету, но не род, о котором упоминается; равно как нужно обращать внимание на то, что сказанное о роде, может ли быть прилагаемо к его видам, — чтобы прилагаемый признак не был шире рода, чтобы объемы вида и рода не были равны между собой (с. I).

Далее, нужно смотреть, не указывается ли род, не имеющий никакого отношения к данному виду; от указанного рода необходимо восходить к ближайшим высшим родам, и если

который-либо из высших не подойдет к данному виду, то значит, указание рода сделано неправильно. Нужно обращать внимание, находятся ли в данном роде признаки указанного высшего, выражает ли он сущность объясняемых предметов, охватывает ли он виды и подходящие под них индивидуумы; не указывает ли противник вместо рода одно только отличие предмета от другого; не смешивается ли род с видом; не дается ли отличительному признаку значение вида и т. п. (с. II).

Затем нужно смотреть, то, что обозначается как содержимое в роде, не входит ли в объем противоположного рода; не указывается ли признак, противоречащий ему; не является ли указываемый род просто видом; не выражается ли название в метафизическом смысле; самостоятельный ли род, равно как и его противоположность; если между крайними родами есть посредствующий род, то есть ли посредствующий вид между крайними видами, однородны ли эти средние роды и виды. Все это должно соблюдаться преимущественно при опровержениях.

При доказывании и защите необходимо наблюдать, заключается ли противоположность данного вида в том же самом роде, заключается ли в нем среди между обоими противоположными видами; в том же случае, когда имеется дело с родом, которому можно противопоставлять другой ему противоречащий, нужно смотреть, заключается ли противоречащий данному вид в противоречащем роде (с. III).

Что бы мы ни имели в виду — защиту ли, опровержение — нужно наблюдать, чтобы установленные отношения между понятиями отражались на всех разнообразных формах их выражения. Аристотель указывает затем, как можно опровергать и защищать положения на основании сопоставления противоположных родов и видов. Сопоставляя вид с родом, необходимо смотреть, если вид есть что-то относительное, то и род есть ли тоже что-то относительное, в одном ли и том же смысле, равно как и весь ближайший высший род есть ли что-то относительное, выражается ли та же относительность во всех способах обозначения языком вида и рода, допускает ли вид столько же видоизменений, сколько и род (с. IV).

Аристотель разбирает случаи, когда одно понятие подводится под понятие признака (subsumptio, не subordination), и указывает, на что в этих случаях следует обращать внимание. Так, не следует способность подводить под понятие деятельности и наоборот, или страдательное расположение духа под понятие способности, сопутствующую случайность указывать как род, часть принимать за род; случайно возможное действие позволяет на степень постоянной способности; душевные качества различного порядка сводить к одному роду, отождествлять родовую черту с отличительной и наоборот; равно — случайное страдательное свойство устанавливать как род (с. V).

Иногда указываемое в качестве качества рода не может быть вообще названо таковым. Необходимо далее наблюдать, понимается ли указанное высшее понятие в данном случае как определенное родовое понятие или просто как отличительная черта; не является ли означаемый род просто признаком в предмете; не является ли он синонимом вида; не извращает ли оценка вида; прилагается ли понятие степени к роду и виду вместо него. Необходимо затем сравнивать как роды, так и виды между собой; здесь же сообщаются признаки, по которым можно отличать род от отличительного признака (с. VI).

Пятая книга Топики

После рассмотрения случайного признака и рода, Аристотель принимается за обсуждение точек зрения, с которых можно находить в предметах признаки свойственные, исключительно им принадлежащие.

Нужно различать два вида свойственных признаков: одни относятся к предмету самому по себе, другие прилагаются к нему в известном отношении и в известное время. (Напр. в отношении к Богу: бессмертное живое существо — пример первого рода; прогулка человека — пример второго, в отношении к человеку).

Свойственные признаки сравнительного характера допускают четыре спорных случая. Один и тот же признак может быть одному предмету приписываем, от другого — отрицаем; напр. признак «двуног» может быть утверждаем о человеке, отрицаем от лошади. Можно возражать, что человек не двуног, что лошадь двуногая. Если же двум предметам приписываются различные признаки (напр., человек — двуногий, лошадь — четвероногая), то можно возражать четырьмя способами (человек не двуног, четвероног, лошадь двунога, не четверонога).

Безотносительный свойственный признак отличает предмет, к которому он прилагается, от всех других предметов. Относительно свойственный недостаточен для отличия предмета от всех других: он отличает его только от некоторых; постоянно свойственный — всегда находится в предмете; кроме того, существуют временно свойственные признаки. Предмет настоящего исследования составляет безотносительно (абсолютно) и всегда свойственные предмету признаки, ибо второй вид уже рассмотрен в книгах о случайных признаках (с. I).

В прениях, прежде всего, необходимо смотреть, правильно ли указан свойственный признак или нет, — чтобы сам предмет, о котором говорится, не обозначался двусмысленно; чтобы указываемый признак знакомил с какой-нибудь новой стороной предмета; чтобы он не был слишком общ; чтобы данные многочисленные признаки положительно различались друг от друга (с. II). В обозначении свойственного признака не должно повторяться название самого предмета, ни случайный его признак, ни временно отличительный, полученный через чувственное восприятие (иногда весьма неверное); не должно вместо свойственного признака даваться определение, ирритом обозначая его, необходимо в то же время указывать предмет, к которому он относится (с. III).

Чем же руководствоваться в признании данного признака действительно свойственным? Прежде всего здесь следует руководствоваться вышеуказанными правилами. Необходимо далее признавать свойственным признаком предмета только тот, который не совпадает с видовым его свойством, существует в предмете одновременно с ним, а не прежде или после, повторяется в однородных или тождественных предметах (с. IV).

Вообще при опровержениях нужно наблюдать, не означает ли противник признак всегдашним, когда он существует в предмете не всегда; точно ли он определяет, каким образом и когда отличительный признак прилагается к предмету; прилагается ли он к нему по природе, есть ли первоначальный или относительный; в каком отношении он находится к предмету, какой логический его характер. Указываемый свойственный признак должен полностью прилагаться как к целому предмету, так и ко всякой его части в случае его однородности (с. V).

При этом нельзя упускать из виду сравнивание признаков и их противоположностей. Если указывается признак в понятии, то признак противного ему понятия должен быть противным признаку первого; при относительном неравенстве предметов их признаки должны быть в той же пропорциональности; признак, противоречащий свойственному признаку предмета, не может быть отличительным качеством последнего. Аристотель перечисляет способы оценки отличительного признака с точки зрения противоречия (с. VI). Нужно пользоваться в иных случаях подобием, равенством предметов, противоположением понятий бытия, происхождения и уничтожения, а в некоторых случаях и идеей предмета, чтобы найти, является ли данный признак отличительным (с. VII).

Иногда нужно следить за напряженностью признака, подходит ли она к напряженности предмета; указание правил, которые следует соблюдать при этом, составляет содержание VIII главы. Когда нужно указать исключительно отличительный признак, то не должно заимствоваться его из изложений предмета к каким-либо целям, которое может быть, а может и не быть. Притом Аристотель замечает, что легко опровергнуть противника, когда он, при означении признака, употребляет прилагательное в превосходной степени.

Шестая книга Топики

Содержание шестой и седьмой книг Топики составляет учение об определении.

Определение может быть неудовлетворительным по следующим основаниям:

- устанавливаемое понятие о предмете может быть ложным;
- определяемое не подведено под родовое понятие;
- данное определение может не относиться исключительно к предмету;
- не касаться самой сущности дела;
- внешняя форма определения неудовлетворительна.

Судить о том, справедливо ли устанавливаемое понятие о предмете, можно с тех же точек зрения, какие указаны при обсуждении случайных признаков. Правильно ли указано родовое понятие, относится ли данное определение исключительно к предмету — об этом также говорено было в книгах «о роде» и «отличительном признаке». Остается поэтому здесь рассмотреть: с каких точек зрения можно обсуждать, обозначает ли определение сущность предмета, дано ли оно в удовлетворительной форме.

Прежде всего о форме определения. Неудовлетворительность ее может состоять:

- в неясности выражения;
- когда в определении дано больше, чем нужно (c. I).

Неясность выражения может быть находима в определении, когда в нем употребляется омонимное выражение, когда название определяемого предмета имеет несколько значений, или употреблено в метафорическом смысле, или оно есть неупотребительное слово, или слишком неопределенное выражение, когда по данному определению нельзя догадаться, к какому предмету оно относится (c. II). Чтобы избежать второго указанного недостатка, необходимо смотреть, не употребляется ли в определении название, прилагающееся ко всем без различия предметам одного рода с определяемым, не находится ли лишний признак в определении.

Определение неверно, когда признак его не приложим ко всем предметам одного и того же рода, когда в нем одно и то же выражается только различными манерами (circulus in definiendo), когда к общему понятию присоединено ненужное частное. О том, обозначает ли данное определение действительно сущность предмета, можно судить с следующих точек зрения. Определение должно состоять из более известных понятий, чем определяемое. Поэтому оно ошибочно, когда в нем употребляется противоположное определяемому понятие, когда в определении повторяется название определяемого, когда один член деления определяется через другой, или высшие понятия через низшие, и им подчиненные (c. IV).

Далее, определение ошибочно, когда в нем не указан родовой признак, или вместо ближайшего рода указывается отдаленный (c. I). Необходимо смотреть, вместе с родовыми понятиями указаны ли отличия их и правильно ли указаны эти отличительные черты; не состоит ли определение из одних отрицательных признаков, за исключением случаев, когда

определяется недостаток чего-либо в чем-либо; не употребляется ли в определении видовое или родовое понятие и ли целый предмет в смысле отличительного признака; вместе с видовым понятием не выводится ли подчиненное ему, не прилагается ли род к отличительному признаку как сказуемое последнего, не простирается ли объем признака далее объема приводимого рода, не смешивается ли отличительный признак с пространственным признаком, с страдательным состоянием. При определении понятий относительных нужно обратить внимание, чтобы указываемое отличие касалось той стороны их, которая составляет их сущность. При этом следует осторожно обращаться с определениями времени (с. VI).

При критике определений необходимо смотреть, не подходит ли данное определение более к другому предмету, чем к определяемому; соответствуют ли ему указанные признаки по количеству и в какой степени; когда же определяемое равномерно пребывает в двух предметах, то чтобы эта равномерность отражалась и в определении, чтобы раздельность отношения его к предметам также раздельно означалась и в определении (с. VII). Определение может быть ложным и потому, что в нем упущено что-либо необходимое. Так, оно ложно, когда при определении относительных понятий не упоминается то, на чем основывается их относительность, или не указывается последняя цель, к которой имеет определяемый предмет ближайшее отношение. Иногда упускают по ошибке качественный, количественный и другие различия (с. VIII).

При определении относительных понятий необходимо наблюдать, подходят ли виды определяемого под родовой признак последнего, выходит ли определение противоположного понятия противоположным, равно как и противоположного — противным; означается ли, в каком смысле указываемое качество и к какому именно предмету прилагается (с. IX). Аристотель дает указания далее, как критиковать определения с точек зрения форм языка, идей, омонимов. При изменениях названия определяемого предмета должно изменяться и выражение определения. В некоторых случаях оно не может не исчерпывать идеи предмета, но во всех случаях омонимы не должны быть обобщаемы одним определением (с. X).

Когда определение сложное, то полезно выделять одну часть его и сравнивать с другой: служит ли одна необходимым дополнением другой, равнозначно ли определяемое с определением, не употреблено ли слово при обозначении рода ему не соответствующее (с. XI). Не следует употреблять при этом неопределенные выражения. Если определяемый предмет есть нечто действительное, то и определение должно означать тоже нечто действительное. Далее указываются некоторые мелкие недостатки определений, происходящие от введения в них случайных признаков, случайных изменений и состояний, замечаемых в предмете (с. XII), или от неправильных форм определения: напр., когда в нем говорят: предмет есть то-то и то, или он возникает из того-то, или он соединен с тем-то (с. XIII).

При определении чего-либо сложного нужно указывать и сам способ соединения частей предмета. Когда понятие содержит под собой какие-либо взаимно исключающие виды, то оно не должно определяться одним из взаимно исключающих видов. Имея дело с неясными определениями, необходимо сначала выразить их в ясной форме. Главное же правило для всех определений: нужно точно и правильно определять предметы, или же припоминать ранее усвоенные правильные определения (с. XIV).

Седьмая книга Топики

Аристотель устанавливает основания, по которым должно признавать тождество между понятиями, дабы пользоваться этими указаниями при обсуждении определений (сс. I, II).

Определение может основываться на умозаключении. Так как оно состоит в указании родового понятия и видовых отличий, то в нем можно пользоваться противоположением понятий и наблюдать, так ли выходит ясно определение, противоположное данному понятию, как определение последнего, если показанные в нем признаки обратить в противоположные. Можно далее почерпнуть определения и из аналогических понятий (с. III).

После краткого повторения наиболее важных общих точек зрения, с которых можно критиковать определения (с. II), Аристотель делает наблюдения над сравнительным и трудностями, устанавливал и опровержения положений. Вообще гораздо труднее установить определение, чем опровергнуть его. Для последней цели достаточно опровергнуть какую-либо в нем черту, тогда как для положительной установки его требуется доказательство, что все черты его годны для цели. Притом составление определения требует силлогистической работы, дабы подделываемое в нем обобщение подходило всякому частному предмету, указываемому определяемым именем, тогда как при опровержении достаточно доказать, что есть один факт, неподходящий под определение.

Также трудна положительная установка, и сравнительно легче опровержение указываемых свойственных (отличительных, родовых и случайных) признаков. Всего легче устанавливать случайный признак (с. V).

Восьмая книга Топики

После того как Аристотель установил общие правила для защиты и опровержения положений, означающих случайный признак, или родовой, или свойственный (отличительный), или определяющих предмет рассуждения, он сообщает общие правила, которых должны держаться диспутанты, как возражающий, так и защищающий.

Прежде всего излагаются наставления для возражающего. Он должен:

- открыть, с какой точки зрения можно делать возражения;
- мысленно обсудить последнее, равно как и план ответа до подробностей;
- доказать свою мысль во время спора. О первом уже говорено выше. Теперь нужно обратить внимание на то, как обдумывать возражение и подробности его.

Нужно отдавать себе отчет в поставляемых на вид положениях. Они могут иметь необходимый характер: это посылки, употребляемые в умозаключениях. Но кроме них может быть еще четыре рода посылок:

- посылки индуктивные, с целью прийти к чему-либо общему;
- служащие только для придания речи важности;
- служащие к скрытию последних выводов;
- или к разъяснению мыслей.

Необходимые положения не должны быть ставимы прямо на вид, но их появление следует подготавливать другим и мыслями; если этот прием выйдет неудачным, следует обращаться к индукции. Но последней должно восходить от частного к общему, от известного к неизвестному. Когда нужно открыть выводы, к которым противник стремится, то следует обращаться к длинной цепи силлогизмов и неспешить заключениями. Вообще при возражениях нет нужды высказываться прямо за задаваемый вопрос, чтобы противник не знал настоящего мнения возражателя. Иногда полезно обращаться к уподоблениям, делать самому себе возражение, дабы расположить в свою пользу ответчика; не высказываться особенно жарко за что-нибудь, что особенно интересует нас; спрашивать под конец спора, затягивать мнение.

Для придания большого веса мнениям полезно обращаться к индукции и различению сходных понятий. Для ясности речи — употреблять примеры, уподобления (с. I). Через индукцию во многих случаях возможно прийти к общему выводу, в других случаях это не легко, особенно там, где не существует особого названия для однородных предметов. Аристотель сообщает правило, как поступать, когда противник не соглашается с общим выводом или прежде вывода отрицает подробности, на которых он основывается. Заключению не следует давать вопросительную форму, и спорным вопросом признавать не всякий вообще вопрос, а только тот, который допускает ответы — да и нет; вообще нет нужды останавливаться слишком долго на вопросах об одном и том же положении (с. II).

Какие же положения легко защищать и трудно опровергать? «Вообще можно допустить, говорит Аристотель, что проблемны трудные для опровержения или неточно определены, или имеют много значений, или выражены метафизически, или близки к первым принципам, или потому что неизвестно, к какому из указанных видов относится их трудность» (с. III). Задача возражателя состоит в том, чтобы заставить защитника допустить невероятные выводы из установленных последним положений; напротив, дело защитника — доказать, что если эти выводы и возможны, то они получаются отнюдь не по его произволу, а следуют из самого положения (с. IV).

Аристотель заявляет, что он хочет сообщить правила для защиты только в таких спорах, которые ведутся не для пустой славы, а для исследования истины. Защищаемое положение либо согласно с обыкновенным мнением, либо противоречит ему. Когда защищаемое положение неправдоподобно, следует ожидать, что положение возражателя будет правдоподобно, и наоборот. В первом случае не следует соглашаться с вероятностью положения противника, во втором — можно согласиться с общим положением противника; когда же положение правдоподобно или неправдоподобно только для защитника лично, то он должен обсудить эту сторону его и, смотря по обсуждению, соглашаться или отрицать (с. V).

Возражения могут быть также вероятны и невероятны, причем относиться к делу или нет. Защитник может допускать вероятное и к делу не относящееся; невероятное и не относящееся к делу положение он также может допускать, заметив только, что оно невероятно, дабы не показаться самому глупым. Вероятное и относящееся к делу он может опровергнуть тем, что оно противоречит установленному для прения тезису. Невероятное и относящееся к делу может быть допускаемо защитником, но с замечанием, что вывод из него получается невозможный (с. VI).

Как поступать защитнику при неясных или двусмысленных возражениях? Когда последние совершенно непонятны, он всегда может сознаваться в своем непонимании; в случае двусмысленности он должен указать, что в возражении признается им верным, а что ложным (с. VII). Когда прием возразивший индуктивный, защитник должен стараться опровергнуть общие выводы из подробностей (с. VIII). При всяких диспутах необходимо предварительно сообразить возможные возражения и во всяком случае остерегаться защищать положения противныя общепринятым мнениям (с. IX).

Когда в возражении оказывается ложный вывод, сделанный через силлогизм, необходимо открыть посылку, которая послужила основанием подобного вывода. Это можно делать четырьмя способами:

- опровержением той посылки, в которой заключается причина неверности вывода;
- возражением против вывода;
- возражением против предложенного вопроса;
- отсрочиванием самого ответа (с. X).

Чтобы правильно вести диспут, защитник должен знать, в чем может заключаться недостаточность или ошибки доказательств. Они ошибочны:

- когда из приводимых возражений (по их ложности или невероятности) нельзя вывести никакого сильного вывода против защищаемого положения;
- когда вывод из возражений не имеет логического отношения к защищаемому положению;
- когда противник должен прибегать в своих выводах к каким-нибудь искусственным осложнениям своих положений;
- когда в посылках сказано более, чем в заключении;
- когда первые невероятнее последних.

Во всех этих случаях доказательства ошибочны (с. XI).

Но они достоверны и очевидны, когда основываются на законченном силлогизме, когда из посылок необходимо вытекает заключение, когда недостающие звенья в цепи мыслей также очевидны, что сами собой приходят на ум. Посему, имея дело с каким-либо доказательством, необходимо смотреть: основывается ли оно на действительном умозаключении, верно ли заключение, каковы его посылки (с. XII). При доказывании вероятных положений могут повторяться те же ошибки, какие в свое время были указаны в аподиктических доказательствах.

Во-первых, может встречаться так называемое petit principii в самых разнообразных формах:

- когда принимается за достоверное то, что следовало бы доказать;
- когда частная мысль вместо того, чтобы доказываться, прямо выставляется как верное общее положение;
- когда, наоборот, общая мысль предполагается доказанной в смысле частного положения;
- когда приемом деления скрывается необходимость доказательства положения;
- когда из двух, необходимо друг из друга вытекающих положений, одно предполагается как доказанное.

Во-вторых, может встречаться petit contrariorum:

- когда оба положения, утвердительное и отрицательное, постулируются вместо другого;
- когда постулируются взаимно противные положения;
- когда общее и противоположное ему частное положение вместе предполагаются;
- когда извлекается из посылки положение, противоположное тому, которое необходимо из него следует;
- когда предполагаются положения, из которых необходимо следуют противоположные заключения (с. XIII).

В заключение Аристотель сообщает правила, как усовершенствоваться в диалектическом искусстве. Во-первых, нужно приучать себя превращать силлогизмы; во-вторых, развивать доказательства pro и contra и самому пытаться разрешать их; в-третьих, набирать навык в доказывании наиболее встречающихся положений; в-четвертых, развивать в себе искусство определений, особенно в области общих понятий; в-пятых, удлинять и разчленять доказательства. Можно наконец заранее составлять готовые речи в защиту несложных положений, могущие быть полезными для многих случаев.

Из этого краткого очерка содержания топики становится очевидным, что Аристотель, составляя её, имел цель дать, основанные на анализе логических приёмов, указания, как вести спор о тех или иных положениях. Множество правил, им преподанных, имеют несомненно важное логическое значение и имеют смысл для защиты и опровержения даже

в настоящее время. Его анализ общих точек зрения на предметы (замечания о случайном признаке, роде, отличительном признаке, определении) есть как бы продолжение аналитики. Мысль диспутирующая, диалектическая, прослежена им до самых последних её извитий и видоизменений. Многие правила и замечания его, конечно, не могут не казаться нам странными.

Но нужно вспомнить, что, во-первых, Аристотель в своей «Топике» хочет дать руководство для развития гибкости и проницательности мысли в спорах, следовательно, его цель не совсем совпадала с целью исследования, изыскания истины; во-вторых, Аристотель не мог отрешиться от общепринятых в его время мнений о диалектическом искусстве. Спор у древнего грека был не орудием раздора, а следствием умственной впечатлительности, любви к умственной гимнастике. Аристотель делает в своей «Топике» всё, чтобы превратить диалектику в серьёзное занятие, в серьёзную умственную борьбу, в критику мыслей, доводимых в своих основаниях, и следствий до конца. С этой точки зрения упомянутое сочинение имеет глубокое логическое значение, и даже мелочные и странные некоторые замечания имеют свой raison d'être в руководстве к умственной гимнастике. Топика поэтому является необходимым дополнением аналитики.

Последнее логическое сочинение Аристотеля, к анализу содержания которого мы перейдём, носит название «О софистических доказательствах»; иногда оно называется просто девятой книгой «Топики». В пользу того и другого названия есть свои основания. Название «О софистических доказательствах» основывается на том, что оно дано ему в манускриптах, у греческих парафрастов, схолиастов Александра и у Боэция. Второе название встречается в одной греческой схолии, и — что особенно важно — Аристотель, рассуждая в 1-й главе «Топики» о плане её, предполагает и в ней рассмотрение эристических умозаключений, составляющих предмет сочинения: о софистических доказательствах.

Но, основываясь на давнем и почти всеобщем обычае видеть в нём самостоятельное сочинение Аристотеля, тем более что, говоря о общем плане своих диалектических исследований, он не обязывался непременно трактовать о всех их в одном сочинении, и мог анализ «софистических» аргументов, как обширный и сложный предмет для рассуждений, превратить в самостоятельное исследование, состоящее в тесной связи с «Топикой», мы признаем его вполне самостоятельным трудом Аристотеля.

Сочинение о софистических доказательствах

Есть силлогизмы вполне заслуживающие этого названия, и есть силлогизмы только кажущиеся. К таким прибегают софисты — эти представители кажущейся мудрости. Необходимо поэтому знать все области софистических доказательств, дабы уметь разоблачать их (с. I). Из всех возможных родов доказательств: дидаскальных (о них трактовалось в «Аналитиках»), диалектических и пиратических (о них говорилось в «Тонике») и эристических, здесь будут подвергнуты анализу только последние (с. II).

Эристические доказательства пяти родов: 1) неправильные опровержения (греч. ἁμαρτήματα), 2) положительная ложь, 3) мнения парадоксальные, 4) ошибки языка (солецизмы), и, наконец, 5) тождесловие. Софисты нарочно стараются, чтобы опровергаемый ими противник допускал последние четыре рода ошибок (с. III). Все доказательства, употребляемые софистами, разделяются на два класса: одни возникают из неправильностей в языке, другие — из того, что в нём (т. е. в мысли) неправильно.

К первому классу принадлежат: двусмысленность слов (омонимия), двусмысленность выражений (амфиболия), неправильность в сложении мыслей (fallacia compositionis), неправильность в разделении мыслей (fallacia divisionis), ошибки в ударении слов, наконец,

подстановление одной грамматической формы вместо другой (c. IV). Ко второму роду относятся: перенесение на случайный признак всего, что приписывается самому предмету (fallacia accidentis), смешение абсолютного и относительного (a dicto secundum quid ad dictum simpliciter), незнание сущности доказательства (ignoratio elenchi), неправильность заключения, установка сомнительного основания как положения, не требующего доказательства (petitio principii), предположение причины в том, что таково признано быть не может, и, наконец, смешение многих вопросов в один (c. V).

Все эти ошибки Аристотель сводит к одному общему источнику незнания того, в чем состоит настоящее, действительное опровержение (ἀποδεικτικός), и так как опровержение есть силлогизм, то все ошибки по существу погрешности в силлогизме (c. VI). Он снова (в c. VIII) возвращается к мысли, что софистические доказательства, паралогизмы (ненамеренно ложные умозаключения) — суть ничто иное, как ложные силлогизмы; первые отличаются от последних намеренным и сознательным стремлением ввести противника в заблуждение и логическую путаницу.

Указать общие точки зрения, по которым можно было открывать ложность софистических доказательств по содержанию, невозможно: на то и существуют отдельные науки, чтобы учить, что верно и что ложно. Задача диалектики — отыскать с формальной стороны источник ошибок (c. IX). Последние никогда не были бы открыты, если бы мы удержали старое деление ложных доказательств на основании слова и на основании смысла положений: ибо это деление только запутывает само дело. Так как софистические доказательства основываются на силлогизме, то их нужно рассматривать с точки зрения последнего (c. X).

Именно эристический и софистический силлогизм подразделяется на два вида: во-первых, просто кажущиеся (неправильные по форме) силлогизмы, хотя бы они и содержали правильные заключения: они могут простираться на все мыслимые предметы; во-вторых, специально относящиеся к известным определённым наукам ложные заключения, внешне правильные, но не таковы на самом деле (c. XI).

Итак, один способ, которым софисты вводят в заблуждение других, состоит в неправильном доказывании и опровержении. Другое средство, к которому они прибегают, чтобы сбить с толку своих противников, заключается в том, что они успевают так запутать своего противника, что без труда потом доказывают ложность его мнений. Они обыкновенно дают слишком общие вопросы, не говоря, для какой цели они это делают, нарочно наводят беседу на такие положения, против которых они легко могут представить возражения, употребляют неправильно поставленные вопросы, на которые трудно найти ответы (c. XII).

Они нарочно наносят своим противникам разного рода тождества (c. XIII) и разными уловками заставляют делать ошибки в языке — солецизмы (c. XIV).
Аристотель даёт советы, как избегать софистических сетей тому, кто опровергает софиста (вопрошателю), и тому, кого опровергает софист (ответчику). Первому он советует быстроту вопросов, возбуждение раздражительности в противнике, не позволяет распространять диспут на положения pro и contra, иногда ставит положение вместе с его отрицанием, в иных случаях скрывает от противника основание, на которое опирается известное заключение (c. XV).

После указаний пользы, какую можно извлекать из анализа способов избегать софистических сетей (c. XVI), Аристотель переходит к указанию, как следует распутывать софистические силлогизмы. Как по обстоятельствам приходится умозаключать из вероятных только оснований, так иногда бывает необходимо признавать силлогизм тоже по видимости только. Когда он основывается на двусмысленности слов и фраз (омонимия и амфиболия),

то необходимо исправлять даваемые вопросы, чтобы они получили более точный и определённый смысл. Наш философ в подробности указывает, как отвечать в разных случаях неясности или неопределённости вопроса (с. XVII).

Действительное опровержение софизмов состоит в указании, в чём именно заключена ошибка силлогизма. Ложность его может происходить либо от ложности посылок, либо неправильности их соединения. В первом случае необходимо указывать ложные посылки и раскрывать их неверность, во втором — указывать неправильность соединения и невозможность сделанного заключения (с. XVIII). Неправильные силлогизмы, основывающиеся на двусмысленности, имеют её либо в посылках, либо в заключении. В первом случае нужно различать, в каких значениях может быть понят вопрос (т. е. посылки), и раздельно отвечать, в каком отношении ответчик соглашается с ним или отрицает (с. XIX).

Софизмы, основывающиеся на соединении и разделении слов и возникающей отсюда неопределённости мыслей, необходимо разрешать соединением того, что софист разделяет, и разделением того, что он соединяет (с. XX). Понятно также, как разрешаются софизмы, основывающиеся на неправильной просодии (с. XXI). Те неправильности, которые возникают из неправильного отождествления понятий на том основании, что они в языке означают одинаковым образом, разрешаются точным различением значений по категориям, к которым они в действительности принадлежат по своему смыслу (с. XXII).

После некоторых общих замечаний о разрешении софизмов, основывающихся на неправильности выражения мысли (с. XXIII), Аристотель переходит к разрешению софизмов, основывающихся на ошибках в самой мысли (fallacia accidentis). Он разрешает их точным различением того, что может быть отнесено к самому предмету, и что может быть высказываемо о его случайном свойстве (accidens), ибо последнее не всегда может быть приписываемо самому предмету (с. XXIV). Софизм a dicto secundum quid ad dictum simpliciter (основывающийся на смешении относительного и безусловного значения понятий) разрешается тем, что сказуемое в заключении данного софизма мы превращаем в противоположное и, соединяя прежнее и новое сказуемое с одним и тем же предметом, смотрим, могут ли оба противоположные признака прилагаться к нему. Если могут, то оба они высказываются в относительном, ограниченном смысле; если не могут — в смысле безусловном. С помощью этой пробы легко указать причину неправильного силлогизма (с. XXV).

Заключения, основывающиеся на ignoratio elenchi, разрешаются подобно предшествующему ряду софизмов, т. е. также нужно взять признак, противоположный сказуемому заключения, и смотреть, в одном ли и том же отношении и в одно ли и то же время высказывают они что-либо о предмете заключения (с. XXVI). Что касается софизмов, основанных на petitio principii, то посылок их не следует допускать вовсе (с. XXVII); те же, в которых обман основывается на ложных выводах, должны быть опровергаемы указанием ложности последних (с. XXVIII).

Затем Аристотель даёт некоторые советы, как держаться по отношению к софизмам, выставляющим ложную причину вместо настоящей (с. XXIX), и смешивающим многие вопросы в один (с. XXX), и, наконец, возвращаясь к наиболее странным и употребительным в его время софизмам, Аристотель делает заметки, как разрешать софизмы тождесловия (с. XXXI) и солецизмов (с. XXXII). Различные софизмы представляют неодинаковые трудности для их разрешения. Некоторые из них легко открываются даже самыми обыкновенными умами, напр. основанные на двусмысленности терминов или выражений; самые трудные — те, которые основываются на вероятных посылках, дающих вероятное же заключение (с. XXXIII).

Наконец, кратко Аристотель бросает взгляд на пройденный путь и замечает в заключение, что на нём он решительно не имел себе предшественников.

Итак, задача, поставленная Аристотелем, разрешена до конца. Мышление, поскольку оно основывается на силлогизме, рассмотрено им всесторонне на всех путях, на которых оно приходит к каким-либо выводам. История наук и положительно не представляет другого примера такого необычайного напряжения умственных сил человека. Нельзя не удивляться столь необыкновенной гениальности и столь терпеливой настойчивости в осуществлении задачи, как мы видим в Аристотеле. Близорукость новейших пигмеев, гордо стоящих на плечах великанов, нередко возвышала голос против Аристотеля. Его укоряли за то, что он утвердил формалистический взгляд на мышление, что слишком односторонне понял его, обратив исключительно внимание на силлогизм и мыслительные действия, опирающиеся на него. Он ничего-де не сделал для индукции и индуктивного мышления.

Но дело в том, что всякий труд должно обсуждать по условиям времени, в которое он явился. Если судить о Novum Organon Бэкона сравнительно с логикой Милля, то как не укорить первого за многие неправильности в понимании методов и приёмов индукции, за пропуски и т. п. Могла ли, спрашивается, существовать во время Аристотеля теория индукции, хотя отдалённым образом похожая на новейшую? Каждая теория является удовлетворением сознательной нужды. Ко времени Бэкона умы уже обратились к изучению природы: труды алхимиков, астрономов уже поколебали аристотелевские понятия о природе. Умы дальнозоркие могли видеть, в каком направлении идёт путь к знанию сил и явлений природы. Во времена Аристотеля чисто метафизическое, философское, говоря современным языком, дедуктивное мышление имело громадный перевес над индуктивным. Тогда как философ сделал громадные успехи, индуктивное изучение природы было делом совершенно случайным, подавленным философским умозрением.

Логика Аристотеля представляет теорию той деятельности греческого ума, которая преимущественно была тогда развита. И так как в чисто философском отношении греческий ум представил удивительные образцы творчества и всеобъемлемости, то понятно, что теория философского мышления, основывающаяся на силлогизме и доказательстве, могла явиться полной и всесторонней. Индукция же была только кратко упомянута Аристотелем: ибо по малому развитию её на практике не могла явиться подробная и всесторонняя теория того, что почти не существовало в действительности; ведь не может история литературы и теория словесности явить себя раньше самой литературы и появления поэтических произведений.

Великость гения не отрешает его от условий времени, от своей эпохи: можно стоять впереди всех, видеть дальше своих современников, но отрешиться от эпохи значит витать в безвоздушном пространстве. Само собой разумеется, что Аристотель не отвечает за употребление, какое сделали из его логики последующие поколения.

Судьбы Аристотелевской Логики в греческом мире

Упомянем теперь о последующих судьбах Аристотелевской Логики в греческом мире.

Нам нет нужды подробно следить за малейшими изменениями в понятиях о логических приёмах после Аристотеля: ибо цель этого очерка — познакомить читателя собственно с Логикой этого великого человека. Поэтому мы будем кратки. Такой громадный и, главное, доведённый почти до совершенства труд, конечно, не мог не стать руководством для ближайших послеаристотелевских школ. Предпринимать новый труд, который мог бы вытеснить Органон, не было по силам преемникам Аристотеля. Поэтому Логика его сделалась канвой для всех последующих логических работ. Во всё остальное время греческой философии мы встречаем только второстепенные дополнения, более подробное

развитие недосказанного Аристотелем и подробнейшее разъяснение, комментирование его сочинений.

В перипатетической школе Логика развивалась преимущественно на Аристотелевской основе. Первое дополнение в учении о силлогизмах сделано Феофрастом, преемником Аристотеля по званию представителя школы. Александр Афродисский, в комментариях к первой аналитике (Scholia in Aristotelem. Ed. A. R. Bor. 152 A. 47), упоминает, что Феофраст к четырём modi первой фигуры, указанной Аристотелем, присоединил пятый (потом они обособлены Клавдием Галеном в особую, 4-ю, фигуру), так что он находил девять modi первой фигуры.

Другое дополнение, связанное с именем Феофраста и Евдема, касается учения об условных и разделительных силлогизмах. Аристотель думал, что наука должна заключать из достоверных положений, а не из условно достоверных. В этом пункте его учения был очевидный пробел. Феофраст и другой ученик Аристотеля Евдем занялись условными силлогизмами. Силлогизмы разделительные они признавали только за вид силлогизмов условных. Во всех modi условных силлогизмов они допускали следующие пять (см. Prantl, Geschichte der Logic, B. I, 386, там указаны и свидетельства Симплиция, Филонова):

Если есть A, то есть и B;
но A есть;
Следовательно, есть и B.

Если есть A, то есть и B;
но B нет;
Следовательно, нет A.

A не может быть вместе с B, C, D и т. д.;
A есть B;
Следовательно, A не есть ни B, ни C, ни D.

A есть или B, или C;
A есть B;
Следовательно, A не есть C.

A есть или B, или C;
A не есть B;
Следовательно, оно есть C.

Три последние способа умозаключения — это разделительные силлогизмы, но они остались не выделенными и из состава условных, потому что первая посылка в них есть также как бы предположение, в котором ничего категорически о предмете не высказывается. Значительные изменения в Аристотелевской Логике были сделаны стоиками. Не вдаваясь здесь в подробности, которые легко найти в трудах Риттера и Целлера, мы отметим только существенное, внесённое ими в Логику.

Во-первых, они смотрели на Логику как на органическую часть философии и таким образом отдали её от взгляда на неё как на «Органон» философского познания и мышления. Так как мудрец должен обладать логическим и нравственным развитием и правильным познанием природы, то Логика явилась как самостоятельная часть философии рядом с физикой и этикой. Затем и само понятие о ней у стоиков шире, чем у Аристотеля: она делилась у них на диалектику и риторику. Внесение последней в Логику не так странно, как можно было бы предполагать с первого взгляда: ибо «Топика» и «Софистические доказательства»

Аристотеля возникли очевидно на риторической почве и отчасти приспособлены к риторическим целям.

Во-вторых, диалектика у стоиков была соединена с теорией познания. Внеся в неё вопрос о критерии достоверности познания, они естественно должны были проследить историю возникновения представлений и понятий. А вдавшись в эту историю, они должны были указать психологические основы для анализа мышления. В этом соединении Логики с теорией познания нельзя видеть особенной выгоды для последней. Вопрос о возникновении знания и особенно его достоверности отчасти имеет метафизический характер, и следовательно, благодаря ему чисто логические исследования должны были перемешиваться с метафизическими, и успех первых будет зависеть от последних. Но соединение анализа психологического с логическим, конечно, нисколько не вредило успеху последнего, и нельзя не сожалеть, что последующая философия не пыталась углублять первый, насколько он может иметь отношение к последующему.

В-третьих, стоики сделали некоторые существенные дополнения и изменения в самой Аристотелевской Логике. В учении о категориях они свели аристотелевские десять категорий к четырём, назвав их самыми общими родами: то «сущность» — чисто материальная подкладка всего существующего, сама по себе не имеющая никакого качества; то «качество»; то «количество», совпадающее с Аристотелевскими quantitas и substantia; и наконец, «отношение». Учение о силлогизмах стоики обогатили новой постановкой учения об условных и разделительных силлогизмах. Они называли их hypothetical syllogisms, т. е. умозаключения, не требующие дальнейших доказательств, чтобы выводить заключения. Они насчитывали пять видов тех и других (Sext. Emp., pyrrh. hyp., II, 156; см. Prantl, B. I, 473):

Если существует первое, то есть и второе;
но первое есть;
Следовательно, есть второе.

Если существует первое, то существует и второе;
но второго нет;
Следовательно, нет первого.

Первое и второе не могут существовать вместе;
но первое есть;
Следовательно, нет второго.

Существует либо первое, либо второе;
но первое существует;
Следовательно, нет второго.

Существует либо первое, либо второе;
но второго нет;
Следовательно, есть первое.

Эти силлогизмы — повторение феофрастовских, но Хризипп поставил их во главу всего учения о силлогизмах и тем привлек к ним всеобщее внимание, тогда как у Феофраста они только восполняли пробел в учении Аристотеля о силлогизмах. Из всех последующих аристотелевских школ стоики занимались логикой более или менее самостоятельно, придерживаясь Аристотеля, вносили в неё новые элементы. Эпикурейцы, хотя и давали логике самостоятельное положение в своей философии вместе с физикой и этикой, но, полагая критерий истины в ощущениях и происходящих из них представлениях, тем самым

сделали для себя ненужными и трудными исследования способов и приёмов логической деятельности. Поэтому, упомянув кратко о Клавдии Галене, сделавшем некоторые нововведения в Аристотелевскую Логику, скажем о комментаторах её, весьма много содействовавших пониманию и усвоению её средневековыми учёными.

С именем Клавдия Галена (род. 131 г. после Р. Хр., ум. в конце II или в начале III века) связаны в истории Аристотелевской Логики два нововведения, потом окончательно утвердившиеся в средневековой логике. Одно касается учения о превращении суждений, другое — силлогизмов. Он писал περὶχυν iaodvvayouaöyj … В нём излагалось учение о том, каким образом данные суждения могут быть превращаемы через простое их превращение и противоположение. С этого времени учение об aequipollentia становится самостоятельным предметом логических исследований.

В учении о силлогизмах собственно Галена отделил modi от первой фигуры, указанные Феофрастом, в особую, 4-ю фигуру, названную по его имени — галеновскую (см. Prantl, B. I, 570–574).

Во главе комментаторов стоит экзегет по преимуществу Александр Афродисский (был учителем в Афинах между 198 и 210 г. н. э.). Из логических трудов его дошли до нас комментарии к первой книге первой аналитики и к первой книге Топики (первая напечатана Venet. 1520 и Flor. 1521, вторая — Uepei, 1513 fol.). Он остаётся везде верен Аристотелю, и все его усилия сосредоточены на уяснении смысла аристотелевских слов и историческом сравнении его учения с учением других философов о тех же предметах.

Порфирий (233–304), ученик Плотина, хотя и новонлатоник по общему воззрению, комментировал, между прочим, и некоторые части Органона. Логика была нейтральной почвой, на которой могли сходиться разные школы, лишь бы она одушевлялась любовью и уважением к славным греческим умам. От Порфирия дошло до нас: Εισαχυμυρτις …, которое иногда называется и γαρὶχшπεν᾽χε (pwvwv; издано в Scholia in Aristotelem, ed. Acad. R. Bor., 1836, 1–6) и E£v7ynatg (изд. Paris, 1543). Введение имело громадное распространение в средние века и дало повод к вопросу о родах и видах, определившему почти всю философию средних веков.

Порфирий различает пять названий (quinque voces), совокупность которых определяет предмет всесторонне: род, вид, различие, свойственный и случайный признак. Таким образом, к четырём точкам зрения, указанным в Топике, Порфирий присоединяет пятую. Мы вернёмся ещё к этому сочинению в другом своём очерке: «Схоластическая Логика».

Фемистий (330–390) известен своим парафразом второй аналитики (напечат. Venet. 1534), цель которого — кратко и ясно изложить порядок мыслей Аристотеля. Аммоний, ученик Прокла-новолатоновца, оставил нам комментарии к введению Порфирия, к категориям, к сочинениям об их истолковании. От Давида Армянина (жил вероятно в V в.) дошло до нас введение к Порфирию и введение с комментариями к категориям (напечат. в указ. Scholia in Arist. ed. A. R. B., 1836). Симплиций (VI ст. после Р. Хр.), принадлежавший к последнему поколению новоплатоников (он был учеником Аммония), оставил обширные, полные исторически важных замечаний комментарии к категориям Аристотеля (Venet. 1499 fol. и Basil. 1551 fol.). Филопон, тоже ученик Аммония (жил в VII ст. н. э.), писал комментарии к Органону и к категориям (извлечены в Scholia ed. A. R. B.) и к первой и второй аналитике (к первой аналит. Venet. 1536 fol., ко второй Venet. 1504 и 1534, см. Prantl, B. I, 643).

И в Византии также продолжалось усердное комментирование аристотелевских логических сочинений. Как комментаторы известны: Михаил Иселл (род. 1020 г., парафраз книги «Об истолковании», изд. Venet. 1503, вместе с комментарием Аммония). О его … скажем в

статье о схоластической логике. Иоанн Итальский (преемник Пселла по званию btoxtos) написал тоже комментарий к соч. об истолковании и остаётся в манускрипте Винской библиотеки (комментарий к первым четырём книгам Топики), Михаил Ефесский, Евстратий, митрополит Никейский (во второй половине XII ст.), Феодор Нтохопродром (середина XII ст.), Лев Мажентский, митрополит Митиленский (около половины XIV ст.) и многочисленные анонимные писатели, чьи сочинения до сих пор остаются в манускриптах (см. Prantl, B. I, 643–644).

II. СХОЛАСТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА

Мы намерены представить краткий очерк схоластической логики, т. е. той логики, которая преподавалась в средневековых школах под названием Диалектики. Конечно, здесь невозможно представить полное изложение многочисленных оттенков мнений, развивавшихся в продолжение почти тысячелетия, перечислить имена всех, трудившихся для логической теории. Чтобы познакомить читателя с любопытным философским явлением, известным под названием схоластической логики, мы остановимся только на выдающихся средневековых трудах, в которых сказалось понимание логических вопросов этой эпохи и направление, в котором они решались.

Средневековая Диалектика, как своим происхождением, так и развитием в продолжение большей части времени, обязана логике Аристотеля. Без Органона (т. е. логических сочинений знаменитого Стагирита) схоластика, если бы и явилась, то непременно в другой форме и с другими вкусами. Весь умственный кругозор Западной Европы за многие столетия суживался и расширялся в зависимости от того, сколько и что именно было известно из Аристотеля. Быть учёным в это время значило изучить этого философа, комментировать его труды, интересоваться вопросами, к которым дают повод последние, значило быть готовым всегда отвечать, что сказал philosophic (так назывался Аристотель в средние века) по тому или другому вопросу. Из этого тысячелетнего периода времени в продолжение многих столетий знали из Аристотеля только некоторые логические сочинения, и вся умственная философская деятельность развивалась и поддерживалась только по поводу этого скудного материала.

Средневековая логика, поэтому есть грубое продолжение аристотелевской, но в другом вкусе и направлении, в связи с другими вопросами. Следить за её судьбами значит следить за судьбами как Аристотелевского Органона, так и всей средневековой философии.

Средние века до XIII-го столетия не знали Аристотеля в подлиннике, а только в латинских переводах. Первый вопрос поэтому мы поставим себе: в каком виде аристотелевская логика сделалась известна на Западе и перешла в средние века. Затем мы исследуем, какие вопросы возникали по её поводу, как под влиянием их диалектика преобразовывалась. Первые источники логических схоластических знаний заключались в трудах Боэция и Марциана Капеллы. По поводу комментариев Порфирия, переведённых первыми, возник вопрос о родах и видах, на котором исключительно сосредоточивался философский интерес эпохи до XIII столетия. С наступлением этого века источники логических знаний расширяются. Благодаря новым переводам Аристотеля, арабским комментаторам и знакомству с логическими византийскими трудами, схоластика вступает в обладание полным Органоном и принимает новый вид и новое направление.

Аристотелевская логика довольно рано нашла себе доступ в римский ученый мир. Топика, или учение о защите и опровержении положений, анализ софистических доказательств во многих отношениях были полезны для риторических целей. Сам Аристотель свою «Топику» и «Софистические доказательства» приспосабливал к целям риторики. Но ораторское

искусство имело жизненные корни в Риме: общественная жизнь его представляла огромный запрос на красноречие судебное и политическое. Греческая логика, давая основания для ораторской защиты и нападения, находила себе лёгкий доступ в умы римских ораторов, образованных юристов и политических людей.

Латинская логическая терминология, бывшая в ходу в схоластических сочинениях, начала образовываться с того времени, как началось влияние греческой философии на образованных римлян. На Теренция, Варрона, Марциана Капеллу и Цицерона указывают как на первых переводчиков (в потерянном сочинении Варрона: De novem disciplinis) греческих терминов. Затем Цицерон сделал особую заслугу для выработки латинского логического языка. В его философских сочинениях мы находим латинские слова почти для всех терминов аналитики и топики Аристотеля. Далее заслуживают внимания труды Квинтилиана, Авла Геллия и особенно Апулея, переведшего целый компендиум греческой логики на латинский язык (подробности см. Prantl, Geschichte der Logik, B. I, 512–528, 580–591). Естественно, что сначала латинская терминология была довольно шаткой, но к V-му столетию, ко времени Марциана Капеллы и Боэция, она устанавливается уже твёрдо и окончательно закрепляется их сочинениями. Терминология Капеллы и Боэция переходит в средние века.

В каком же, спрашивается, виде средние века получили аристотелевскую логику из рук римских реторов и философов? Классические предания по логике перешли в средние века в двух видах: либо в форме кратких руководств, либо в виде комментариев более или менее обширных к сочинению Порфирия «Введение в категории», к сочинениям Аристотеля или переводов последних. Образцом руководств, много читавшихся в средние века, может служить труд Марциана Капеллы; примером комментариев могут служить труды Боэция. Остановимся пока на этом пункте.

Марциан Капелла

Мы разумеем здесь известный труд Капеллы: De nuptiis Philologiae et Mercurii et de Septem artibus liberalibus — libri novem, написанный около 470 г. по Р. Хр. (Edidit Kopf Franc., 1834). Между семью свободными искусствами Марциан указывает на Диалектику, т. е. Логику, которая с того времени становится известной под этим именем. Он указывает шесть частей её: de loquendo, de eloquendo, de proloquendo, de proloquiorum summa, de judicando, и наконец, qua e dicenda rhetoribus commodata est (Lib. IV § 338). Марциан подробно показывает содержание каждой части: в первой исследуется, что такое род, форма, различие, случайность, свойственное, определение, целое, часть, способ деления, разчленения, омонимы и т. п. Вместе с praedicabilia (genus, forma, differentia, accidens, proprium) — составляющие, за исключением differentia, содержимое Аристотелевской Топики, излагается здесь весьма кратко учение об Аристотелевских категориях: сущности (первой и второй), качества, количества, отношения, действия и страдания, положения, места, времени и владения. Во второй (de eloquendo) излагается, что такое имя, глагол, что такое предложение, подлежащее, сказуемое.

В третьей (de proloquendo) указывается различие суждений (proloquiorum) по количеству и качеству. По количеству они могут быть: всеобщие, частные, неопределённые; по качеству — утвердительные и отрицательные. Затем излагается учение о превращении суждений: прямом (conversio prima), противоположении (conversio secunda), и предлагается таблица разных отношений между суждениями.

Четвёртая (de proloquiorum summa) излагает учение о посылках (sumtum) и заключении (illatio), силлогизм первых modi трёх фигур категорического силлогизма, о силлогизме условном и его modi: ab antecedentibus, a consequentibus, per disjunctionem двух и per

negationem также двух. Разд. силлогизм излагается здесь как вид условного, и в сущности анализ условного силлогизма есть повторение анализа Феофраста и стоиков.

Компендиум Капеллы представлялся удобным для школьного преподавания, ибо составлял краткое резюме Аристотелевской и стоической логики.

Итак, практический римский ум скоро сумел совместить в кратком объёме существенное из логики Аристотеля и приспособить её к школьному преподаванию. Другой источник, и притом самый важный, из которого в продолжение многих веков средние века черпали почти весь материал для своего философского образования — были труды Боэция.

Боэций.
Аниций Маний Северин Боэций род. 470 г., ум. 570 г. н. э. Между многими философскими сочинениями он оставил значительное число логических трудов в виде комментариев к сочинениям Порфирия, Аристотеля, Цицерона и потрудился в качестве переводчика некоторых логических сочинений второго (мы пользовались Anitii Manlii Severini Boethi. Basileae, 1570). Его сочинения: In Porphyrium a Victorino translatum; In Porphyrium a se latinum factum; In praedicamenta Aristotelis; In librum de interpretatione commentaria minora; In eundem de interpretatione majora; Analyticorum priorum Aristotelis, Boethio interprete; Introductio ad categoricos Syllogismos; De Syllogismo categorico; De Syllogismo hypothetico; De divisione; De definitione, Topicorum Aristotelis, Boethio interprete; Elenchorum sophisticorum Aristotelis, Boethio interprete; In topica Ciceronis; De differentiis topicis.

Из самого перечня сочинений видно, что:

- сочинение Порфирия получило с VI века такую уже славу, что Боэций сам его не переводил и дважды комментировал;
- умственная деятельность этого времени по логике сосредоточивалась на переводе и комментировании аристотелевских сочинений.

Оба этих факта имеют для нас большую важность: ибо переводы введения Порфирия послужили, как мы увидим, одним из источников философского образования первой половины средневековья. Комментарии и введения делаются с этого времени любимой формой изложения мыслей. Не самостоятельная мысль отказывается и по внешней форме от всякой самостоятельности. Рассмотрим несколько подробнее, в какой же форме излагается логическое учение у Боэция. Он далек от цели — дать самостоятельный взгляд на тот или иной логический вопрос или на какой-либо логический приём. Он доволен тем, что пассивно следует за мыслями других и останавливается только на разъяснении, на разчленении подробностей чужих мыслей.

Наш «философ» совершенно пассивно следует Порфирию и шаг за шагом комментирует его введение. Он разъясняет, что нужно разуметь под «родом» (genus) и как нужно отличать его от «свойственных» и «случайных» признаков; что такое «вид» (species), самый низший вид (specialissimum), или виды, посредствующие между generalissimum и specialissimum (In Porphyr. a Vict., dialog. I, p. 1–29); что такое различие (differentia). Последнее состоит в видовом признаке, неотделимом от самой вещи; по таким признакам делятся виды на роды — это есть differentia divisiva; но на их основе образуются виды — differentia constitutive. Боэций классифицирует видообразующие признаки на основании этих главных категорий (ibid. Dialog. II, p. 29–35).

Затем указываются: четыре рода «свойственных» признаков (proprium), что такое accidens или случайный признак, и, наконец, излагается, по Порфирию, как могут сочетаться между собой указанные различия praedicabilia (ibid. Dialog. II, p. 35–45). В комментариях, сделанных на свой перевод Порфирия, то же самое Боэций излагает гораздо подробней.

В комментариях на «Категории» Аристотеля Боэций также пассивно следует последнему. Он последовательно комментирует, что следует, по Аристотелю, разуметь под aequivoca, univoca, denominativa. В рассуждении о denominativa трактуется о substantia и accidens, различаются девять видов существования чего-либо в каком-либо предмете и предлагается таблица, наглядно выражающая отношения между общими и частными сущностями, свойствами и субъектами (In praedicamenta Aristotelis, lib. I, p. 112–128).

Говоря о субстанции собственно, он различает первую и вторую (ibid., p. 128–143), затем комментирует учение Аристотеля о количестве (ibid., lib. II, p. 145–153), об отношении, о качестве (ibid., lib. III, p. 173–189), действии и страдании, положении, категориях места и времени, владении (ibid., lib. III, p. 189–191), о противоположном (lib. IV) и видах его (ibid., p. 181–206), способах приведения (lib. IV, 206–208), совместности (lib. IV, 208–210), о видах движения, владения (lib. IV, 210–214).

В комментариях Боэция на сочинение Аристотеля «Об истолковании» окончательно вырабатывается латинская терминология для учения о суждениях. Он нигде не отступает на собственный страх от Аристотеля. В интересах понятности для читателей предлагает таблицы, наглядно представляющие отношения между предложениями: общеутвердительными, общеотрицательными, частно утвердительными и частно отрицательными (In librum Aristot. de interpretatione. Editio prima, seu commentaria minora lib. I, 234–235), между утвердительными, отрицательными и неопределенными (безконечными) предложениями (ibid., lib. II, 253, 254, 257), с особенным тщанием останавливается на анализе «модальных» предложений: возможных, случайных, невозможных и необходимых (ibid., lib. II, 266–289).

В сочинении Introductio ad categoricos syllogismos Боэций, всё-таки на основании Аристотеля, хотя уже не в виде комментария, излагает учение о суждениях как посылках силлогизма и, чтобы вполне разъяснить их природу, входит в анализ subjectum и praedicatum, которые у него называются termini. Различные суждения могут состоять либо из одинаковых терминов, либо из не одинаковых; при изменении суждений термины могут оставаться в прежних отношениях или вступать в новые. Боэций подробно разбирает все возможные отношения суждений при неизменности места терминов в предложении (он насчитывает до 20 видов отношений между суждениями — introductio ad syllog., 570–571). Учение о силлогистическом превращении излагается им также подробно и устанавливается уже терминология: conversio per accidens (ibid. 574) и conversio per contrapositionem.

В De syllogismo categorico излагается прежде всего анализ терминов, посылок и фигур силлогизмов. К первой фигуре причисляются пять теофрастовских моди (отдельных Галено в четвертую фигуру), при чем указывается несовершенство последних и необходимость их превращения. Учение об условном силлогизме излагается Боэцием в книге De syllogismo hypothetico с особой обстоятельностью. Прежде всего трактуется об условных предложениях — основе условного силлогизма: в них существование чего-либо ставится в зависимость от существования другого. Они могут быть простыми и сложными; последние могут состоять из двух условных предложений или одного условного, другого категорического, и в сложных силлогизмах термины (т.е. pars antecedens и procedens) могут быть сопоставляемы по типу силлогистических фигур (De Syllog., hypot. Lib. I, 610).

Он делит далее суждения по модальности и насчитывает пять видов модальных предложений (т.е. трактующих о возможности, действительности и необходимости). Отсюда выводится сумма возможных форм модально условных суждений. Модальных суждений может быть пять видов, и так как каждое может быть высказано в утвердительной и отрицательной форме, то всех видов их — десять. Но условное предложение состоит из

двух категорических предложений. Следовательно, в нем десять видов отдельных суждений могут соединяться с десятью же видами их, что дает 100 возможных видов модально условных суждений. Далее в условном суждении сложном может быть три и даже четыре части (термины), как мы выше сказали. Следовательно, видов условных суждений (т.е. комбинаций модальных предложений в условном) может быть (при трех терминах) 1000 и (при четырех) 10 000 (Ibid., 613).

Боэций переходит затем к условному силлогизму. Прежде всего анализирует формы его, состоящие из простых категорических суждений, и насчитывает их десять (Ibid., 615–616). Далее следуют условные силлогизмы, состоящие из сложных условных предложений, и притом: когда за категорическим следует условное суждение (насчитывается 20 моди, Ibid., 618–620) и наоборот, когда за условным следует категорическое (также 20 моди, Ibid., 620). Анализируя условные силлогизмы, состоящие из сложных условных суждений с тремя терминами, он подробно разбирает, сколько их может развиваться по первой силлогистической фигуре (именно 16, Ibid., Lib. II, 623–625), по второй (16), по третьей (16, Ibid., Lib. II, 625–631). Условные силлогизмы, в которых большая посылка состоит из четырех терминов, допускают 40 различных видов силлогизмов (Ibid., 632).

Разделительные силлогизмы и у Боэция не составляют отдельного вида умозаключения, но включены в состав условного, как один из частных его приемов. В сочинении De divisione Боэций указывает прежде всего различные формы деления: может быть делим род на виды, целое на части, слово — на его значения. Эти способы называются у него divisio secundum se. Могут также быть разчленяемы: предмет на accidentia, и наоборот — accidentia на предметы, или accidentia на accidentia, когда они заключаются в одном и том же предмете; это — деление secundum accidens (De divisione 638). Он занимается преимущественно первым родом делений. Деление рода на виды должно основываться на видо-отличительных признаках и, притом, ближайших к делимому роду, дабы деление не было ни слишком широко, ни слишком узко.

При делении целого на части можно рассматривать целое как continuum, non continuum (т.е. discretio, напр. grex), universale, ex virtutibus constans. При делении слова можно иметь и вид его значения, или относительность его (modus secundum quid) или определенность данного значения (determinate) (Ibid., 647).

Определение (в сочинении De definitione) Боэций понимает по Цицерону как oratio, высказывающее то, чем предмет должен быть. Он делит его на ораторское и диалектическое. Диалектическое должно направляться к сущности предмета (651). Боэций указывает необходимые составные части определения: genus, species, proprium. Теория чисто схоластического определения к его времени была уже, как видно, разработана. Так как сочинение De differentiis topicis относится скорее к риторике, чем к логике, мы не станем останавливаться на нем, тем более что оно ничего не прибавит к тому понятию, которое можно по данным здесь указаниям составить о логических трудах Боэция.

Итак, вот какой вид получила Логика в трудах Боэция и Марциана Капеллы. С особенной ревностью делались самые дробные замечания на сочинения Аристотеля о категориях и истолкования; в области силлогизмов умы старались совместить всё, что только выработано трудами Аристотеля, стоиков и греческих комментаторов. Но особенную любовь комментаторов привлекало учение о определениях и условных силлогизмах. Несомненно, что труды Боэция имели важное значение для распространения на Западе классической Логики. То, что на взгляд других (например, Прантля) служит поводом к унижению его деятельности — а именно слишком большая дробность, широковещательность замечаний, толкований, разъяснений, — по нашему мнению, имело своё значение и принесло историческую пользу.

С каким трудом и, по всей вероятности, ошибками был бы понят Аристотель, если бы он непосредственно стал одним из предметов тривиума (trivium) и преподавался в scholae barbarorum! Комментарии Боэция принижали Аристотеля — это правда, но зато приближали его к разумению неокрепших умов. Слишком подробно поясняя мысли его примерами, логическими определениями, он ставил каждое из положений Аристотеля ясно, раздельно, определительно; ни одна черта понятий его не укрывалась от пояснений. Если Логике Аристотеля было суждено дисциплинировать и воспитывать умы западных народов, то предварительно она должна была подвергнуться переработке практического римского ума, каким был Боэций.

Зато Боэций, с другой стороны, усилил ещё более зло, скрывавшееся в логических трудах посларистотелевских школ. Ещё стоики понимали предложения как сочетания подлежащего и сказуемого, силлогизмы же рассматривали просто как сочетания терминов. Аристотель, хотя и относился формалистически к предложениям и силлогизмам, не упускал однако совершенно из виду цели предложений и силлогизмов, т.е. позиции действительной меры. Поэтому он сохраняет чувство меры, его анализ силлогизмов трезв и приводится им только в интересе объяснения диалектического, аподиктического и софистического мышления.

Но уже из учения Феофраста об условных силлогизмах можно видеть, что преемники Аристотеля усвоили себе только формалистику его, упустив из виду цель и смысл, какой он придавал своим исследованиям. Стоики пошли дальше в этом направлении, и у Боэция мы видим первые плоды. Учение о силлогизмах и суждениях превращается в игру формалистики. Он совершенно холодно относится к содержанию мысли, сказывающейся в логических приёмах, или, лучше, об этом пункте он и не думает. Анализом их он занимается не для разъяснения пути к знанию, к истине, а для анализа же: это в своём роде искусство ради искусства. Занятый чисто теоретической (лучше сказать арифметической) возможностью комбинаций терминов в суждениях, он насчитал сотни, тысячи и даже десятки тысяч условных суждений и не замечал сам нелепости, которой кончается его анализ.

В учении о силлогизмах он насчитывает почти до сотни условных умозаключений, ни единым словом не выражая сомнения, мыслит ли когда здравый человеческий ум по этой сотне умозаключений. До какой степени в этом анализе мысль остаётся безучастной к содержанию мышления, доказывают многие положительно ложные и невероятные примеры предложений и силлогизмов, приводимые Боэцием. О нём самом он говорит по этому случаю: “pess hoc nos perturbet, si quae hic propositions et conclusions falsae sunt, quandoquidem non veritates rerum, sed connexiones syllogismorum, figuras et modos suscepiimus disserendos.”

И в самых комментариях Боэция есть особенность, которая невыгодно отличает его от греческих комментаторов. Последние, кроме разъяснения прямого смысла комментируемого текста, постоянно почти (например, Александр Афродисский, Симплиций) сопоставляют мнение автора с взглядами предшествовавших и последовавших мыслителей. Такие комментарии иногда превращаются в историко-философские исследования того или другого вопроса (оттого они, между прочим, драгоценные источники истории древней философии). Сравнительный метод при изучении Аристотеля приучил мысль к критике, к некоторой широте взгляда, и изучение подобных комментариев, кроме того, что приучало к критике и широте взгляда, сопровождалось приобретением исторических знаний.

Комментарии Боэция обширны, но бессодержательны: они наполнены логическими определениями, делениями; нет в них даже сопоставления аристотелевских мыслей, данных в логических сочинениях, с взглядами, изложенными в других его трудах. Они превращаются у него в какую-то формалистику — без всякого горизонта зрения, без всякой

попытки синтеза исторического или философского. Этот недостаток делается потом общим: комментаторы IX и X веков подражали Боэцию. Церковь сначала недоверчиво относилась к изучению Логики Аристотеля. Ею пользовались еретики ариане и пелагиане в своих спорах с нею, и она привыкла подозрительно относиться к оружию своих врагов. У Прантля в его Истории Логики (т. II, 5 и след.) собраны места из авторов не только II, III, но даже IV и V столетий: из Иринея, Тертуллиана, Василия Великого, Григория Назианзина, Епифания, Иеронима, Фавстина, Мансвета, Сократа, Феодорита и др., и из них оказывается, что на Диалектику они смотрели то как на нечто совершенно излишнее, то как на саморазрушительное дело и слишком искусственное средство для чистой простой истины и т.д.

Но это сдержанное отношение к Логике скоро изменяется. Церковь должна была заметить, что орудие, доселе употребляемое против неё еретиками, может быть обращено и против них, что Органон есть безразличное логическое орудие и отнюдь не связано неразрывно с языческими убеждениями Аристотеля. На примере Боэция уже можно было видеть, что христианские убеждения отнюдь не препятствовали ревностному изучению и комментированию Логики Аристотеля. Принятая в качестве одной из artes liberales в состав школьных наук, она делается одной из частей тривиума и ревностно преподается в каролингских школах, основанных при соборах Карлом Великим. Так как учение в средние века выходило только из таких scholae, то они назывались scholastici, и Логика, преподававшаяся в этих школах и разрабатываемая этими учеными, получила название схоластической Логики.

Боэций может быть рассмотрен как посредствующее звено, соединяющее древнеклассический мир с средневековым. Движение средневековой Логики (и так как ею ограничивалась вся умственная деятельность первой половины средневековой схоластики, то значит и всей философии) началось по поводу сочинений Боэция. Говоря об Абеляре (XII век), мы увидим необычайно скудный размер источников схоластического знания. Схоласты этого времени знали только сочинения Боэция. В том же положении были ученые IX, X и XI столетий, предшественники Абеляра. Кузен (в Fragraens philosophiques, т. III, Ed. IV, 1840, 76 p.) доказал, что, например, писатель первой половины IX столетия Рабан Мавр, архиепископ Мюнхенский, знал отнюдь не более, чем Абеляр. Из всех писателей древности сохранился в памяти тогдашних ученых только один, и то не весь, — Боэций. Волна варваров, нахлынувшая на образованный классический мир, уничтожила в памяти людей всё, исключая Боэция, и ему-то суждено было стать поводом к умственному движению, начало которого было и началом схоластики.

Вопрос о значении родов и видов.
Как же началось это движение и в чём оно сказалось?

«Мы занимались чтением различных глосс Рабана Мавра», — говорит Кузен, — «находящихся в Сент-Жерменском манускрипте. На что простираются эти глоссы? На введение Порфирия, конца которого недостаёт, на сочинение об истолковании и Топику Боэция. Переводы Порфирия и Аристотеля, которые составляют предмет глосс, принадлежат Боэцию. Нет глосс ни на Топику Аристотеля, ни на его аналитику, ни на „софистические доказательства“. Во всём манускрипте нет ни единого слова, на основании которого можно было бы подозревать, что Рабан имел знание этих сочинений; напротив, есть место, из которого ясно видно, что Рабан никогда не имел аналитики в руках: volunt enim quemdam librum esse qui vocetur liber demonstrationum, qui apud nos in usu non est» (ibid., p. 76).

Такова скудость общего философского образования и так ничтожен образовательный материал IX века. Боэций, три сочинения Аристотеля в его переводе — вот что послужило

точкой отправления умственного средневекового движения. Вся ученая деятельность ограничивалась глоссами, заметками; даже последовательные комментарии оказывались не по плечу тогдашней учености. Собственно движение мысли, имеющее важность для истории науки и Логики, начинается с половины XI столетия с возникновением номинализма и реализма. Не то чтобы не было материалов, поводов к более раннему возникновению этого великого спора, но и для вопросов есть своё время. Занятые глоссами, пассивным толкованием, схоласты IX и X веков не задавали себе вопросов, которые волновали XI и XII века.

Предметом этого умственного волнения служит вопрос о родах и видах, а повод к нему подало введение Порфирия в переводе Боэция и комментарии последнего к тому месту введения, которое указывает на этот вопрос. Место это так важно, что мы приведём его в латинском переводе Боэция, то есть в том виде, в каком читали Порфирия схоласты XI века: «Так как необходимо, Хрисаор, чтобы понять учение Аристотеля о категориях, знать, что такое род, отличительный признак, вид, свойственный признак и случайный, и так как это знание полезно для означения определений и вообще для деления и доказательства, то я попытаюсь кратко, на подобие введения, передать тебе предание в сжатом виде, обозреть то, чему учили наши предки об этом предмете, воздерживаясь от вопросов слишком глубоких и не слишком долго останавливаясь на более простых. Так я не стану исследовать, существуют ли роды и виды сами по себе, или только в уме; ни то, в случае если бы они существовали, телесны они или безтелесны, и при том отделены ли они от чувственных вещей или в них самих находятся и вместе с ними существуют. Это дело слишком трудное и требует более обширного исследования». (Boethii in Porphyrum a se transi., 50–53)

Какое же мнение об этих вопросах сам комментатор Боэций?
Мнения Боэция изложены в двух его сочинениях — комментариях на Введение. Выше мы уже упоминали о сочинениях его: in Porphyrium a Vietorino translatum и Dialogue in Porphyrium a se translatum. Libri V. «Необходимо знать», — говорит он (in Porph. a Vict. tr. dialog., 8), — «существуют ли они (т.е. род и виды) действительно». В доказательство действительного их существования Боэций приводит соображение, что без пяти указанных Порфирием universalia никакая вещь не может существовать. Эти quinque universalia как бы спаяны с самыми вещами (glutinata e in omnibus rebus), соединены вместе с ними в одно целое. Они при том безтелесной природы, хотя могут присутствовать в самом теле.

Далее он спрашивает (ibid., 10): haec quinque res ex quo incorporalitas sunt genere: такового ли рода они, что от вещей не отделимы, или иногда отделяются, иногда же нет. Боэций думает, что они иногда соединяются с ними, иногда же существуют отдельно. Итак, он думает, что роды и виды могут быть имманентны предметам (по Аристотелю), но могут и отделяться от них и соединяться с безтелесными предметами. Но так как Боэций здесь не высказывается в пользу отдельного и самобытного существования universalia (наподобие идей Платона), то очевидно, он не изменяет в этом случае Аристотелю, как думает Кузен (Fragm. philosoph., t. III, 94–95).

Кузен думает, что Боэций здесь задал себе вопрос: существуют ли роды и виды реально или нереально в качестве абстрактов, тогда как вопрос Боэция состоит в сущности в том, находятся ли они в вещах действительно или нет. С этой точки зрения доказательство его, приведённое выше, имеет смысл. Когда же Боэций говорит об отдельном о телах существовании родов и видов, то разумее, что они могут существовать вместе с безтелесными предметами и в них существовать реально. У него здесь нет мысли о действительно бессмысленном предположении самобытного и самостоятельного существования, напр., differentia, proprium и accidens. Вопрос Порфирия понят Боэцием весьма узко — вот и всё. Но бессмыслин навязываемого ему Кузеном нет. С нашей точки зрения комментарий весь будет ясен и понятен.

Он говорит, что роды и виды существуют вместе с телами, но могут существовать и вместе с безтелесными предметами (Бог, душа). Пребывание их, по Аристотелю, предполагается в обоих случаях. Но в этом комментарии Боэций родам и видам придаёт слишком обширное значение: он разумее под ними все quinque voces, т.е. пять praedicabilia (genus, species, differentia, proprium, accidens). В другом комментарии он роды и виды понимает в тесном смысле, именно так, как номиналы и сам Порфирий. Он различает два рода безтелесных предметов: одни отделены от тел и пребывают в своей безтелесности (Бог, ум, душа), другие, хотя безтелесны сами по себе, но без тел существовать не могут (линия, поверхность, число) (In Porph. a se transi., 54).

Роды и виды могут существовать самостоятельно (sunt et subsistunt) или образуются разумом и мышлением. Он приводит далее соображение в пользу того и другого мнения (ibid., 54–55), и вот его решение: То есть universalia мыслятся, и нельзя думать о виде иначе, как о понятии, образованном на основании субстанциального сходства множества различных индивидов, о роде же как о понятии, образованном на основании подобия видов. Когда это сходство находится в отдельных предметах, оно становится предметом ощущения, когда же оно — в общих понятиях, то делается предметом мышления. Они существуют действительно вместе с чувственными вещами, мыслятся же отдельно от тел.

Далее он указывает, что Платон недовольствовался этим, но приписывал родам и видам отдельное от тел существование, Аристотель же полагал, что они в телах существуют, отдельно же от тел мыслятся. Здесь вопрос поставлен прямо, и решение дано со всей ясностью, какой только можно желать в этом случае. Боэций становится решительно на сторону Аристотеля. За исключением того пункта, что здесь во втором комментарии он под родами и видами не разумее всех praedicabilia, как в первом, оба комментария в сущности согласны: в первом он говорит, что universalia существуют действительно в безтелесных и телесных предметах, во втором — что они существуют в телах, и решительно заявляет мысль, что не телесное они могут только мыслиться, но не существовать.

Очевидно, что в этой части мнения Боэция, где он говорит о существовании universalia в безтелесных предметах, заключалась большая неопределённость. Если они существуют отдельно от тел в безтелесных вещах, то нет ли возможности им иметь вообще безтелесное, ни от чего независимое существование? Если сам Боэций этого, вероятно, не предполагал, то в среде глоссаторов и комментаторов мог возникнуть подобный вопрос. Он и возник, и подал повод к вековым спорам.

Росцеллин.
Существовал ли вопрос о родах и видах до XI века, когда уже обнаружились решительно враждебные направления реализма и номинализма? Глоссы, найденные Кузеном в Сенжерменском манускрипте и принадлежащие несомненно Рабану Мавру, упоминают уже о существовании двух школ, одинаково основывавшихся на авторитете Боэция, из которых одна утверждала, что universalia суть имена, отвлечения, образуемые по поводу вещей, а другая, основываясь на одном месте из сочинения Боэция De divisione, полагала, что род, как нечто самостоятельное и самобытное, сам делится на виды.

Из того, что он с сочувствием говорит о доказательствах первого мнения, приводя их тут же (Fragm. philos., t. III, 107), можно заключить, что сам Рабан был одинакового с первой школой мнения. На основании глосс в другом манускрипте к Введению Порфирия, относящихся к X столетию, приводимых в примечаниях у Кузена (ibid., 113–117), также можно вывести заключение, что в X веке существовали обе эти школы: державшаяся решительно на мнении Боэция, выраженном во втором комментарии, и другая, полагавшая, что universalia безтелесны и отдельно существуют от тел. Вместе с тем, по содержанию глосс и тексту, ими комментируемому, становится очевидным, что IX и X века имели в руках только «категории»

и «объяснения» в переводе Боэция — Введение Порфирия — и что они комментировали их на основании того же Боэция.

Итак, школы, не вступая друг с другом в борьбу, существовали гораздо раньше времен Росцеллина, но пассивно повторяя мнения Боэция и, будучи умственно бессильны к выводу следствий из своих положений, они мирно существовали рядом; склонявшаяся в сторону Платона была сравнительно даже слабее, опиравшейся на Боэция и Аристотеля. В сущности, это не были школы, направления — они были просто различными мнениями. Явился сильный ум, извлек следствие из этих мнений, и положение дел изменилось. Вместо двух мнений явились две школы — номинализма и реализма, которым суждено было обладать мышлением Западной Европы в продолжении более чем пяти столетий. Человек, давший повод к этому движению, был Росцеллин.

О Росцеллине мы знаем очень мало: ни одного сочинения от него до нас не дошло; есть только известия, вышедшие из лагеря противников его. Хроники только упоминают о его существовании (Fragm. philos., 119; свидетельство Оттона Фрейзингского, 121). Иоанн Салисберийский в своём Metalogicus II, c. 17 (Patrologiae cursus completus, ed. Migne, t. 199, p. 874) говорит только, что по мнению Росцеллина genera et species суть voces, но это мнение изчезло вместе с Росцеллином. Поэтому приходится довольствоваться известиями, как даются нам его противниками.

Ансельм Кентерберийский говорит о еретиках-диалектиках своего времени, которые считают всеобщие сущности простыми словами (flatus vocis — дыхание слова, De fide trinitatis, Patrol. curs. complet., t. 158, p. 265): под этим, они говорят, нужно подразумевать тело, под мудростью человека — душу. Росцеллин считал роды и виды простыми отвлечениями: в действительности существуют только индивидуальные тела. В письме к Парижскому архидиакону Абеляр говорит о Росцеллине, что, по его мнению, вещь не имеет частей (Fragm. phil. 124): ибо и части суть отвлечения наши, и донесение реального существования вещей вводит нас в различные противоречия.

В этом мнении Росцеллина уже было нечто новое. Боэций и Рабан Мавр утверждали, что роды и виды существуют в вещах как нечто от них неотъемлемое и с ними неразрывное, в качестве же общностей (universalia) они только представляются, мыслятся нашим умом. Росцеллин, допуская последнюю часть мнения, отвергал первую. В самих вещах, по нему, нет ничего родового и видового: вещи суть индивидуальные предметы и более ничто. Следовательно, его мнение уже разошлось со взглядом Аристотеля, за который стоят Боэций и Рабан Мавр. Но и этот взгляд мог бы не показаться Церкви страшным, если бы Росцеллин не поспешил вывести из него следствия относительно одного важнейшего христианского догмата.

Если роды и виды существуют как слова, в действительности же — только индивидуальные вещи, то как понимать догмат о Святой Троице? Или три лица Божества суть три индивидуальные вещи, отдельные и самобытные, как три ангела или три души, и только подобны одно другому, или они суть один Бог, и тогда существует только один Божественный индивидуум, и следовательно, если Сын воплотился, нужно подразумевать, что вместе с ним воплотились Отец и Святой Дух. Последнее же предположение нелепо, значит, нужно предположить первое (Patrologiae cursus completus, t. 158, p. III, er. 41, p. 1193; сравн. ibid., p. 1, de fide Trinitatis, c. 1, p. 262).

Итак, во второй половине XI столетия мнение о universalia приняло самую крайнюю форму. Росцеллин поэтому почитается основателем номинализма: ибо для него роды были только nomina, изобретённые человеком для именования многих подобных вещей.

Номинализм надолго, почти до XIV столетия, исчез вместе с Росцеллином. Его взгляд на догмат Святой Троицы возбудил такую бурю негодования, что он был осуждён на Суассонском соборе в 1092 или 1093 году. Церковное проклятие простерлось не только на нехристианское мнение о догмате, но и на то философское учение о родах и видах, из которого оно было выведено. Таким образом, номинализм был осужден Церковью при самом первом решительном его обнаружении.

Ансельм Кентерберийский.
Резкий взгляд Росцеллина должен был вызвать реакцию, тем более что его нападение затрагивало самый существенный христианский догмат. Его номинализм вызвал на сцену приверженцев крайнего реализма. Таким приверженцем явился Ансельм Кентерберийский (1033—1109).

Ансельм Кентерберийский в борьбе с Росцеллином защищал взгляд, что роды должны существовать помимо индивидуальных предметов. Он жалуется на диалектиков, которые не могут понимать человека как род, а только как индивидуальное существо (Patr. Curs., compl., t. 158, p. I, de fide trinitatis, 265). Для него они суть substantiae universales. Он удивляется, как можно быть настолько ограниченным, чтобы понимать только одно индивидуальное существование и не понимать существования рода (ibid.). Он следовательно приписывал universalia субстанциальное существование и полагал их существующими независимо от индивидуальных вещей.

Это был крайний реализм. Universalia превращались в такие же самобытные и независимые от индивидуальных вещей существа, как идеи Платона. Это был платоновский реализм. Состояние логических знаний и направленность умов за эту эпоху показывает сочинение Ансельма Dialogue de grammatico (Patr. curs., complet., t. 158, p. I, 561—584). Этот диалог написан для разрешения вопроса: что такое понимается под грамматиком — субстанция или качество? Вопрос, столь мало серьёзный, исследуется однако у Ансельма с величайшим тщанием, приводятся возражения pro и contra, соображения, как следует понимать это название по руководству Аристотелевских категорий.

Трудно поверить, чтобы серьёзный ум Ансельма с таким рвением мог углубляться в такие ни к чему не ведущие вопросы, и однако в конце диалога он говорит: "quoniam scis quantum nostris temporibus dialectici certent de quaestione a te proposita" (Patr. curs. compl., Dialog. de grammatico, P. I, c. 21, p. 582). Следовательно, диалектика того времени уже двигалась по дороге формализма и бесплодной тонкости определений и различений. Как бы сам не веря в важность подобного рода трудов, Ансельм присовокупляет: "saltern ad exercitationem disputandi vobis haec profecisse non negabis."

Благодаря церковному осуждению, дело номинализма было потеряно не только в глазах поколения ближайшего к Росцеллину, но и самых отдалённых поколений, сменявших его. Никто не осмеливался явно поддерживать учение, преданное анафеме. Совсем в другом положении был реализм, защищаемый и проповедуемый Ансельмом. Реализм являлся философской поддержкой Церкви при защите одного из существеннейших догматов христианства. Он естественно сделался доктриной, поддерживаемой авторитетом Церкви.

Посему, тогда как мы ничего не слышим о школах Росцеллина, реализм Ансельма находит более научное выражение в Вильгельме из Шампо (1070—1120), основателе аббатства и школы Св. Виктора.

Вильгельм из Шампо.
О его учении мы знаем только со слов Абеляра. В письме к Элоизе, носящем название Historia calamitatum mearum (Petri Abaelardi opera edid. Victor Cousin, adjuvantibus Jourdain et

E. Despois, 1849, t. I, p. 4—5) он рассказывает о полемике, возникшей между ним и Вильгельмом, и о том, что своими победоносными возражениями он принудил его изменить свои взгляды. По взглядам Вильгельма, universalia являлись сущностями вещей, индивидуумы — простыми случайностями. (Era tamen in ea sententia de communitate universalium, ut eandem essentialiter rem totam simul singulis suis inesse adstrueret individuis; quorum quidem nulla esset in essentia diversitas, sed sola multitudine accidentium varietas. Ibid., p. 5).

Род и вид суть сущности вещей, делая последние совершенно тождественными, индивидуальные же они только по различию случайных качеств. Автор разъяснения De generibus et speciebus, напечатанного у Кузена в большом издании сочинений Абеляра (Ouvrages inédits d'Abaelard, 1836, p. 513), поясняет мысль Вильгельма, хотя прямо его не упоминает. Есть философы, говорит он, которые из родов и видов делают всеобщие сущности и думают, что они в каждом индивидууме пребывают существенно (essentialiter). Далее эта мысль поясняется: человек есть вид, вещь существенно единая, к которой присоединяются случайно некоторые формы, образующие из неё Сократа; эта же вещь, оставаясь существенно той же самой, таким же случайным образом получает другие формы, образующие Платона и других индивидуумов из человека как вида.

Кроме форм, присоединяющихся таким образом к виду, чтобы образовать Сократа, в Сократе нет ничего, чего не было бы в то же время в Платоне, только под формами Платона. Итак, род пребывает во всех вещах и потому вещи тождественны; они различны только в силу случайно присоединяющихся к нему свойств. Это реализм, предполагающий, что universalia существуют in re. Он противоположен аристотелевскому взгляду на сущность: ибо первая субстанция Аристотеля есть индивидуальное бытие, но сходна с его взглядом на форму (представляемую родами и видами — вторыми субстанциями). Последняя есть причина тождественности предметов одного вида или рода, но их сущности; всё равно как universalia Вильгельма делают индивидуальные предметы существенно тождественными.

Бернар Шартский.
До сего реализм хотя и расходился с Аристотелем в одном из существенных вопросов, именно по вопросу о значении индивидуального бытия, но всё ещё полностью не отрекался от него. В дальнейшем своём развитии школа Св. Виктора уже совершенно сошла с аристотелевской почвы и приблизилась к Платону. Мы видим эту метаморфозу в Бернаре Шартском, ученике Вильгельма (жил в первой половине XII столетия).

Бернар понимает universalia в смысле идей Платона. Иоанн Салисберийский (Patrologiae curs., compl., ed. Migne, t. 199, Metalogicus lib. II, c. 17, p. 875) говорит: ille ideas ponit Platonem aemulans et imitans Bernardum Carnotensem et nihil praeter eas genus dicit esse vel speciem. Эти идеи вечны, хотя и не совпадают с Богом (ibid., Metalog., lib. IV, cap. 35, p. 938).

В сочинении Бернара, разделяющемся на Megacosmus и Microcosmus (Fragments philosophiques, t. 3, 1840, appendice, 337—345), излагается учение о родах и видах в совершенно платоновском духе. Область идей (т.е. родов и видов) составляет мир разумный (mundus intelligibilis). Смотря на вечные идеи, Бог образовал виды вещей. Но эти идеи суть ничто иное, как мысли Божии. («Существовали идеи; существовали образы, не рождённые во времени и не подлежащие исчезновению во времени. Следовательно, разум — вечный — был зеркалом Провидения, в котором присутствовал тот самый глубочайший смысл, в котором творец вещей являлся источником и судьёй всего интеллекта. В образцах присутствовало появление подобия того, чего должно было произойти, — какого рода, какого качества, в каком количестве, когда и каким образом».Fragm. philos., t. III, 351).

Это был уже крайний реализм в чисто платоновском духе. Род и виды предваряют бытие отдельных вещей: будучи Божественными и помышлениями, они суть вечные образцы. Такой реализм допускал только universalia ante rem. Крайнее реалистическое направление в своём дальнейшем развитии пришло к мистицизму и, вероятно под влиянием школы Св. Виктора, возникло впоследствии у Амальриканцев и Давида Динана.Но здесь, в очерке логики, мы не можем следить за дальнейшими судьбами метафизики реализма. (Прекрасный очерк этого движения дан в Études sur la philosophie dans le moyen âge, par Rousselot, Partie I, ch. X, 315—369; Part. II, 109—162).

Абеляр.

Но торжества реализма не было совершенно. Номинализм почти угас по несчастной судьбе Росцеллина, но его дух, хотя и в других формах, продолжал жить в мышлении того времени. И он могущественно выразился во взглядах Абеляра.

Абеляра (1079—1142) можно назвать представителем как образования, так и логических интересов первой половины XII столетия. Как велик был запас «философских классических» преданий того времени, показывает сам Абеляр (Ouvrages inédits d'Abelard, p. 228):

«Однако есть три книги, благодаря которым всеми семью кодексами вооружается вся латинская риторика в этом искусстве. Известно, что Аристотель использовал только две книги — «Категории» (Praedicamenta) и «О толковании» (Peri Hermeneias), знакомые латинянам; Порфирий же написал одну книгу, которая, как известно, посвящена пяти понятиям — род, вид, различие, собственность и случайность — и служит введением к самим «Категориям». Что же касается Боэция, мы приняли к употреблению четыре его книги, а именно: «Деления» (Divisiones) и «Топики» (Topica) с силлогизмами как категорическими, так и гипотетическими. Суммарный итог всех этих трудов наша диалектическая система полностью подводит, делая его ясным и полезным для читателей».

Следовательно, Абеляр, и так как он был ученейшим человеком своего времени, а значит и вся тогдашняя ученость, знал только трёх авторов, имеющих отношение к диалектике: Аристотеля, Порфирия и Боэция. И из всех сочинений их только следующие семь: о категориях, об истолковании — Аристотеля, введение Порфирия, о разделении, топику, о силлогизмах «категорических» и «условных» — Боэция.

Значит, тогдашнее время не имело понятия об «аналитике», «топике» и «софистических доказательствах» Аристотеля, и даже переводы Боэция (Analytica и Topica) не были тогда известны. Притом, если тогда и читали указанные сочинения Аристотеля и Порфирия, то отнюдь не в подлинниках, а в переводе Боэция. Абеляр, как это доказал Кузен (Fragments philosoph., t. III, p. 62—68), не знал греческого языка и читал их в переводе Боэция (ibid., p. 73). Вот в каком положении было логическое (и вообще философское) образование того времени, что даже из созданного уже прежним временем знали лишь сравнительно малую часть.

Абеляр относится критически к увлечениям номинализма и реализма и старается найти средний путь между двумя крайностями. Иоанн Салисберийский перечисляет мнения, существовавшие тогда. Нельзя не сожалеть, что изданные до сих пор сочинения Абеляра весьма мало содержат указаний по этому важному для того времени вопросу. Начало Диалектики утрачено: вероятно, там разбирался этот вопрос. В настоящее время, кроме немногих указаний по вопросу о «родах» и «видах», указывается, что Абеляр полагал universalia в sermone (alius sermone intuetur et ad illos detorquet, quicquid alicubi de universalibus meminit scriptum. In hac autem opinione deprehensus est peripateticus palatinus Abaelardus noster. Patr. cur. complet., t. 199, Metalog., c. XVII, p. 874).

Спрашивается теперь, что значит это мнение.

Universalia не заключаются в самих вещах: ибо если предположить, вместе с Вильгельмом из Шампо, что вещи по сущности своей тождественны, индивидуально же разнородны только в силу случайных качеств, то нельзя будет различить одной сущности от другой: феникса нельзя будет отличить от Бога (Abelard, par Remusat II, p. 98; см. Prantl, Gesch. der Logik, t. II, 173). Притом вещь не может служить сказуемым другой вещи, но им может быть только одно имя (nomen), и так как роды и виды служат сказуемым вещей, то они не могут быть чем-либо реальным (Ouvrages inédits d'Abelard, Dialect., p. 496).

Но и слово отдельно взятое не может быть названо universale: оно заключено в живой речи и в суждении, относимом нами к целому классу предметов. Поскольку мы обсуждаем в «живом» предметном мышлении вещи, мы создаём universalia — роды и виды, так что, собственно говоря, последние существуют только в речах наших, относимых к целому разряду отдельных предметов (Remusat II, p. 105; Prantl, t. II, 175). Наша речь может высказываться о предметах вообще: sermo est praedicabilis. В известном смысле можно сказать, что universale est vox, так как sermo состоит из voces; но наоборот сказать, что vox est universale, было бы совершенно ложным.

Собственно говоря, можно утверждать только то, что существуют самостоятельные предметы, служащие новоразсечённым в диалектике. Главным источником для изучения взгляда Абеляра на этот пункт служат, приведённые в труде Ремюза об Абеляре, выдержки из его сочинения Glossulae super Porphyr, остающегося, к сожалению, ещё в манускрипте. Но и Ремюза часто излагает в перифразе содержание манускрипта, не приводя иногда весьма важных пунктов подлинного текста. Этого труда, впрочем, мы не нашли ни в Университетской, ни в Публичной библиотеках и поэтому должны здесь ограничиться выдержками из него, приведёнными в труде Прантля в его Geschichte der Logik, t. II, относящимися к возникновению universalia (Remusat II, p. 109; Prantl, t. II, 176).

Итак, Абеляр склоняется на сторону номинализма: в его мнении слышится голос ученика отверженного и осуждённого учителя. Universalia имеют только субъективное значение; в действительности есть только повод к ним в подобии и сходстве вещей. Диалектика Абеляра знакомит нас с состоянием логических знаний в его время, и потому кратко мы изложим план и укажем на общий характер её. Впервые она издана в 1836 г. Кузеном в его Ouvrages inédits d'Abelard (173—497). Она делится на пять частей: о частях речи, о предложениях и силлогизмах «категорических», топика, о предложениях и силлогизмах «условных», наконец, определения и деления.

Из содержания диалектики видно, что время Абеляра сумело создать уже своего рода логическую систему из того весьма ограниченного материала, каким оно располагало. Отдел о частях речи трактует прежде всего об antepraedicamenta, т.е. о пяти словах, о которых говорится во введении Порфирия. Но эта книга до нас не дошла, и содержание её должно быть восполняемо из сочинения Glossae in Porphyrium (Ouvrages inédits d'Abelard, 553—576), равно как из Glossulae super Porphyr, выдержки из которого помещены в вышеупомянутом сочинении Ремюза.

За исключением выше приведённого учения об universalia, Абеляр только комментирует мысли Порфирия. Из второй книги первой части (о praedicamenta) не сохранилось начало. Это по сути рассуждение на сочинение Аристотеля о категориях; Абеляр по порядку рассматривает здесь десять известных категорий. В третьей книге излагается учение о так называемых postpraedicamenta, т.е. о способах обозначения предметов, о словах сложных, неопределённых, определённых, существительном имени и глаголе.

Вторая часть имеет предметом свои предложения и категорические силлогизмы. Она названа у Абеляра первой аналитикой, очевидно, в подражание Аристотелю. В ней говорится о выражении (oratio) совершенном (человек бежит) и несовершенном (бегущий человек), о различных видах предложений, которые он делит по качеству (утвердительные, отрицательные), модальности, количеству (общие, частные и неопределённые) и по времени (настоящие, прошедшие и будущие), разбираются элементы суждения: подлежащее и сказуемое. Затем Абеляр переходит к анализу суждений по качеству и определяет, в чем состоит утверждение и отрицание, разбирает модальность способа обозначения в суждениях, различие их по количеству и, наконец, переходит к категорическим силлогизмам.

В учении о них мы не встречаем ничего нового, чего бы не заключалось в сочинении Боэция о категорических силлогизмах, за исключением предполагаемых комбинаций различных суждений прошедших, настоящих и будущих. Третья часть диалектики называется Liber Topicorum. Как для уяснения природы категорических силлогизмов необходимо было рассмотреть категорические предложения, так для разъяснения силлогизмов условных необходимо рассмотреть суждения условные. В условных силлогизмах сила заключения основывается не на отношении посылок, как в категорических, а на отношении одного понятия к другому или одной черты предмета к другой. Топика Абеляра поставляет своей задачей рассмотреть эти различные отношения (называемые у него loci, т.е. quos edet vis inferentiae). Здесь рассматриваются всевозможные отношения элементов в суждениях, напр.: loci differentiae, a substantia, a descriptione, ab interpretatione, a genere, ab integro, a partibus и т.д.

Четвёртая часть называется второй аналитикой и трактует о посылках и силлогизмах условных. Здесь повторяется уже известное нам содержание сочинений Боэция с прибавлением учения о превращении разделительных посылок. В пятой и последней части диалектики, называемой Libellum Divisionum et Definitionum, излагается учение о делении и определении. Деление может быть secundum se, т.е. не на основании случайных свойств, а на роды и виды, слова на его значения, целого на его части. Определение может быть субстанциальное, может быть описанием и простым ограничением смысла definiendi, что у Абеляра называется determinatio.

Диалектика Абеляра доказывает нам, что к XII веку схоластика старалась собрать в одно целое всё, что было известно в разрозненном виде и из древних логических сочинений. Абеляр старался дать систематическую форму прежним отдельным исследованиям того или другого рода логических приёмов. Труды Аристотеля и его комментатора — Боэция, неизвестных глоссаторов, толковавших обоих этих философов, соединяются здесь в систему. Поэтому указанная диалектика есть тип логики как системы в первую эпоху развития схоластики. Канвой для анализа Абеляра служат два сочинения Аристотеля, одно Порфирия и четыре сочинения Боэция. В некоторых пунктах диалектики замечается подражание Марциану Канелле. У такого энергического и предприимчивого мыслителя, как Абеляр, совершенно рабски следовать по стопам других и намеренно подавлять в себе всякое стремление к самостоятельности невозможно.

В этом отношении характерны некоторые выражения Абеляра, обнаруживающие дух и направленность мышления эпохи. Говоря о различии Платона и Аристотеля в определении относительного (relativum), он замечает, что можно было бы избрать среднее между этими двумя мнениями, но что это делать не следует. «Если мы осмелимся упрекнуть Аристотеля, вождя перипатетиков, которого мы будем более подробно рассматривать в этом искусстве». (Ouvrages inédits d’Abelard, Dialectica, p. 204).

Иоанн Салисберийский говорит об Абеляре: «Припоминаю и, как думаю, верно, что налатинский перипатетик (имя Абеляра) говорил, что легко было бы кому-нибудь в его время написать книгу в этом роде (в роде Аристотелевого сочинения об истолковании), ни в чём не уступающую древним, ни в том, что касается понимания истины, ни изящества языка, но трудно и даже невозможно, чтобы она пользовалась подобным авторитетом!» (Patrolog. curs., complet., Metalogicus II, 4, p. 900).

Разнообразие мнений об universalia.

Итак, главный интерес, волнующий схоластов первой эпохи, логический вопрос был о том, что такое роды и виды, т.е. то, что мы называем теперь родовыми или общими понятиями. На разнообразных решениях его изощрялся схоластический ум, этот вопрос составлял предмет полемики, диспутов и был средоточием всех логико-метафизических интересов времени. Чтобы представить себе положение логических понятий этой эпохи, приведём свидетельство Иоанна Салисберийского о различных школах по вопросу об universalia. Эти драгоценные сведения находятся в XII главе его сочинения Metalogicus. Так как оно составлено около 1156 года, мы находим в нём живую картину, изображающую положение логических исследований около половины XII века.

Иоанн говорит (Patrolog. curs., complet., T. 199, Metal. II, c. 17, p. 874—876) о крайнем разнообразии мнений по вопросу об universalia. Хотя Порфирий называет вопрос о значении их делом высокой важности, требующим усиленного исследования, философы его времени не затруднялись приниматься за него. И вот он перечисляет различные мнения:

Мнение Росцеллина отождествлявшего universalia с voces, но он прибавляет, что оно исчезло вместе с самим Росцеллином. Второе мнение Абеляра, полагавшего их в sermone, который оставил после себя многих учеников и даже во время Иоанна имел многих последователей. Третьи полагали, что universalia суть только понятия. Они основываются на Цицероне и Боэции. Человек воспринимает формы вещей, из восприятий образует простое понятие, которое и есть то, что называется universale.

Готье Мавританский отождествлял universalia с отдельным и индивидуальными предметами. Эта школа говорила: Платон, поскольку он существует, есть индивидуум; поскольку человек — вид; как животное — род; как субстанция — самый общий род. Другие, следуя Платону, полагали universalia как идеи, первообразцы вещей. Это мнение Бернара Шартского, о котором упоминалось выше. Третьи, как напр. Жильбер, епископ в Пуатье, думали, что universalia пребывают в естественных формах, присущих действительным вещам.

Гауслен, епископ Суассона, находил universalia в вещах, рассматриваемых как одно целое, но не в отдельных индивидуальных предметах. Иные, совсем не зная латинского языка и слушая речь о родах и видах, думали, что они суть maneries, т.е. видоизменения вещей. Наконец, есть и такие, которые отождествляют роды и виды с состоянием (status) вещей. Следовательно, всевозможные решения вопроса о родах и видах и пассивное повторение уже известного через комментарии или переводы Боэция — вот чем интересовался ум человеческий в продолжении трёх с половиной столетий до половины XII века.

Но около этого времени горизонт схоластики расширяется, и логика, перестав быть исключительным предметом внимания, делается одной из философских дисциплин. Благодаря постепенно расширявшемуся знакомству схоластов с Аристотелем, арабской литературой, сокровищами Византийской учености, логика принимает вскоре совершенно иной вид.

К этой новой эпохе мы теперь и переходим.

Изменение в обработке логики обнаруживается во второй половине XII столетия. Два факта содействовали расширению логического кругозора схоластов. Во-первых, переводы и распространение всех до того времени неизвестных сочинений Аристотеля. Во-вторых, распространение комментариев к ним арабских философов и преимущественно Аверроеса. Так как арабы (мы понимаем значение их трудов только для логики) в сущности только комментировали логические сочинения Аристотеля, то нам нет нужды входить в подробный анализ их трудов. Мы только припомним здесь два факта, известных из истории философии: что арабы комментировали, а может быть и систематизировали Органон Аристотеля, и что их комментарии через еврейских переводчиков становились известны во второй половине XII и в начале XIII века в Западной Европе.

Но главное влияние шло от прямых переводов Аристотелевой логики. Известно, что уже в начале XII столетия был сделан новый перевод неизвестных до того времени аристотелевских сочинений. Продолжатель хроники Роберта де Мойта говорит под 1128 годом: «Иаков, клирик из Венеции, перевел с греческого языка на латинский несколько книг Аристотеля и комментировал их, т.е. Топику, первую и вторую аналитику и доказательства (софистические), хотя существовал еще более древний перевод этих книг» (Prantl, Geschichte der Logic, т. II, см. примеч.). Это был перевод тех самых книг, который не был известен в течение IX, X, XI веков. Из того, что Абеляр совсем не знал о существовании этого перевода и не имел под рукой упомянутых сочинений, можно заключать, что новый перевод распространялся между учеными весьма медленно, а древний, существовавший до Иакова, совсем не был распространен. При медленности и ненадежности тогдашних сообщений, а может быть благодаря каким-либо случайным обстоятельствам, перевод мог оставаться неизвестным большинству ученых чрез десять лет после своего появления. Может быть, до Абеляра доходили неопределенные слухи о существующих, но неизвестных еще сочинениях Аристотеля, может быть, доходили устным путем некоторые даже подробности из них, как это можно предполагать по некоторым данным в его сочинениях (см. подробности у Прантля, G. d. L., II, 101 и след.).

Есть и другое известие, что в четвертом десятилетии XII века некоторые ученые уже были знакомы с упомянутыми сочинениями Аристотеля. Иоанн Салисберийский говорит об Адаме Англичанине, который написал книгу Ars disserendi, составленную им в 1132 году, которая в сущности была переработкой первой аналитики Аристотеля (Patr. curs., compl., 199, Metal IV, 3, p. 917). Но со второй половины XII столетия быстро распространяется знакомство с Органоном. По сочинению Иоанна Салисберийского (Metalogicus, ум. 1180 г.), написанному около 1160 года, видно, что в его время знали Топику, общую аналитику и софистические доказательства Аристотеля (Patr. curs., compl., t. 199, Metal. III, 5, p. 902). Эти сочинения были новинкой для того времени, и ученые тогда едва успели опознать в них содержание. Сам Иоанн жалуется, напр., на трудность второй аналитики, что объясняется тонкостью исследований, ошибками переписчиков и даже ошибочностью самого перевода (Patr. curs., complet., 199, Metal. IV, 6, p. 919).

Благодаря этим новым источникам логика естественно должна была преобразоваться. Как и при всяком нововведении, образовались две партии: одна представляла старые издания, другая стояла за новые сочинения. Деление философов на antiqui и moderni (упоминаемое Иоанном Салисберийским) повторялось и вследствие всякий раз, как только под влиянием нового источника расширялись границы логических исследований и делались в логике какие-либо нововведения. Как постепенно новое содержание было присоединено к сложившейся уже диалектике, чьи труды наиболее содействовали органическому сплочению нового материала со старым, рассматривать здесь мы не станем. Но чтобы ознакомить читателя с новым видом схоластической логики, образовавшимся под влиянием новых обстоятельств, мы остановимся несколько на логике Фомы Аквината, ибо она дает нам понятие о том, что выработалось в среде философов, называемых у Иоанна

Салисберийского moderni, когда они обладали уже всеми логическими сочинениями Аристотеля.

Эта Logica modernorum достигла своего полного развития в трудах Фомы, чтобы почти сразу подвергнуться изменениям под влиянием византийской логики. Мы нарочно останавливаемся на Аквинате, потому что в его логических сочинениях почти нет следов позднего влияния. Он, как и Абеляр, хотя жил уже в то время, когда новые влияния начали прокладывать себе путь в науку, остался, однако, мало затронутым ими. Вот почему он, как и Абеляр, всего лучше может служить представителем последующего слова науки в рассматриваемый период её развития.

Фома Аквинат.

Логические труды Фомы Аквината представляют тот момент в истории средневековой логики, когда она, впервые став обладательницей всего Органона Аристотеля и многочисленных комментариев к нему арабских философов Авиценны и Аверроеса, на первое время только пассивно усваивала новооткрытый материал без всяких попыток к дальнейшему его развитию и переработке. Время Фомы Аквината было эпохой полного процветания схоластики. Аристотель, к которому сначала церковь относилась подозрительно, был вполне уже приведен в гармонию с католическими догматами. Если его мнения и не имели веса относительно догматов веры, то относительно предметов философии и всех так называемых светских наук он был авторитетом, перед которым все преклонялось.

Разсуждая о философских вопросах, схоласты прежде всего справлялись, что сказал Philosophus о трактуемом предмете. Так оно и должно было быть. Так как во второй половине XII века быстро переводились и одно за другим распространялись многочисленные сочинения Аристотеля, то понятно, что впечатление, производимое массой совершенно новых и неизвестных схоластике произведений, было громадное и подавляющее. Умы преклонились перед этим вдруг возсиявшим гением и на первое время их достало на то только, чтобы, по примеру арабов и с помощью их трудов, комментировать эти сочинения. И вот мы видим, что даже такой сильный ум, как Фома Аквинат, по примеру своего учителя Альберта Великого, только повторяет уже сказанное Аристотелем.

Литературная деятельность Фомы Аквината (1225—1274) была весьма обширна. Полное собрание его сочинений составляет восемнадцать громадных томов in fol. (Divi Thomae Aquinatis, doct. angel., opera omnia per Cosram Merelles, Antwerpiae, 1612). В этом собрании находится весьма много логических сочинений, но, к сожалению, достоверность некоторых весьма сомнительна. Из них уже Антонином, архиепископом Флорентийским, многие признаны подложными. Для истории схоластической логики имеют значение лишь сочинения Аквината. Во-первых, его комментарии к сочинениям Аристотеля об истолковании, к первой и второй книге второй аналитики (напечатаны в 1 томе собрания); во-вторых, мелкие сочинения: De ente et essentia (op. 37); De quatuor oppositis (op. 37); De fallaciis ad quosdam nobiles artistas (op. 39); De propositionibus modalibus (op. 40); De principio individuationis (op. 29); De natura verbi intellectus (op. 14). Все эти сочинения напечатаны в 18 томе указанного собрания, за исключением De ente et essentia, напечатанного в IV томе. Кроме того, для некоторых логико-метафизических вопросов имеют значение: In quatuor sententiarum Петра Ломбардского (6 и 7 том) и, наконец, Summa Theologiae (напечатано в 10, 11 и 12 томах).

Прежде всего по самому интересному для той эпохи вопросу об universalia Фома Аквинат, как и его учитель Альберт Великий, повторяют учение Авиценны, арабского философа, которое совмещает в себе все мнения об этом предмете предшествующих школ. То, что в XI

и XII веках представлялось отдельным и школами, ведшими ожесточенную борьбу между собой, в XIII веке мирно совмещалось в одной системе. Фома Аквинат допускает universalia in re, post rem и ante rem. Говоря о существовании их in re, он высказывается в духе Аристотеля и Абеляра. Роды и виды имманентны вещам; они не суть субстанции вещей, но, как говорил и Абеляр, в вещах есть то, что дает повод к образованию общих понятий; это суть universalia individuata.

Universalia post rem принимаются Аквинатом за настоящие всеобщности, пребывающие в нашем уме. В действительности существуют отдельные вещи как форма, соединившаяся с материей, которая определяет их количественно и делает их индивидуальными существами (De principio individuationis, Th. Aquin., opera omnia, t. XVIII, p. 207). От них мы собираем общие понятия и образуем потом идею рода или вида. Процесс отвлечения Аквинат изображает согласно с Аристотелем. Universalia существуют и ante rem. Они суть идеи божественного ума, предварявшие в процессе творения материально-индивидульные предметы. «Формы, существующие в материи, произошли из форм без материи», говорит Фома, и в этом отношении оправдывается изречение Платона, что отдельные формы суть начала форм, облеченных материей (Contra gentiles III, 24).

Итак, Фома Аквинат допускает три вида существования universalia. Est triplex universale, говорит он в комментариях к Sententiae Петра Ломбардского: «Существует некое, которое есть в самой вещи, или сама природа, в которой оно присутствует в отдельных предметах…; существует также некое универсальное, которое воспринимается посредством абстракции, и это возникает позже, чем вещь…; существует также некое универсальное, предшествующее вещи, которое предшествует самой вещи, как форма дома в уме строителя». (T. VI Sentent. II, dist. III, q. 2, artic. 2). Таково было решение этого вопроса для схоластов XIII века (см. De la philosophie scolastique, par Haureau, Paris, 1850, t. II, 209—212).

В области логики Фома имеет значение комментатора Аристотеля — в духе того времени. Логику он понимает как науку, рассматривающую три основных действия мышления: первое состоит в понимании сущности всякой вещи, второе — есть действие сочетания и разложения, третье — умозаключение, идущее от известного к неизвестному; первое действие предшествует второму, второе третьему (t. I, in libris Perierminias p.l., сравн. in primum et secundum libros Anal. post. p. 32). Под это логическое деление Аквинат подводит все содержание Органона.

Укажем отличительные черты логического анализа у Аквината. Он старается всюду пассивно следовать за Аристотелем, но всё-таки, под влиянием духа времени, вносит в свои толкования схоластические понятия, определения и различения. Разбирая деятельность, которую он назвал «пониманием сущности всякой вещи», Аквинат анализирует понятия, имеющие отношение к сущности. Он различает essentia от existentia, разумея под первой то, через что вещь существует так, как она есть в действительности; чтобы определить сущность, необходимо найти quidditas вещи. Анализ схоластический, как видно, весьма интересовал темы, что составляет материю и форму сложных сущностей, что значит — всеобщность и частность, интересовал отношения родового понятия к отличительному признаку и т.д. (t. IV, De ente et essentia, op. 30), какие отношения противоположности могут быть между предметами (De quatuor oppositis, op. 37, t. XVIII). Всё это относится к тому акту ума, который понимает что-то нераздельное (indivisibilia) или несвязанное с чем-либо другим, из чего разум познает существование вещи.

Второй акт ума (in primum et secundum libr. post. anal., t. I, p. 32) имеет дело с соединением и разложением и он может быть истинным и ложным. Таким образом, в основании анализа полагается предположение, что суждения — это только соединение одного понятия с другим. У него уже мы встречаем термин syncatagoremata или consignificantia, т.е.

дополнительные части предложения, точнее определяющие мысль nominis или verbi. Учение о модальных суждениях изложено им в сочинении De propositionibus modalibus (t. XVIII, op. 40). Modus в суждении называется определением характера связи между подлежащим и сказуемым. Модальных суждений шесть родов: истинное, ложное, необходимое, невозможное, возможное, случайное. Указываются затем грамматические признаки этих суждений, предлагаются новые основания для деления суждения: с точки зрения количества, качества, подчинения и противоположения, и в заключении предлагаются стихи, в которых указываются для памяти различные отношения между суждениями. Здесь Аквинат отчасти обнаруживает знание византийской логики, некоторые части которой, вероятно, были ему известны через Вильгельма, о котором упомянем ниже.

Третье действие ума состоит в переходе от одной мысли к другой, дабы от известного прийти к познанию неизвестного (discurrere ab uno in aliud, ut per id quod est notum deveniat in cognitionem ignoti, T. I, p. 32, in prim. et secund. libr. poster. analyt.). Это деятельность силлогистическая. Здесь Аквинат только разъясняет содержание второй аналитики. Так как в его время известны были уже все сочинения Аристотеля, не только логические, но и остальные философские, то он часто поясняет комментируемые мысли Аналитики текстами из Метафизики и Физики. Комментарии весьма подробны, они выясняют до тонкости мысли Аристотеля, их взаимную связь, но никаких оригинальных взглядов на тот или иной вопрос комментатор себе не позволяет. Ложные умозаключения Фомы рассматриваются в особом сочинении: De fallaciis (t. XVIII, 213 ч.).

В первой и второй главах он, по Аристотелю, указывает четыре рода рассуждений как акты ума: научный, диалектический, питательный (tentativa disputatio) и софистический. Затем указываются различные роды софизмов в зависимости от цели, которой руководится софист, и по способу доказательств, к которым он прибегает для своей цели; так он говорит de fallacia in dictione (c. II), aequivocationis (c. III), de amphibologia (c. IV), de fallacia compositionis et divisionis (c. V), de fallacia accentus (c. VI), figura e dictionis (c. VII), extra dictionem (c. VIII), accidentis (c. IX), in secundum quid et simpliciter (c. X), secundum ignorantiam elenchi (c. XI), petitionis principii (c. XII), consequentis (c. XIII), secundum non causam ut causam (c. XIV).

Фома Аквинат есть представитель того умственного движения, которое овладело схоластикой в XIII веке под влиянием новооткрытых сочинений Аристотеля и трудов арабских философов. Количество научного предания сразу расширилось: только в XV и XVI столетиях мы наблюдаем подобное же расширение умственного кругозора. Влияние этого факта сказалось для логики двумя последствиями. Во-первых, Боэций утратил нераздельное влияние на схоластов, хотя некоторые его взгляды, сделавшиеся традиционными, удерживались как бы в силу обычая. Во-вторых, логические труды стали примыкать преимущественно к Аристотелю, который истолковывался главным образом под влиянием арабских философов, особенно Аверроэса и Авиценны. Но попыток к систематизации логических понятий, хотя бы и на основании Аристотеля, мы ещё не замечаем. Ум, подавленный обширностью нового материала, стремится только изучить и разъяснить его самому себе: всё логическое движение этого времени исчерпывается одними комментариями к Органону. Новое влияние, чисто византийское, вывело схоластическую логику на новый путь, с которого она уже не сходила во всей продолжительности схоластической эпохи.

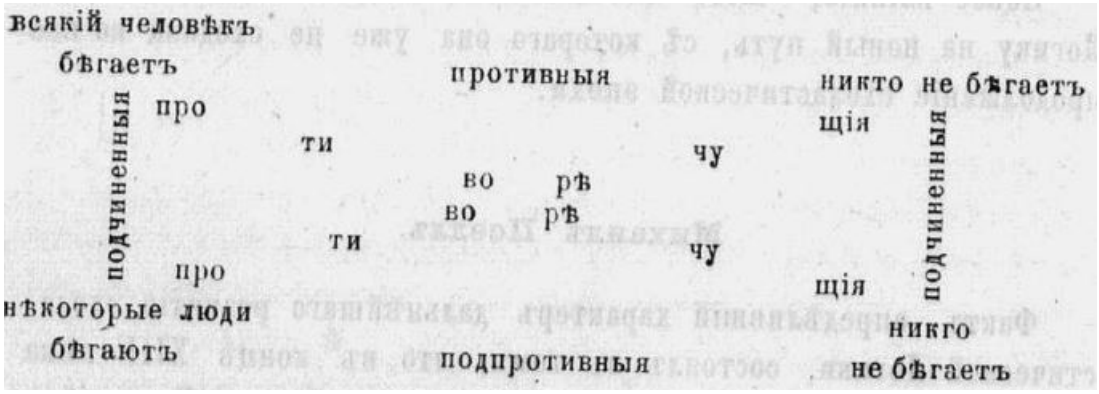
Михаил Пселл.
Факт, определивший характер дальнейшего развития схоластической логики, состоял в том, что в конце XIII века распространилась в латинской переработке логика византийца Михаила Пселла. Познакомимся прежде всего с ней.

От Михаила Пселла (род. 1020) дошло до нас сочинение под заглавием: Εἰς τὴν Ἀριστοτέλους Ἀναλυτικήν ἐνάρξιν γραφήν (Eigtr., Apixoxélovg IouivUpy enaxriu-nv grifoc). Оно имело огромное влияние на развитие схоластической логики, и потому мы несколько подробней остановимся на нём. Мы пользуемся здесь изданием: Synopsis Organi Aristotelici Michaele Psello auctore, ed. M. Elia Ehingero, 1597.

Диалектика есть искусство искусств (τέχνη τῶν τεχνῶν) и наука наук (ἐπιστήμη ἐπιστημῶν), указывающая путь к началам всех методов. Прежде всего указываются составные части всякой речи — слова и сами основания слов — звук и их различное значение (гл. I). Речь (λόγος) основывается на имени и глаголе, и они составляют главную часть её, остальные же части — только соозначающиеся слова (προσαρτημένα) (с. II, III). По смыслу своего предложений делятся на совершенные и несовершенные, а первые по содержанию на изъявительные, повелительные, желательные и сослагательные (с. IV).

Предложение есть речь, означающая истинное что-либо или ложное. Оно может быть категорическим или условным. В категорическом части: подлежащее, сказуемое и связь; оно бывает всеобщее, частное, неопределённое, единичное. Кроме того, категорические предложения бывают утвердительные или отрицательные (с. V). По взаимному отношению различные категорические суждения имеют общими либо оба понятия, либо одно из двух, либо ничего не имеют общего. Первого рода предложения бывают противные, подпротивные, противоречащие, подчинённые.

Пселл предлагает следующую таблицу их, до сего времени употребляющуюся в формальных логиках.

По содержанию суждения бывают необходимыми, случайными, невозможными. Указываются законы, определяющие, в каких случаях различные предложения могут или не могут быть истинными и/или ложными в месте (с. VI), и излагается учение о превращениях предложений: simplex, per accidens, per contrapositionem (с. VII).

Гипотетическое предложение может быть условным, соединительным и разделительным (с. VIII). Следует далее учение о равносильности суждений (aequipollentia propositionum), где предлагаются различные правила — о сущности modi, как побочного (привходящего) определения вещи: при имени таковые определения обозначаются прилагательными, при глаголе — наречиями, таковы: необходимо, случайно, возможно, невозможно, истинно, ложно. Когда эти определения касаются самого способа соединения подлежащего и сказуемого, тогда получается настоящее модальное суждение (с. IX).

Анализируя его, Пселл допускает шесть видов, согласно указанным выше основаниям, и из них особенно останавливается на суждениях необходимых, случайных, возможных, невозможных, предлагает таблицу в роде выше приведённой для наглядного обозначения их отношений (с. X) и указывает условия равносильности их (с. XI) (здесь кончается I книга).

Итак, Пселл начинает свой синопсис учением о суждениях или предложениях. Следует затем изложение содержания Введения Порфирия. Universale получает значение реальное: оно относится к самому бытию вещи, как praedicabile, происхождение же имеет субъективное (Lib. II, c. 1). В анализе пяти всеобщих сказуемых (рода, вида, различия, свойственного признака, случайного), их значений и взаимных отличий, Пселл следует Порфирию и Боэцию, которого даже цитирует в одном месте (c. IV, Lib. II) — c. II—VII Lib. II.

Чтобы подготовить почву для учения о категориях, Пселл рассматривает различные виды слов, высказываемых о предметах (омонимы, синонимы, паронимы) (c. I, Lib. III), далее — десять способов пребывания чего-либо в чём-либо (c. II) и предлагает общие заключения, касающиеся предметов и свойств, различия разнородных предметов, подчинённых родов (c. III).

Сами категории делятся вообще на два рода: сущность и то, что к ней прилагается (c. IV), после чего следуют заметки о каждой категории в частности (c. V—IX). В отделе Περὶ σχημάτων, соответствующем схоластическим postpraedicamenta, Пселл делает дополнительные замечания о взаимных отношениях категорий. Они могут противополагаться четырьмя способами: относительно, отрицательно, противно, противоречиво (c. X). Одни из них могут предварять или логически предполагать другие (c. XI), одно бытие может быть в месте в другом (c. XII). Замечанием о шести родах движений (c. XIII) и семи родах имений (χρήσεις) (c. XIV) он заканчивает III книгу.

Следует учение о силлогизмах и прежде всего упоминаются посылки, термины и объясняется значение dictum de omni et nullo (c. 1, Lib. IV). Определение силлогизма даётся в духе Аристотеля; затем повторяются его же определения терминов: большего, среднего и меньшего, и силлогистической фигуры (c. II).

В первой фигуре Пселл насчитывает девять modi, т.е. пять способов силлогизации; по четвёртой фигуре они относятся к первой (c. III). Нововведением в учении о силлогистических фигурах (вторая изложена в IV и третья в V главах) были названия различных тротов силлогистических фигур. Они перешли и в западную логику и употребительны в ней даже до настоящего времени, только греческие звуки были заменены на латинские.

Названия для первой фигуры у Пселла следующие: Granata, Gurane, Urcopiât, Hguuikhd; для Феофрастовских тротов: Trhluxhti, Gtafe, Udptat, R.dpssvog, Tepiv. Для второй фигуры: Gurf, Xdxeys, Frsov, Ayoàov. Для третьей: Httxhsp, Taevzpdg, Ivàxig, Durndt, ЬфЬд, Cpépigog. Эти слова в каждой фигуре образуют предложения, имеющие смысл, и потому они могли служить (лучше латинских названий) для мнемонических целей.

Знаки аристотелевских тротов первой фигуры значат: «письменом написал» — ученый; знаки Феофрастовских: «письменами принесла грациям, дева, священный подарок»; знаки второй фигуры: «написал», содержание — мерное, безгневное (сердце); знаки третьей: «для всех мужестенных (человек), подобно щиту, равно наилучший».

Указанные мнемонические предложения не находятся в издании Эгингера, по которому мы излагаем Пселла, но Прантль свидетельствует (Gesch. der Logik, Bd. II, 275), что они действительно находятся на полях Аугсбургской рукописи, с которой Эгингер печатал текст, и написаны такой же рукой, как и текст, так что удивительно, как они не были отпечатаны. Эти слова должны были облегчить память, запоминание порядка посылок в каждом троте. Каждая гласная имеет своё значение: именно A — общеутвердительное суждение, E — общеотрицательное, I — частноутвердительное, O — частноотрицательное.

Далее Пселл рассуждает о невозможных соединениях посылок (с. VI). По примеру Аристотеля он предлагает учение о различных модальных силлогизмах, происходящих из соединения суждений возможных, действительных и необходимых (с. VII). Следуют силлогизмы гипотетические, разделяемые у него на простые и сложные; последние могут быть либо условные, либо разделительные. У условных два вида, у разделительных три, простых «гипотетических» также три (с. VIII).

Пятая книга начинается вопросом о нахождении в доказательствах среднего термина (с. 1 Lib. V). После определения различных значений λόγου, Пселл останавливается на его значении как среднего термина, через который выводится заключение (с. II), он занимается эпихиремой, наведение, энтимемой и примером, во всем следуя Аристотелю (с. III). В последующих главах излагается хототі — это своего рода топика, образовавшаяся главным образом на анализе Фемистия, как утверждает Прантль (Gesch. der Logik, Bd. II, 279, прим. 64). С подобными loci мы встречались выше у Абеляра.

Пселл разделяет их на высшие общие места (аксиомы) и общие места, касающиеся различий аксиом. Последние разделяются на внутренние, внешние, средние (с. IV). Первые основываются на рассмотрении сущности или того, что подобно ей: определение (с. V), описание (с. VI), истолкование (с. VII), целое и части (с. VIII), причина и действие (с. IX), происхождение (с. X), уничтожение (с. XI), употребление (с. XII), совместное следование (с. XIII). Внешние места — противные положения (с. XIV), сравнительное количество (с. XV), подобие (с. XVI), сравнение (с. XVII), перенесение значения (с. XVIII), утверждение на авторитет (с. XIX), противоположное (с. XX). Средние места — связь одного положения с другим, предлоги, деление (сс. XXI—XXIV).

К топике же относится у Пселла ряд замечаний о значении (rap ia-puaaïad), которые в латинской логике выработались в особый отдел, повторявшийся во всех западных логиках под названием de terminorum proprietatibus. Так как предмет имеет либо всеобщий, либо частный характер, то означающие слова могут быть либо всеобщие, либо частные. Значения их могут касаться либо сущности предмета, каковой смысл имеют имена существительные, либо чего-либо, только прилагаемого к предметам (имена прилагательные).

Имена существительные подставляются (κινοῦνται), прилагательные — слагаются (связываются). Можно подставлять один существительный термин на место другого, на место частного — общий; это действие называется (substitutio). Например: говорят: «человек бы жил» — термин «человек» подставляется на место Сократа, Платона и других названий. Как подстановление может быть в именах существительных, так связывание — в именах прилагательных (aequipollentia) (с. XXV).

Подстановление может быть общее и определённое. Общее производится с помощью общего термина (например, «человек»), частное — через определённый термин (Сократ — этот человек). В свою очередь общее делится на природное и случайное: природное состоит в замене частных названий родовым, случайное простирается только на отдельные частные значения в общем понятии (например, «человек есть» может заменять названия людей существующих, «человек был» — может употребляться вместо названия людей живших и т. п.).

Случайное подстановление может быть простое и личное. Первое состоит в замене общим понятием вещи, им обозначаемой (например, «человек есть вид»), и имеет несколько подразделений. Личное подстановление есть употребление общего термина вместо отдельных предметов, под ним содержащихся, и может быть определённым и смешанным,

т.е. понятие общее, определённо или неопределённо выраженное, и имеет, несмотря на иногда неопределённость, твердое значение, и суждение из него составляется верно.

Смешанное подстановление бывает, когда берется общий термин (с прямым значением, что он берется всецело) вместо многих частных, например, в предложении «всякий человек есть животное» — слово «человек» с означением «всякий» подставляется вместо множества отдельных людей. Смешанность подстановления может вытекать либо из самого характера означения (например, вследствие того, что к понятию прилагается слово «всякий»), либо из анализа самой вещи (например, «всякий человек есть животное» — здесь термин «человек» подставляется вместо всех отдельных людей, потому что сказано «всякий», и с другой стороны этот же термин может подставляться, потому что всякий человек двигается и дышит, следовательно, имеет в себе принадлежности животного) (Lib. V, XXVI).

Остальную часть главы 26-й равно как и 27-й Пселл посвящает решению противоречия между смешанным подстановлением и простым. Заключительная XXVIII глава содержит в себе τὰ τὰ γραφικά, т.е. наглядную таблицу их. Рукопись оканчивается анализом подстановления, но очевидно, что в синопсисе должно было быть учение о связывании (coniunctione), чего в рукописи нет. Из латинских переводов, с которыми мы познакомимся ниже, можно дополнить это недостающее.

В любом случае труд Пселла доказывает, что Византия продолжала работать для логики на основах Аристотелевского Органона, но что в месте этого направления трудов было в высшей степени формалистическое. Тем не менее синопсис пришелся по вкусу западной схоластике и имел огромное влияние на логические работы второй половины XIII и последующих веков до XVI столетия.

Вильгельм Шервуд и Пётр Испанец.
Общепринятым мнением прежде было то, что синопсис Пселла впервые сделался известным на Западе через перевод Петра Испанца. Но Прантль открыл в Парижской библиотеке рукопись, из которой видно, что за несколько десятков лет до Петра он был известен уже на Западе. Рукопись эта (неизданная ещё) содержит в переработанном виде ничто иное, как синопсис Пселла (t. II, 264 p.). Автор этого труда был Вильгельм Шервуд (Guelliemus de Schyrwode).

Он умер в 1249 году, был канцлером в Линкольне и учился в Оксфордском университете. В его труде уже встречаются мнемонические слова для означения видов силлогизмов, которые обыкновенно приписывались Петру Испанцу. Затем у него же мы находим главу о proprietate terminorum, что у Пселла названо tgerg щшaiад. Сомнений в том, что ранее Петра синопсис сделался известным схоластике, быть не может.

Каким образом он мог сделаться известным Западу — это легко понять, если вспомнить, что крестовые походы имели следствием распространение знания греческого языка и некоторых греческих сочинений на Запад. Овладев Константинополем в 1204 г. и основав в нём латинское Царство, латиняне естественно могли ознакомить себя со многими греческими сочинениями по философии, так много занимавшими тогдашних схоластов.

То, что в начале XIII столетия были оживлённые ученые сношения Запада с Востоком, показывает просьба папы Иннокентия III к Парижскому университету о посылке на Восток ученых, в нравах и науках похвальных, равно как устройство французским королём Филиппом Августом в Париже collegium Constantinopolitanum. Труд Пселла легко мог дойти до Шервуда, который притом был учителем в Париже, и им обработан для школ.

Но хотя синопсис был известен Западу и до Петра Испанца, однако честь его распространения и сообщения ему окончательной формы, под которой знал его образованный Запад в продолжении нескольких веков и в которой он изучал его, принадлежит именно этому ученому. Его Summula вытеснил и всё до него употреблявшиеся руководства по логике; ученые их комментировали, изучали, дополняли и по их образцу писали все логические сочинения XIV и XV веков. О распространении этого труда достаточно сказать, что в продолжении первых 50-ти лет со времени изобретения книгопечатания было гораздо более сорока восьми изданий (перечислены у Прантля, t. III, pp. 34—40).

Пётр Испанец (Petrus Hispanus) был современником Фомы Аквината. Он жил от 1224 до 1277 гг., следовательно, умер только тремя годами позже Аквината. Положение его как папы (Ioannь XXI), вероятно, много способствовало распространению его сочинений. Его логический труд известен под названием Summulae или Tractatus. По одному счету их семь, по другому — двенадцать:

1. Osundeni
2. Antepraedicamenta (или quinque voces Porphyria)
3. Категории
4. Силлогизмы
5. Топика
6. Ложные умозаключения
7. Седьмой трактат называется общим именем Termino rum proprietates и подразделяется на шесть отдельных трактатов:
8. подстановление (suppositio)
9. распространение (ampliatio)
10. называние (appellatio)
11. ограничение (restrictio)
12. распределение
13. exponibilia.

Иногда подразделения tractatus de terminorum proprietatibus считались за отдельные трактаты, и тогда summulae назывались tractatus duodecem. В некоторых изданиях даже выпускались целые трактаты, напр., у нас под рукой выпущен трактат Exponibilia (Vigii doctrinativi Petri Hispani Summulae sive Isagoge in Aristotelicos dialecticae libros, cura pervigili revisae atque mendis quibus scatebant erepte. Impressae Coloniae, in officina (felicis memoriae) Henrici Quentel, 1502 г.; издание это у Прантля не указано).

В другом издании с комментариями, которым мы пользовались также, трактат Exponibilia есть (Copulata pro elucidatione sex tractatuum Petri Hispani, etiam parvorum logicalium ejusdem et trium modernorum textui perquam solerte inserta. Ex officina liberorum Quentel, 1507). Но трактаты о terminorum proprietatibus в счёт здесь не введены. Это издание упомянуто у Прантля, t. III, 36, под лит. t.

Синопсис Пселла вошел всецело в логику Петра Испанца: он почти дословно переведен последним. В первом трактате почти слово в слово излагается содержание первой книги синопсиса, т.е. понятие о диалектике, её польза, определение звука, слова, имени, глагола, речи (oratio). Говоря о речи, Петр Испанец к изъявительной, повелительной, желательной и сослагательной формам Пселла присоединяет и молительную (depraecativa). Предложение разделяется также точно, как у Пселла, на категорическое и гипотетическое, по количеству и качеству.

Следует учение о противоположных суждениях и правила, данные у Пселла относительно превращения их, излагаются в следующих мнемонических стихах:

Feci simpliciter, convertitur Eva per acci
Asto per contra, sic fit conversio tota.
Asserit A, negat E sunt universaliter ambae;
Asserit I, negat O sunt particulariter ambae.

«Я сделал это просто; E преобразуется через случай (accidens), A – наоборот, так происходит полное преобразование.
Утверждает A, отрицает E — обе универсальны;
Утверждает I, отрицает O — обе частны.»

При анализе гипотетического суждения повторяется всё, сказанное у Пселла. В учении о равносильности (aequipollentia) суждений опять внесены подобные же стихи, чтобы легче было запомнить правила:

Non omnis, quidam non. Omnis non quasi nullus.
Nonnullus, quidam; sed nullus non valet omnis.
Non aliquis nullus. Non quidam non valet omnis.
Non alter, neuter. Neuter non praestat uterque.

Не всё, некое не… Все «не» — не как «ничто».
Некоторые, некие; но «никто» не равно «все».
Не кто-то — это не «никто». Некое «не» не равно «все».
Не другой, ни один из двух. Ни один из двух не заменяет обоих.

Учение о модальных суждениях и их противоположении, по примеру Пселла, изображенное в особой таблице, также заканчивается следующими стихами, её поясняющими:

Tertius est quarto semper contrarius ordo
Sit tibi linea subcontraria prima secundae;
Tertius est primo contradictorius ordo;
Pugnat cum quarto contradicendo secundus;
Prima subest quartae vice particulari liabens se
Nascit ad Seriem se lege secunda sequentem
Ordo subalternus sit primus sive secundus

Третий всегда является противоречащим четвёртому порядку.
Пусть у тебя будет линия, противостоящая первой второй.
Третий порядок противоречит первому.
Второй борется с четвёртым, противореча ему.
Первая подчинена четвёртой, выполняя роль частной (частного случая).
Он рождается для последовательности, следуя второму закону.
Подчинённый порядок — это первый или второй.

Во втором трактате, соответствующем II книге синопсиса, к тому, что изложено в последней, присоединяется arbor Porphyriana. Так как и до настоящего времени оно повторяется в логиках, то мы представим его здесь. Цель его — показать отношение родов, видов, индивидуумов:

- Сущность (Substantia)

- Телесная (corporea)
  - Тело (corpus)
    - Одушевлённое (animatum)
      - Живое (animal)
        - Разумное (rationale)
          - Человек (homo)
            - Именованные личности: Иоганн (Johannes), Генрих (Heinricus), Николас (Nicolaus), Пётр (Petrus)
        - Неразумное (irrationale)
      - Чувствительное (sensibile)
    - Неодушевлённое (inanimatum)
      - Несенсибельное (insensibile)
- Небесная / Нематериальная (incorporea)

Тоже стремление изобретать мнемонические знаки, облегчающие запоминание трудностей, обнаруживается и в учении о категориях, составляющем третий трактат. Говоря о восьми родах существования в чём-либо (octo modi essendi in), Пётр Испанец приводит следующие стихи:

Insunt: pars, totum, genus et species, calor igni.
«Содержатся: часть, целое, род и вид, тепло в огне»
Hex in regno, res in fine, locoque locatum.
«Hex в своём царстве, вещь находится в своём конце и помещена на своём месте»

По установившейся уже на Западе терминологии трактат о категориях разделяется на учение о antepraedicamenta, praedicamenta и postpraedicamenta.

В четвёртом трактате, соответствующем IV книге Пселла, излагается учение о силлогизмах, и здесь мы встречаем уже термин praemissae (посылки). Порядок фигур изображается опять в следующих стихах:

Prima prius subjicit medium, post praedicat ipsum,
«Первая сначала подчиняет (ставит ниже) среднее, затем предикатирует само [понятие].»
Altera bis dicit, tertia bis subjicit ipsum,
«Вторая дважды утверждает, третья дважды подчиняет само [понятие].»
или: sub (т.е. subjicit) prae (praedicat) prima. Secunda prae bis
Sed tertia sub bis
«Или: первая подчиняет (sub) прежде чем предикатирует (prae). Вторая предикатирует дважды, но третья подчиняет дважды.»

Правила соединения посылок те же, как у Пселла; они повторяются в следующих стихах:
Partibus ex puris sequitur nil sive negatis;
«Из частей, состоящих из чистых [понятий], ничего не следует, если они отрицательны;»
Si qua praeit partis, sequitur conclusio partis;
«Если что-то предшествует части, то вывод следует за этой частью;»
Si qua negata praeit, conclusio sitque negata;
«Если что-то отрицательное предшествует, вывод также будет отрицательным;»
Lex generalis erit: medium concludere nescit.
«Общее правило будет таково: среднее понятие не умеет заключать (то есть само по себе не даёт вывода).»

Названия modi фигур латинские, причём гласный употребляется в том же значении, каким он употреблен у Пселла. Они, как говорилось выше, встречаются уже у Вильгельма Шервуда, следовательно, несправедливо до сего времени в логиках приписывали их происхождение Петру.

Вот как они называются в Summulae:
Для первой фигуры: Barbara, Celarent, Darii, Ferio (следуют Феофрастовские moidi: Baralipton (в новых логиках Bamalip), Celantes, Dabitis, Sapesmo, Frisesoy). Этот стих мы нашли в Кёльнском издании 1507. У Прантля его нет (gesell, der Logik, t. III, p. 48).
Для второй фигуры: Césare, Camestres, Festino, Vagosso.
Для третьей: Darapti, Felapton, Disamis, Datisi, Boeardo, Ferison.

VI, VII и VIII главы синопсиса — о бесполезном сочетании терминов, смешении силлогизмов, о гипотетических силлогизмах — опущены в Summulae. Правила превращения силлогизмов опущены в издании Кёльна 1502, но помещены в издании 1507 года. В пятом трактате излагается содержание топики Пселла. Первая глава V книги синопсиса — об изобретении среднего термина в Summulae опущена, и трактат начинается указанием различных значений ratio (λόγος). Следует определение способов доказывания и исчисление общих мест (loci) почти дословно по Пселлу.

Шестой трактат излагает содержание первых 15 глав Аристотелевской книги — о софистических доказательствах. Summulae дают определения силлогизмов и основанных на них способов рассуждений — научных, диалектических. Софистические доказательства разделяются по цели на пять родов, но по способу ведения — на тринадцать видов софизмов: шесть in dictione и семь extra dictionem. Этого отдела нет у Пселла. Но так как Пётр Испанец излагает учение о софистике на основании греческих источников, конечно, бывших доступными и Пселлу, то с вероятностью можно полагать, что и этот отдел был взят из недошедшей до нас части его синопсиса.

Затем следует учение о suppositione — подстановлении, составляющее предмет седьмого и восьмого трактатов. Как мы видели выше, весь ряд трактатов (с 7-го по 12-й) в иных изданиях составляет один целый трактат de terminorum proprietatibus. С Петра Испанца этот пункт становится любимым предметом исследований схоластов. Теперь, конечно, воспитавшись в других понятиях, вкусах и привычках мышления, мы не можем не удивляться, как люди, обладавшие высокой степенью интенсивного ума, могли в продолжении целых столетий заниматься, по видимому, ни к чему не ведущими тонкостями, с современной точки зрения даже прямо бессмысленными.

Если мы хорошенько вдумаемся в этот круг исследований, то увидим, что для того времени он имел свой смысл. Вспомним, что тогдашнее образование имело исключительно богословский характер. Богословие не может не придавать значения точному выражению догматов веры и правильному их определению. Будучи слугой Церкви, философия должна была удовлетворить этой потребности строгой теорией точного обозначения мысли. Но мысль выражается в словах — терминах, под которыми и разумелись в Средние века понятия, обозначенные словами. При различных способах выражения мысли, в каких случаях можно заменять один термин другим в предложении (suppositio), когда можно расширять и ограничивать значение его (ampliatio, restrictio), каких правил держаться при именовании или распределении признаков по предметам (appellatio, distributio) — вот вопросы, которые имели глубокий смысл для средневекового мыслителя.

Итак, характер образования в то время делал подобные исследования совершенно естественными и необходимыми. С другой стороны, точка зрения схоластической логики на логические приёмы мышления была по существу логико-грамматической. Как и у

Аристотеля, в схоластическом учении о категориях, предложениях и топике грамматические интересы и взгляды перемешивались с логическими. С этой точки зрения было весьма интересно исследовать proprietates terminorum, т.е. в каких случаях и как нужно с ними обращаться. Эти логико-грамматические исследования имели ближайшую и непосредственную цель: по примеру Аристотеля, средневековая логика считала своей обязанностью не только указать софизмы, но и разрешать их, т.е. указать, почему и в чём они ложны.

А так как они основывались на неправильностях и двусмысленностях в выражении мысли, т.е. в терминах речи и их сочетаниях, для основательного разрешения софизмов необходимы были исследования свойств терминов. Таким образом, эти отделы логики, кажущиеся Прантлю доказательством бессмысленности и беспомощной глупости средних веков, особенно Византии, откуда был дан первообраз их, имели свой смысл, оправдывались духовными потребностями и вкусами эпохи.

Содержание седьмого трактата de suppositione есть повторение XXV, XXVI и XXVII глав синопсиса Пселла. В них рассматривалось, в каких случаях возможно подстановление одного термина предложением вместо другого. Поэтому, чтобы не повторять сказанного выше, мы перейдём к восьмому трактату, содержание которого, по всей вероятности, также входило в сочинение Пселла, но до нас не дошло.

В нём рассматривается, какого рода подстановление может быть делаемо с терминами относительными (suppositio relativorum). Они двух родов: относительный сущности (relativa substantiae) и относительный свойства (relativa accidentis), т.е. могущие заменять название сущности, напр. qui, ille, и заменяющие название свойства, напр. talis, qualis, tantus, quantus. Первые могут означать или тождество (qui, idem) или различие (alius): напр. “бежит Сократ”, который рассуждает — здесь слово «который» поставлено вместо Сократа и есть relativum substantiae, и притом identitatis.

Между относительными местоимениями, относящимися к relativa substantiae, различают: возвратные — «себе, себя», притяжательные — «свой, своя». Указывая случаи употребления таких относительных имён вместо названий предметов, Пётр Испанец видит смысл их в сообщении речи ясности. Затем он указывает правило, которое следует наблюдать при употреблении относительных имён, указывающих на различие (relativa diversitatis).

Через relativa accidentis мы относим к вещам названия других вещей, напр. Сократ есть животное, и таков же Платон. Тогда как относительное сущности означает тождественность по числу, относительное свойства означает тождественность по виду (Сократ был и таков же Платон). И этот род относительных разделяется на relativa identitatis и diversitatis. Ampliatio (расширение) и restrictio (ограничение) в Summulae понимаются как виды подстановлений личных (suppositio personalis), о которых мы уже говорили при обзоре синопсиса Пселла.

Ограничение есть уменьшение объёма значения термина через присоединение ограничивающего прилагательного: напр. «белый человек бежит» — прилагательное «белый» ограничивает значение слова «человек». Расширение есть распространение термина: напр. «человек может быть Антихристом». Расширение производится или с помощью глагола — «может», или имени прилагательного — «возможно», и может простираться на понятие или на время (напр. «человек необходимо есть животное»). Здесь, как и при анализе подстановления, даются правила и разрешается на основании их один из софизмов.

Учение о расширении составляет содержание девятого трактата об именовании — десятого. Именование — est accepta termini pro re existente. Оно отличается от подстановления тем, что всегда имеет дело с действительно существующим предметом, тогда как подстановление может простираться и на предметы воображаемые. Именование может быть общее и частное (человек, Сократ) и подразделяться ещё частнее.

Ограничение (restrictio), излагаемое в одиннадцатом трактате, есть сужение (coartatio) значения общего термина, сообщение ему менее общего значения вместо более общего. Одни ограничения производятся через имена (напр. «человек белый» — словом «белый» ограничивается значение общего термина «человек»), другие — через глаголы: «человек бежит», третьи — через причастия, через вводные предложения, напр. «человек, который был, бежит». Ограничения через имя производятся иногда через придачу видового имени к родовому (животное — человек бежит), иногда — через придачу существенного признака или случайного свойства. Следуют за тем правила относительно ограничений через имена, напр. чтобы ограничивающие подробности в месте ограничения не уничтожали понятия, ни не расширяли его, и т.д.; правила относительно ограничений через глаголы. После разрешения одного софизма (Opte: animal fuit in archa Noae; sed Caesar fuit animal, ergo Caesar fuit in archa Noae) рассматривается вопрос: простирается ли ограничение одинаково на утвердительное и отрицательное предложение.

Содержание двенадцатого трактата составляет учение о распределении (distributio): оно есть умножение общего термина, произведённое через общий знак (multiplicatio termini communis per signum universale facta), напр. говоря «всякий человек», словом «всякий» мы распределяем название «человек» по предметам, подчинённым ему. Но распределять можно только общий термин: нельзя сказать «всякий Сократ» или «всякий Платон».

Из всех общих знаков одни являются распределительными сущности (distributive substantiae), напр. «всякий, никакой», другие — распределительные случайных свойств (distributive accidentium), напр. «какой-нибудь, как ни велик» (qualiscunque, quantuscunque). Первые разделяются на означающие или части предмета, напр. целый, или объём понятия (автор называет его partes subjectivae, т.е. представляет род как бы состоящим из частей, т.е. различных предметов ему подчинённых), напр. «всякой, никакой», и притом знаки, обозначающие объём, могут указывать на два предмета: оба, ни тот ни другой, или на многие: «никакой, всякий».

Затем в подробности трактуется каждый из указанных знаков: omnis, nullus, uterque, neuter, totus. Анализом автор пользуется для разрешения многих софизмов. Кёльнское издание 1507 года кончается трактатом о распределении. Но схоластики приписывали также Петру Испанцу и трактат exponibilium, и во многих изданиях он присоединялся к изложенным выше трактатам. В Кёльнском же издании 1502 года, принадлежащем Императорской публичной библиотеке, которым также мы пользовались, он именуется прямо: tractatus exponibilium Petri Hispani. Вероятно, он мало внесён позднейшими схоластами и может быть, многие в начале XVI века сомневались в подлинности его, отчего он то присоединялся к другим трактатам, то исключался. Мы рассмотрим его здесь же, потому что для решительного исключения его из Summulae мы пока не имеем оснований.

Смысл этого трактата следующий: многие предложения имеют не совсем ясный смысл, потому что в них есть добавочные определительные слова (syncathegoremata — определительные и дополнительные слова в предложении), и потому нуждаются в разъяснении. Такие предложения называются exponibilia, т.е. требующие истолкования (Propositio exponibilis est propositio habens obscurum sensum expositione indigentem propter aliquod syncathegorema explicite positum vel in aliqua dictione inclusum).

Напр., «только человек есть животное», «Сократ начинает быть белым» — линия бесконечна. Знаки, вследствие введения которых предложение становится требующим истолкования, весьма различны: есть знаки исключающие (только), изымающие (кроме), усиливающие (во сколько раз), указывающие начинание (начинает), отсутствие конца (бесконечное), увеличение (имена сравнительной и превосходной степеней), различие, способ распределения.

Чтобы не утомлять читателя подробностями, мало интересными и притом утомительными, мы представим один образчик того, в каком роде разрабатывался tractatus exponibilium, и для этой цели остановимся на первом пункте, именно на знаках исключения. Весь смысл этого отдела заключается в указании, как истолковывать неясные предложения, в которых неясность происходит от внесения различных дополнительных и ограничительных слов. Истолковывать значит «заменять менее ясное предложение более ясным». В случае, когда предложение содержит в себе знаки исключения, нужно знать, как следует излагать его, чтобы сделать более ясным.

Знаки исключения — те, которые по своему значению в предложении указывают на исключение, таковы: «только», «пока чего» и т.п. Иногда они исключают alietatem (т.е. всё, что инаково, чуждо тому, о чём трактуется в предложении), иногда — множество, и притом помещаются без отрицания, иногда же — с отрицанием.

Правила для истолкования в этом случае следующие:

Предложение исключающее, но не содержащее в себе отрицания, истолковывается соединительным предложением (copulativa — вид условных), в котором первая часть (antecedens) содержит утверждение, вторая же есть отрицательная, отрицающая сказуемое от всего, что не есть подлежащее. Предложение: «только человек разумен» истолковывается так: «человек разумен, и всё иное, кроме человека, не есть разумное» (tantum homo est rationalis, id est, homo est rationalis et nihil aliud ab homine est rationale).

По второму правилу, такое исключающее предложение можно заменять соединительным, состоящим из двух предложений, напр.: «только человек бежит», т.е. «человек бежит и всё другое не бежит». По третьему правилу, утвердительно-исключающее предложение может заменяться общим утвердительным по приёму превращения, напр.: «только животное есть человек», т.е. «всякий человек — животное». По четвёртому правилу, когда исключающее суждение содержит в себе отрицание, предваряющее утверждение его (т.е. когда отрицание так поставлено, что им опровергается следующее за ним предложение), оно может заменяться утвердительным: напр. «неправда, что только человек бежит», т.е. ни один человек не бежит, или нечто иное, чем человек, бежит.

Пятое правило: исключающее суждение, в котором за исключением следует отрицание, заменяется положительным соединительным предложением, в котором первая часть отрицательная, вторая — утвердительная: напр. «только accidens не есть сущность», т.е. «accidens не есть сущность, и всё иное, кроме accidens, есть сущность». В таком же направлении предлагаются правила для истолкования предложений со знаками изымания, напр. «кроме» (praeter), со знаками усиливающими (in quantum, secundum quod), указывающими начало (incipit, desinit), отсутствие конца (infinitum), содержащими указание на сравнительную или превосходную степень, на различие (differt, aliud) и, наконец, на способ распределения (totus). Но мы не станем утомлять читателя этими подробностями.

Таков был учебник, которому училась западная Европа в течение более чем трёх столетий. Положение Петра Испанца, как Папы, дало руководство, но независимо от известности переводчика, главным было самое направление логического учения в Синопсисе Пселла, а

затем в Summulae, пришедшее по сердцу средневековым мыслителям — и это, конечно, прежде всего было причиной огромного распространения и влияния книги.

Действительно, логические приёмы у него анализировались в самом формалистическом духе, предлагались различения, деления, определения без всякой, иногда, мысли о практической пригодности, и часто смысл того, что различается, делится, определяется. Как при решении догматических вопросов схоластики утончали свой анализ до невообразимых подробностей, так и здесь в Summulae они наслаждались множеством делений и подразделений.

Но и в этом новом виде Логика оставалась верна преданиям Аристотеля и держалась за внешний порядок частей его Органона, как бы не имела ещё в себе достаточно смелости, чтобы выйти на новую дорогу. С другой стороны, вместо того чтобы обособляться от грамматики, Логика ещё более закрепляла свои связи с ней. Новое приобретение в византийской логике, распространённой на Запад через Петра Испанца (именно трактаты de terminorum proprietatibus), только увеличило хаос логико-грамматических понятий: мы видели, как в трактатах de suppositione, ampliatio и т.д. грамматические тонкости перемешаны с логическими определениями.

Во всяком случае, с появлением упомянутого труда схоластическая Логика получила совершенно новый вид. Прежде всего Органон Аристотеля получил форму краткого учебника, а подробные исследования Аристотеля были замкнуты в краткие определения. То, что делали толкователи и комментаторы, теперь систематизировалось и вводилось в состав Логики. Затем к содержанию Органона присоединился целый отдел логико-грамматических исследований относительно особенностей и свойств терминов, как составных частей предложения.

Этот вид Логики послужил канвой для логических исследований в течение более чем трёх столетий, и особенно последний отдел de terminorum proprietatibus был значительно расширен и обогащён к концу Средних веков. Но прежде чем мы познакомимся с этим наростом, бывшим уже последним на схоластической Логике, сообщившим ей окончательный вид, остановимся на одной любопытной попытке вывести её на новый путь — сделать её Логикой открытий, именно на трудах Раймунда Луллия. Сочинения последнего много и долго занимали умы средневековых мыслителей, образовали целую школу, которая до конца средневековой эпохи держалась рядом со школой Аристотелевой и в своём роде тоже весьма ярко изображала логический дух и логические потребности эпохи.

Раймунд Луллий

Труды Раймунда Луллия (1234—1315) имеют несомненное значение для истории Логики. Их идея — дать в руки каждого руководство, пользуясь которым мог бы всякий приходить к новым сочетаниям понятий. Они имели цель основать своего рода Логику открытий. Теперь, конечно, странно видеть, что Луллий дело открытия новых мыслей номинально принимал как труд не механический. Но если вдуматься в направление тогдашнего мышления, в логические вкусы и привычки схоластики, то увидим, что предприятие его было совершенно естественно и логично.

Мы видели, как у Петра Испанца весь логический анализ построен на соотношении терминов или понятий. Смешивая логические и грамматические интересы в деле мышления, он главное внимание обращал на сочетание терминов: для него мысль есть сочетание, сопоставление терминов в известной форме, в известном порядке и более ничего. С другой стороны, уже Аристотель дал ход той мысли, что существуют общие точки зрения, с которых можно рассуждать о каком угодно предмете, и в своей книге представил пример, как

многоразличны могут быть общие места. За разработку этого пункта принялась и схоластика.

Уже у Абеляра топика разрослась в обширную систему общих мест, или общих способов сочетания одного понятия с другим. Благодаря влиянию Пселла этот отдел ещё более расширился в столь влиятельном руководстве Петра Испанца. Мало того, с введением отдела de terminorum proprietatibus явилась мысль, что можно заменять один термин другим, расширять и ограничивать их значение, видоизменять, наконец, мысли механическим присоединением новых терминов, устранением некоторых или новыми сочетаниями данных уже терминов предложения.

Когда таким образом утвердилось в умах понимание дела мышления как какого-то механического процесса, то неудивительно, что в предприимчивой и горячей голове, какою был Раймунд Луллий, явилась мечта: нельзя ли найти универсальные приёмы сочетания терминов, и притом такие, чтобы, руководствуясь ими, каждый мог обсуждать всевозможные вопросы, находить всевозможные их решения, следовательно, иметь в своих руках ключ к построительному процессу мышления.

Так как существуют высшие понятия, управляющие целыми рядами низших, и существуют также общие точки зрения и общие способы отношения к предметам, то нельзя ли отыскать основной в любом мышлении понятия и указать правила, как их комбинировать, дабы иметь ключ к новым открытиям в умственной области. Луллий думал, что всё это — вещь возможная. Прантль думает, что его сочинения имеют мало отношения к Логике (Gesch. der Logik. B. III. 145). Но с этим никак нельзя согласиться. Как будто к Логике имеют отношение только те книги, в которых трактуется о суждениях и силлогизмах. На этом основании и Бэкон, основатель индуктивной Логики, не найдёт места в истории Логики.

Во-первых, сочинения Луллия были попыткой основать науку открытий в мышлении, следовательно, создать как бы новую Логику. Во-вторых, как сам он, так и школа его старались переработать школьную схоластическую Логику применительно к принципам первой: логику школы Луллия невозможно понять без его Ars magna. Соображая далее тот факт, что влияние её простиралось даже на нашу древнюю литературу и что существует много переводов и обработанных по ней (в рукописях — конечно) руководств, мы считаем себя обязанными представить здесь краткий анализ идей Луллия.

Мы воспользуемся при этом изданием 1551 года: Raymundi Lullii Opera, ed. Lâz. Zetznerus, и в основании анализа положим сочинение Ars brevis — compendium et isagoge Artis Magnae, дополняя его, впрочем, в некоторых случаях из Ars magna. Оно вкратце передаёт существенное содержание последней. Каждая наука имеет свои начала, и это различие начал побуждает ум стремиться к самым общим принципам, которые могли бы служить ключом к частным. Учение о общих началах составляет предмет универсальной науки. Оно разделяется на следующие тринадцать частей: об алфавите, о фигурах, об определениях, о правилах, таблиц, de evacuatione, tertia e figurae, умножении четвертой фигуры, смешении принципов и правил, о девяти субъектах, о приложении, о вопросах, de habilitatione, о способе изучения этой науки.

Прежде всего, предлагается алфавит. Смысл его, по мысли Луллия, состоит в том, что в нём перечисляются принципы или самые общие трактуемые в науках понятия, равно как и самые общие способы отношения мышления к предметам.

Tabula ad artis brevis primum caput pertinens.

			A. (Essentia Unitas Perfectio)	B	C	D	E	F	G	H	I	K
Alphabetum, seu principia hujus artis sunt aut	Praedicata	Absoluta		Bonitas	Magnitudo	Aeternitas seu Duratio	Potestas	Sapientia	Voluntas	Virtus	Veritas	Gloria
		T. Relativa		Differentia	Concordantia	Contrarietas	Principium	Medium	Finis	Majoritas	Aequalitas	Minoritas
	Q. Quaestiones			Utrum?	Quid?	De quo?	Quare?	Quantum?	Quale?	Quando?	Ubi?	Quomodo? cum quo?
	S. Subjecta			Deus	Angelus	Coelum	Homo	Imaginatio	Sensitiva	Vegetativa	Elementativa	Instrumentativa
	V. Virtutes			Justitia	Prudentia	Fortitudo	Temperantia	Fides	Spes	Charitas	Patientia	Pietas
	V. Vitia			Avaritia	Gula	Luxuria	Superbia	Acidia	Invidia	Ira	Mendacium	Inconstantia

Сделаем несколько пояснительных замечаний.

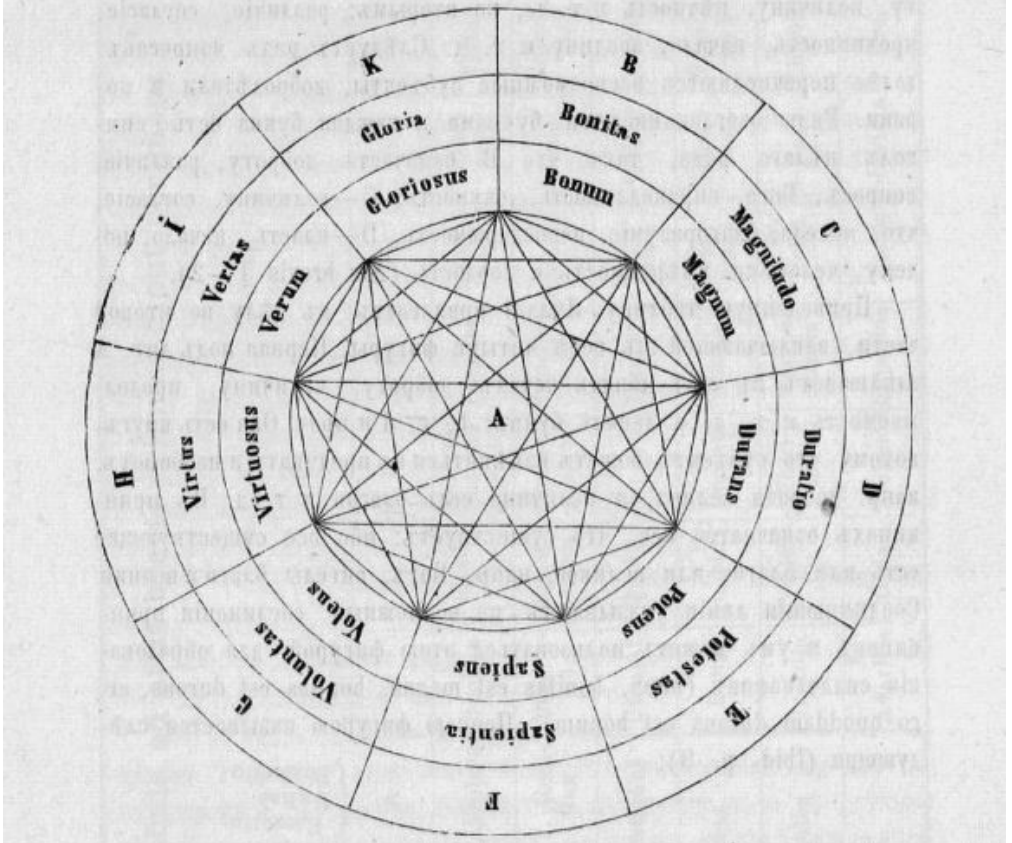
Прежде всего здесь перечисляются предикаты, т. е. самые общие сказуемые, как абсолютные (т. е. понятия, рассматриваемые сами по себе, без всякого отношения друг к другу), так и относительные (т. е. понятия, возникающие из сравнения и сопоставления принципов). К числу первых он относит: доброту, величину, вечность и т. д.; ко вторым — различие, согласие, противность, начало, середину и т. д.

Следует ряд вопросов; далее перечисляются всевозможные субъекты, добродетели и пороки. Ряды озаглавливаются буквами, и каждая буква есть символ целого ряда, так что B означает: доброту, различие, вопрос, Бога, справедливость, скупость; C — величину, согласие, «что», ангела, благоразумие, невоздержность; D — власть, начало, «почему», человека, умеренность и гордость (Ars brevis 1–2).

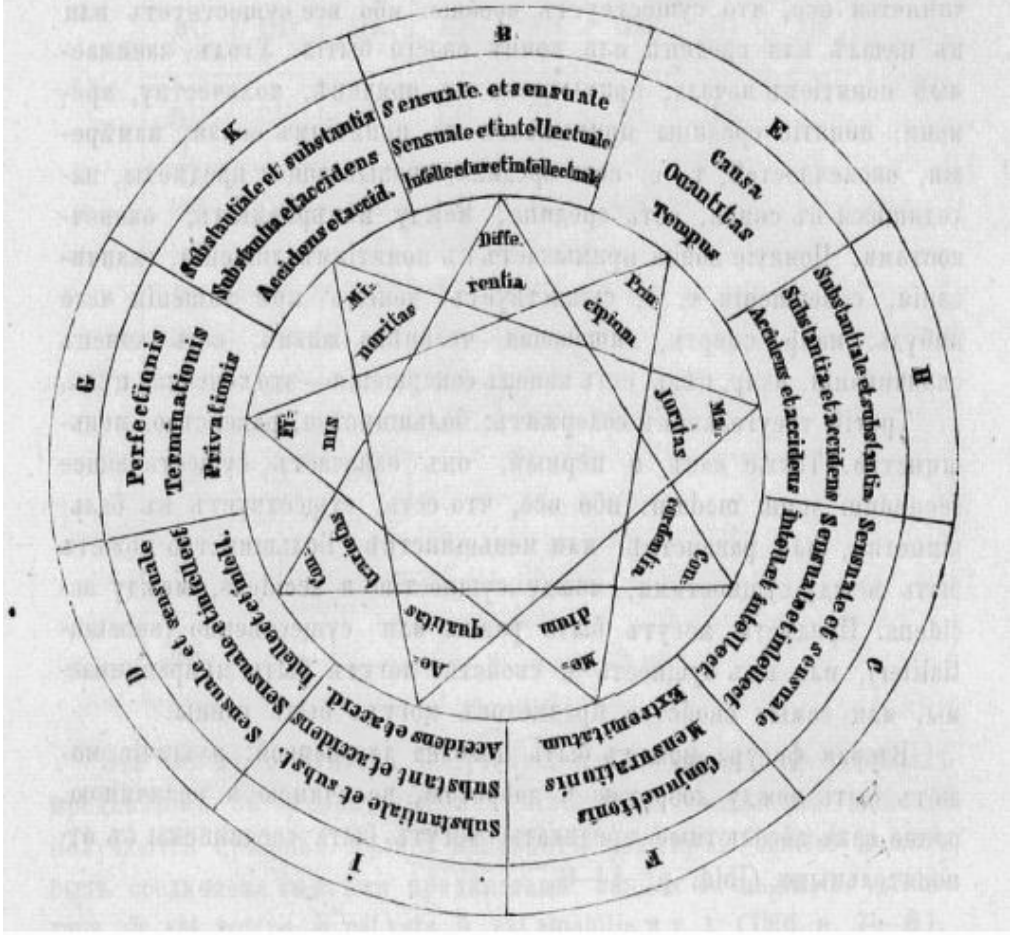
Приведённую таблицу Луллий прилагает к делу во второй части, заключающей в себе четыре фигуры. Первая, под литерой A, заключает в себе девять начал: доброту, величину, продолжительность и т. д., и девять букв: b, c, d и проч. Она есть круг, потому что субъект может изменяться в предикат и наоборот (напр.: доброта велика, и величина есть благая и т. д.).

В принципах означается всё, что существует: ибо всё существующее есть или благое, или великое (напр.: Бог, ангелы благи и велики). Соединяющиеся линии указывают на возможные соединения принципов, и ум может пользоваться этой фигурой для образования силлогизмов (напр.: bonitas est magna, bonitas est durans, ergo quoddam durans est bonum).
Первою фигурою называется следующая (Ibid. p. 3):

Рис. 1.

Вторая фигура называется у Луллія Т.

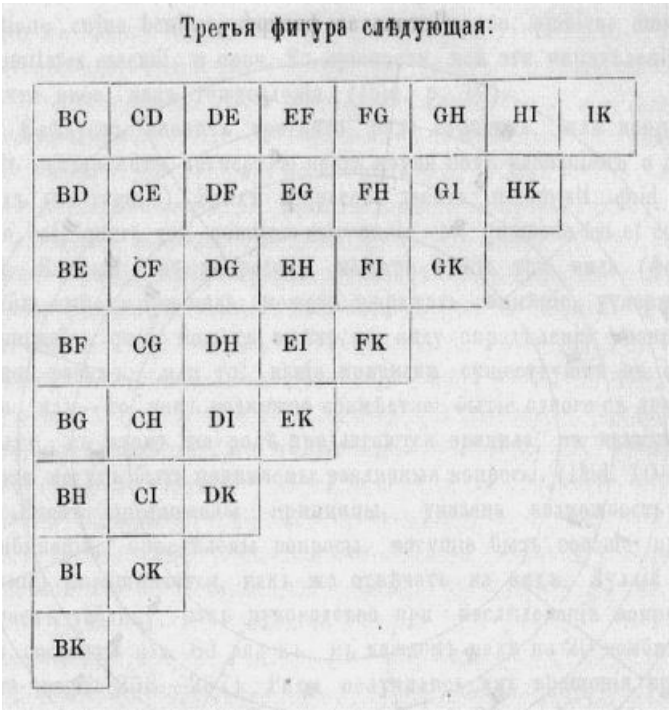

Первый треугольник означает различие, согласие, противность; эти понятия суть относительные предикаты. Каждый угол треугольника примыкает к той точке, где обозначается, чего именно может быть различие или согласие, или противность. Так, различие может быть или между чувственными предметами — между камнем и деревом, или между чувственным и интеллектуальным — между душою и Богом, или между интеллектуальными — между Богом и Ангелом. То же самое повторяется с предикатами согласия и противоположности.

Другой треугольник в углах своих содержит: начало, середину и конец. В объём предикатов первого треугольника входит всё, что существует в той или другой форме (quod est secundum suum modum), объёму предикатов второго треугольника подчиняется всё, что существует вообще: ибо всё существует или в начале, или середине, или конце своего бытия. Угол, занимаемый понятием начала, примыкает к причинам, количеству, времени; понятие середины примыкает к понятиям связи, измерения, оконечностей, т. е. есть середина, связывающая предметы, находящиеся в связи, есть середина между измеряемым и оконечностями. Понятие конца примыкает к понятиям лишения, оканчивания, совершения, т. е. существует конец при лишении чего-нибудь: напр., смерть, лишающая человека жизни, есть конец; оканчивая — напр., цель — есть конец совершения, это конечная цель.

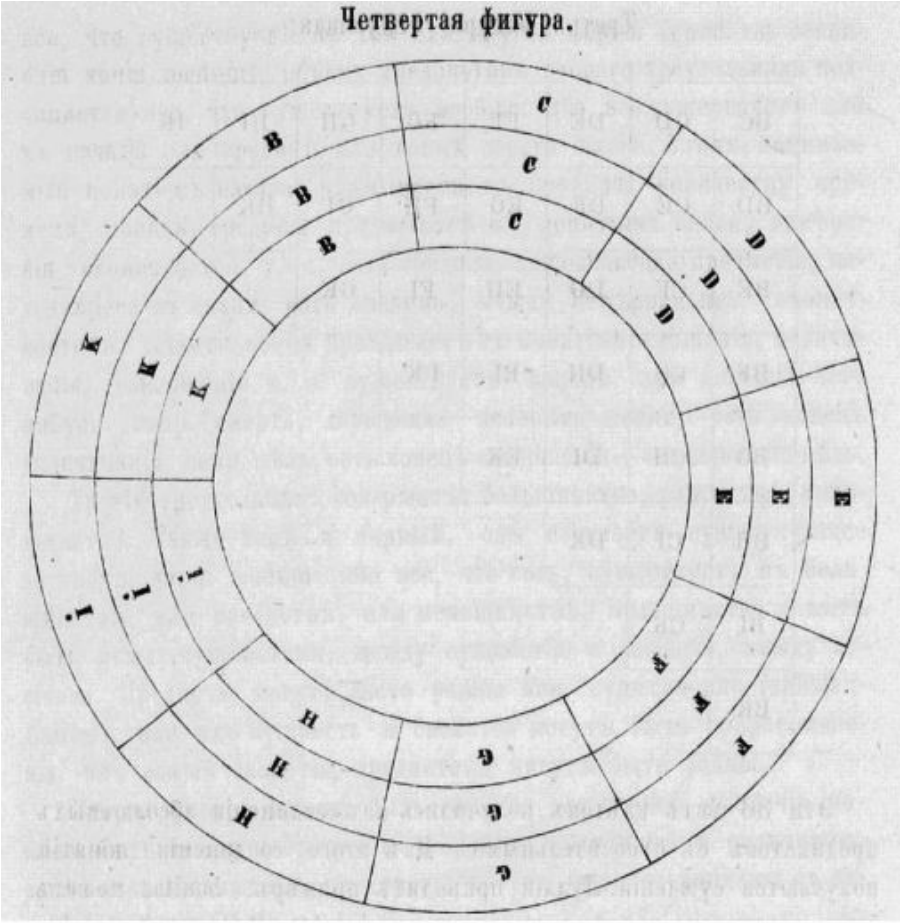
Третий треугольник содержит: большинство, равенство, меньшинство. Так же, как и первый, он означает существующее secundum suum modum: ибо всё, что есть, существует в большинстве, или равенстве, или меньшинстве. Большинство может быть между сущностями, между сущностью и accidens, между accidentia. Предметы могут быть равны или существенно (substantialiter), или их сущность и свойство могут быть приравниваемы, или самые свойства предметов могут быть равны.

Вторая фигура может быть полезна для первой: различие может быть между добротой и добротой, величиною и величиною, равно как абсолютные предикаты могут быть соединяемы с относительными (Ibid. p. 4–6).

Третья фигура слѣдующая:

BC	CD	DE	EF	FG	GH	HI	IK
BD	CE	DF	EG	FH	GI	HK	
BE	CF	DG	EH	FI	GK		
BF	CG	DH	EI	FK			
BG	CH	DI	EK				
BH	CI	DK					
BI	CK						
BK							

Эти 36 клеток получились из соединения абсолютных предикатов с относительными. Из этого соединения понятий получаются суждения. Луллий приводит пример: bonitas может быть соединяема со всеми предикатами: bonitas est magna, b. est durans, b. est potens, b. est vera, b. est amabilis и т. д. (Ibid. p. 7–8).

Она состоит из трёх кругов, из которых верхний неподвижен, два же нижних подвижны. Вращение двух кругов под верхним даёт разные комбинации из трёх понятий, т. е. силлогизмы (так как они состоят из трёх терминов). Очевидно, Луллий понимал дело мышления и в частности силлогизации как приём чисто механического сложения терминов (Ars brevis, p. 9).

Третья часть рассуждает об определениях. В ней даётся определение принципов, т. е. предикатов абсолютных и относительных (всего 18). Например: bonitas est ens, ratione cujus bonum agit bonum et sic bonum est esse et malum non esse. Magnitudo est id, ratione cujus bonitas, duratio etc. sunt magna, ambiens omnes extremitates essendi, и проч. В сущности, все эти определения суть ничто иное, как тождесловия (Ibid. p. 10).

Следует анализ третьего ряда алфавита, или вопросов. Он составляет четвёртую часть науки под названием о правилах (de regulis). Этих вопросов десять: utrum sit, quid est, de quo est, quare est, quantum est, quale est, quomodo est et cum quo est. Каждый из вопросов может иметь три вида (формы): utrum имеет три вида — может выражать сомнение, утверждение, отрицание; quid может иметь в виду определение: напр. «что такое разум», или то, какие признаки существуют в сущности, или то, как возможно совместное бытие одного с другим. Далее, в этом же роде предлагаются правила, в каких смыслах могут быть понимаемы различные вопросы (Ibid. 10–13).

Итак, предложены принципы, указана возможность их комбинаций, определены вопросы, могущие быть вообще предлагаемы. Спрашивается, как же отвечать на них. Луллий предлагает таблицу как руководство при исследовании вопросов: она состоит из 84 рядов, в каждом ряде по 20 комбинаций (Ars magna 253–257). Ряды получились из вращения кругов одного над другим. В каждом ряде 20 комбинаций произошли от того, что буквы трёх кругов могут различным образом сочетаться между собою. Представим пример на двух рядах: BCD

(B принадлежит верхнему кругу, C среднему, D нижнему): BCD, BCT, BDT, BVT, BIC, CDT, EDT, CTB, DTB, DTCD, TBCD и др.

Буква T вставляется здесь только для означения того, что под предшествующими буквами разумеются абсолютные предикаты, а под последующими — относительные (см. алфавит). Так как место её в комбинациях может изменяться, то она имеет с своей стороны влияние на увеличение их числа.

Так как в каждом ряде по 20 комбинаций, то во всех 84 рядах сумма всех возможных комбинаций = 1680. Что получается из этой комбинационной игры, можно видеть из следующих примеров (Ars magna 258). BOTC означает: utrum sit aliqua bonitas in tantum magna, quod continent in se res differentes et sibi coessentiales; BOTO — utrum bonitas sit in tantum magna, quod continent in se res concordantes et sibi coessentiales и т. д.

Далее Луллий переходит к шестой части, озаглавленной у него: de evacuatione tertia e figurae. Evacuatio (выпорожнивание) значит выведение возможных следствий из каждой отдельной комбинации третьей фигуры. Так, BC может давать повод к образованию XII суждений вроде следующих: bonitas est magna, bonitas est differens, bonitas est concordans. Здесь может быть употребляем и приём превращения: напр., получаются из той же комбинации BC суждения: differentia est bona, differentia est magna и т. д. Далее, эти выведенные суждения могут подкрепляться силлогизмами, т. е. к двум терминам каждого из них может быть подыскан средний. Силлогизм получается вроде следующего: omne id quod magnificatur a magnitudine, est magnum; sed bonitas est id quod magnificatur a magnitudine; ergo bonitas est magnum.

Третий вид evacuatio состоит в том, что каждому из вышеуказанных 12-ти суждений сообщается двоякая вопросная форма: напр., положение bonitas est magna явится тогда в следующем виде: utrum bonitas est magna; quid est bonitas magna. Предложение bonitas est differens получает такие формы: utrum bonitas est differens; quid est bonitas differens. Далее, можно прилагать к каждой комбинации 3-й фигуры правила (см. 4 pars) и анализовать первые с точки зрения последних, так что окончательно истощится содержание их, и это будет полная evacuatio (Ars brevis, 15–16).

Седьмая часть называется multiplicatio quartae figurae, т. е. можно умножать умственное содержание комбинаций четвёртой фигуры. В комбинации BCD B поставлено в известное положение относительно C, последнее — к D, D находится в различных отношениях к B и C, равно как и C к B. Таким образом получаются новые условия для сопоставления терминов и для определения их взаимных отношений. Такое сопоставление и определение отношений признаётся Луллием полезным для опровержения различных софистических мнений (Ars brevis, 16–17).

Можно далее смешивать принципы с правилами, т. е. каждый принцип (абсолютные и относительные признаки, указанные в алфавите) может быть анализуем через все виды правил. Те вопросы, о которых трактовалось в четвёртой части под названием regulae, могут быть поставляемы относительно каждого принципа. Об этом Луллий трактует в восьмой части под названием de mixtione principiorum et regularum (Ars brevis, p. 17).

Девятая часть озаглавливается: de novem subjectis; это предметы, вообще существующие, вне которых ничто не существует. Они перечислены в алфавите: Бог, ангел, небо, человек, воображаемое, ощущаемое, растительное, элементное, средство (instrumentum). Каждый из этих субъектов должен рассматриваться при следующих условиях:

- каждый субъект должен иметь своё определение, отличающее его от другого;
- чтобы в суждениях обнаруживалось различие субъектов;

- чтобы подобие (согласие — concordantia) одного субъекта другому не скрывалось в мышлении;
- чтобы превосходство одного субъекта пред другим признавалось (Ars brevis, p. 18).
- Затем следуют у Луллия подробные определения каждого субъекта (Ibid., p. 19–24).
- Десятая часть о приложении (de applicatione) различает прежде всего три рода приложений:
- quando applicatur implicilum ad explicitum (т. е. когда прилагается к ясно обозначенному понятию то, что им предполагается);
- когда прилагается абстрактное к конкретному;
- когда прилагается вопрос к общим местам этой науки.

Чтобы уяснить, в каких случаях абстрактное может быть прилагаемо к конкретному, Луллий даёт определение ста форм, или абстрактных понятий. Определения все в роде следующих: entitas est ens ratione cujus aliquod ens causat aliud ens; essentia est forma ab esse abstracto et in eo sustentata; unitas est forma, cui proprie competit unire и т. д. Для решения третьего пункта Луллий входит в самый анализ вопросов и располагает их по плану своего искусства. Учение о вопросах составляет 11-ю часть его (Ars brevis, p. 24–41).

Последние две части: двенадцатая — о навыке и тринадцатая — о способах изучения искусства содержат указания, на что следует обращать внимание и как преподавать его и т. п. (p. 41–42). Что касается собственно Логики, то Луллий оставался почти верен школьным схоластическим преданиям, установившимся со времён Петра Испанца. Говорим «почти», потому что в его чисто логических трудах мы находим, однако, некоторые попытки ввести нововведения в некоторые логические отделы. От Луллия мы имеем следующие два чисто логических сочинения: Dialectica seu logica nova и Tractatus de venatione medii inter subiectum et praedicatum. Оба сочинения изданы в том же собрании всех его сочинений, в котором напечатаны его Ars brevis и Ars magna (Zetzner).

Логика определяется как искусство познавать истину и ложь через умозаключение и различать их через доказательство. Она должна представить анализ термина, предложения и доказательства. В учении о терминах повторяется содержание соответствующего отдела руководства Петра Испанца. Разделение предложений у Луллия полнее, чем у него. Луллий разделяет их на истинные и ложные, категорические и гипотетические. Первые подразделяются, с одной стороны, на всеобщие, частные, неопределённые и единичные, с другой — на утвердительные и отрицательные. Одно предложение может согласоваться с другим трояким образом:

- они могут быть одинакового качества и количества;
- могут иметь тождественные подлежащие или сказуемые;
- могут быть тождественны в них и те и другие.

Учение о превращении и противоположении предложений приурочивается Луллием к отделу о категорических предложениях, и здесь же он рассматривает содержание их (materia propositionis): оно может быть естественное, случайное, отдалённое (naturalis, contingens, remota). В первом виде предложений сказуемое указывает на сущность (essentia) подлежащего или свойственный ему признак; во втором и третьем — указываются случайные или отдалённые признаки (Dialectica, p. 147–151).
Различаются шесть видов гипотетических предложений:

- соединительный,
- разделительный,
- условный,
- рациональный (когда одно предложение соединено с другим через слово igitur),
- временный (в случае, если два предложения соединены словом «когда»),
- местный (когда предложения соединены наречием места).

Затем излагаются условия, при которых соединительные и разделительные предложения могут быть верными или ложными (Ibid., 151–152).

Из всего обширного отдела de terminorum proprietatibus у Луллия мы находим заметки только de suppositionibus, de ampliationibus, de restrictione. Новое здесь то, что вместо многосложного деления подстановлений на общие и частные и т. д., как это мы видели у Петра Испанца, Луллий разделяет их на три вида: простые, сложные и материальные, и затем новое здесь то, что тогда как у Петра эти заметки не были систематически ни к чему приурочены, у Луллия они нашли своё естественное место в трактате о предложениях (Ibid., p. 152).

Следует обычный тогда анализ praedicabilium и praedicamentorum, причём приводится arbor Porphyrii, и этим заканчивается вторая часть Логики (первая часть — de terminis). Третья часть трактует о доказательстве и различных видах его: силлогизме, индукции, энтимеме и примере. В учении о силлогизме мы не встречаем ничего нового сравнительно с Summulae, но замечательно, что уже у Луллия рядом с силлогизмом поставляется индукция (inductio incompleta), как это делается и в настоящее время в формальной Логике. Заметки об индукции, впрочем, весьма кратки. Энтимема понимается не так, как у Аристотеля, но как сокращённый силлогизм (Ibid., 152–157).

К этой же части отнесено у Луллия содержание так называемой топики. Вместо огромного числа loci, указанных в Summulae, перечисляются только loci a majori, ab aequali, a minori. Но здесь мы встречаем главу de consequentiis. Её не было в трактате Петра Испанца, она была усвоена позже логической школой его и отнесена к отделу de terminorum proprietatibus. Здесь отметим только факт, что учение de consequentiis есть уже в Логике Луллия; анализ же этой главы представим ниже, когда будем говорить об окончательной форме, какую Логика приняла в школе Петра Испанца. Анализом fallaciarum (по Summulae) и conditionum disputationis оканчивается диалектика Луллия (Ibid., 158–161).

Итак, во второй половине XIII века обозначились два направления в анализе «логических» приёмов. Одно, опираясь на Органон Аристотеля и сделавшиеся известными труды Византийцев, сосредоточивало своё внимание преимущественно на логико-грамматической стороне дела. С этого времени эта школа только утончает, изощряет свой логико-грамматический анализ, и только в этой стороне Логики мы видим некоторый прогресс.

Другое направление, в лице Луллия, порывалось к изобретению всеобщего руководства новых сочетаний мысли, но, поняв слишком механически свою задачу, представило только один из примеров того, до каких односторонних увлечений бесплодных, мертвенных может доходить ум человеческий, не освежаемый опытом и наблюдением. Тем не менее так сильно было стремление того времени к новому неисследованному, что и увлечения Луллия нашли себе последователей. Они образовали особую школу, продолжавшуюся до самого конца Средних веков и создавшую для себя свою Логику. Увлечения Пселло-Аристотелевской школы вызвали однако реакцию в лице Петра Рамуса, который старался видоизменить старую схоластическую форму Логики и дать ей новый, более соответствующий новым потребностям вид. Таким образом, к концу Средних веков существовали три «логические» школы: перипатетики (школа Петра Испанца носила это название), Рамисты и Луллисты. Сделаем теперь несколько замечаний о каждой из этих школ в отдельности.

Перипатетическая Логика в конце Средних веков.
Как мы сказали, перипатетики продолжали разрабатывать отдел Логики Петра Испанца, называвшийся de terminorum proprietatibus. К существовавшим главам этого трактата с течением времени, благодаря отчасти трудам Дунса Скота (ум. 1308), преимущественно же

Вильгельма Оккама (ум. 1347), присоединились три новые под названием: obligatoria, insolubilia и consequentiae. Так как учение о них не входило первоначально в Summulae, то они были присоединены к трактатам Петра Испанца с названием, прямо указывавшим на новое их происхождение. В руководствах конца XV и начала XVI столетия они печатаются вместе с Summulae, но под именем tractatus modernorum. Так, в издании 1507 года, которым мы пользовались (о нём мы упоминали выше при анализе Summulae), obligatoria, insolubilia и consequentiae прямо названы tractatus modernorum, тогда как трактаты Петра Испанца названы в комментариях logica antiqua. Не станем останавливаться на истории развития этого отдела Логики: желающие могут найти указания в труде Прантля Geschichte der Logik, Bd. IV, Abt. XX. Мы познакомимся лучше с окончательной формой, какую приняли эти tractatus modernorum в конце XV столетия, и проследим её по вышеупомянутому изданию Summulae 1507 года.

Повод к этим трактатам схоластика искала в Аристотеле, следовательно, она думала только далее раскрывать и дополнять логические исследования Аристотеля. Повод к развитию obligatoria схоластики нашли в заметке, сделанной Аристотелем в первой книге Второй аналитики и IX главе Метафизики, именно: possibili posito in esse nullum sequitur impossibile, т. е. из того, что допущено как реально возможное, не может следовать невозможное. Между мыслями есть своего рода обязательство: тогда как одни прямо следуют из других, другие никак не могут взаимно следовать. Смысл этого трактата и заключается в том, чтобы решить, в каких случаях утверждение или отрицание делается своего рода обязательством.

В tractatus obligatoriorum прежде всего предпосылается определение терминов, затем даются правила и указываются примеры для разъяснения теории. Obligatio определяется как установка защищаемого предложения, дабы из него не следовало ничего невозможного (obligatio est praefixio alicujus enunciabilis possibilis ad sustinendum, ne sequatur impossibile). Так как обязательство кого бы то ни было может возникать только, когда отвечающий допускает известную мысль, из которой может следовать другая, то учение о нём имеет особую важность для ведения спора.

Спрашивается прежде всего, когда возникает обязательство?
Во-первых, когда отвечающий, допуская положение спрашивающим, сам обязывает себя утверждать то, что им допущено.
Во-вторых, когда возражающий употребляет в своей речи выражения, обязывающие его к защите высказываемого положения, таковы — pono, ponatur, peto и их противоположности — depono и т. п.
В-третьих, время обязательства продолжается, пока возражающий сам не станет вызывать отвечающего на утверждение положения, противоположного прежнему.
В-четвёртых, утверждая положение, отвечающий обязывается утверждать то, что из него следует, и отрицать то, что ему противоречит. Далее следуют правила, напр. 1-е: из возможного никак не может следовать невозможное; или 4-е: всё логически вытекающее из раз допущенного в положительном или отрицательном смысле положения должно быть нами допускаемо. Таковых правил насчитывается семь. Затем предлагаются примеры (числом 12), на которых разъясняется значение и приложение правил.

В трактате insolubilia прежде всего определяется, что именно разумеется под этим названием, указывается, откуда возникает solubile и, наконец, предлагаются примеры для пояснения. Предложение называется неразрешимым не в том смысле, чтобы затруднения, им представляемые, были неустранимы, но потому, что трудно решить, правильно оно или ложно, так как сверх прямого значения есть в нём ещё косвенное, иногда уничтожающее первое. Напр. Сократ говорит о себе, что он говорит ложь; это предложение прямо означает то, что изречения Сократа будут ложны, но отсюда возникает косвенное значение: он говорит о себе, что его изречения ложны, значит, и последнее изречение несправедливо.

Косвенное значение здесь как бы отражается от первого (reflectatur). Это отражение может быть прямое и непрямое. Главный признак предложения неразрешимого тот, что оно состоит из терминов, взаимно себя уничтожающих. Затем следуют указания пяти примеров, на которых разъясняется смысл теоретических замечаний.

Последняя глава, ревностно разрабатывавшаяся схоластикою, называется de consequentiis. Понятие следствия имеет обширный и тесный смысл. Под первым разумеется как правильное, так и неправильное следование (bona et mala consequentia), под вторым — только истинное (bona) следование последующего из предшествующего. Далее делаются заметки, что такое предшествующее, последующее, какими грамматическими признаками они обозначаются, доказывается, что совсем не одно и то же допускать следование одного предложения из другого и допускать самое следствие; здесь же определяются разные случаи правильного следования, и последнее разделяется на формальное и материальное. Правил относительно этого пункта было выработано чрезвычайно много (до двадцати). Не входя в перечисление всех, мы приведём некоторые, дабы дать понятие о характере их вообще.

При всяком правильном следовании из положения противоречащего заключено следует положение, уничтожающее посылку, но не наоборот (лошадь бежит, следовательно, бежит животное; ни одно животное не бежит, следовательно, лошадь не бежит).

- Если возможно предыдущее, то возможно и последующее.
- Четвёртое правило: можно заключать от низшего к высшему и т. под.
- Все эти правила подробно разъясняются на примерах.

Вот к чему пришла перипатетическая средневековая Логика. Усвоив себе одни Аристотелевские формы, без его гения и обширных познаний, схоластики погрузились в логико-грамматические тонкости и, вращаясь долго в них, наконец утратили всякое чутьё действительности. Они вырабатывали определения, различали, давали правила, но, изощряя своё формальное развитие, они нисколько не удовлетворяли действительным нуждам познания. Поэтому лишь только раздался голос, призывавший умы к трезвому изучению природы, и открылись человечеству глаза на свои прямые умственные нужды, мир схоластических тонкостей рухнул, и от того, что наростало в продолжение почти восьми веков на канве Аристотелевского Органона, ничего не осталось, кроме остова последнего.
Школа Луллия.

Обратимся теперь к школе Луллия. Несмотря на очевидную странность его увлечений, они нашли, однако же себе последователей и защитников. Мы не имеем никаких исторических фактов, которые указывали бы, что идеи Луллия послужили основанием для новой школы в ближайшее к нему время. До времени Агриппы из Неттесгейма (1486–1535) мы не находим ни одного известного имени, стоявшего на стороне Луллия. Альстед в своём сочинении Clavis Lullianae et verae Logices (1651) до Агриппы указывает (p. 10) только два имени: Lupetus и Lavineta, но о них мы ничего не знаем. Во всяком случае, несомненно, что школа Луллия особенно процветала и приобрела себе известных в учёном мире защитников уже в XVI столетии.

Агриппа писал комментарии in artem brevem Lullii. Основа у него осталась Луллия, но Агриппа в некоторых пунктах сблизил ars со схоластической логикой, в других применил к риторике (напр., pars principalis, имеющая целью дать руководство по принципам Луллия к составлению речей). Джордано Бруно серьёзно обратил внимание на труды Луллия и сам был убеждён, что он действительно нашёл истинное универсальное искусство. Он старался даже развить его далее и с этой целью написал два сочинения:

- De Lulliano specierum scrutinio (судя по предисловию, написанное в Праге 1588 года);
- De lampade combinatoria Lulliana.

Алфавит и фигуры он оставляет те же, какие мы видели у Луллия. Так как идея Бруно — дать руководство к построению мыслей (что он называет архитектурой), то результаты вращения фигур — соединения терминов — у него называются domi, имеющие различное число камер. Он входит в объяснение великой таблицы и различает полезные и бесполезные соединения. Согласно своей любимой идее — отыскать удобные мнемонические знаки — Бруно присоединяет их к своему сочинению для облегчения изучения искусства Луллия. Таково содержание его сочинения De Lulliano specierum scrutinio (Ed. Zetzneri, 664–680).

В De lampade combinatoria он полагает в основу свою теорию познания, дабы из неё выяснить смысл искусства своего учителя. Существуют три действия разума: восприятие простых предметов, соединение и разделение, наконец доказательство; следовательно, и метод искусства должен состоять в указании первоначальных терминов, способов их соединения и способов доказательств на основании их. Алфавит Луллия имеет тот смысл, что он перечисляет нам первоначальные термины. Затем в подробности комментируются фигуры, правила (regulae), умножение терминов, причём для пояснения Бруно придумывает новые фигуры (напр., 726 p. Ed. Zetzneri). Так же комментируются им и большая таблица, служащая к изобретению доказательств (Ed. Zetzneri 681–734).

Мы не останавливаемся на сочинениях Бруно: De progressu logicae venationis (ibid. 734–743) и De lampade venatoria logicorum (ibid. 744–776), ибо они почти никакого отношения к логике не имеют: это скорее какие-то полуфантастические мечтания, не имеющие никакого значения для нашей науки.

Такой же характер комментарий на сочинения Луллия имеет и труд Валерия де Валерииса, венецианского патриция: Opus aureum in quo omnia breviter explicantur, quae scientiarum omnium parens Raymundus Lullus tam in scientiarum arbore quam arte generali tradit, написанное около 1589 (издано Цецнером вместе с opera Lullii и упомянутыми выше сочинениями Агриппы и Джордано Бруно, p. 968–1109). Это самые обширные, написанные в мистическом направлении комментарии к Ars magna. Представляя себе область человеческого знания как огромное древо, Валерий самым подробнейшим образом рассуждает о его корнях, стволе, листьях, цветах и плодах, т. е. — de omni re scibili, так что в его opus вмещена и логика, и метафизика, физика и даже этика.

Чтобы видеть, к каким результатам пришла школа Луллия и какие услуги оказаны ею для прогресса логики, несмотря на все мечтания и странные увлечения, мы остановимся на трудах одного луллиста — Иоанна Генриха Альстеда: Clavis artis Lullianae et verae Logices, писанное 1609 г., и Novum speculum Logices minime vulgaris, изд. наследниками Цецнера в 1652 году. Из них мы видим, что луллисты деятельно работали над обновлением логики и, снисходительные к собственным увлечениям, исключали однако же бесплодный и безжизненный формализм логики перипатетиков. Они старались усвоить всё, что с пользой могло быть присоединено к основам искусства Луллия.

Диалектика определяется как искусство сравнивать известное и передавать науку. Она разделяется на две части: на учение о средствах рассуждения (de instrumentis disserendi) и употреблении этих средств. Средства или орудия науки имеют целью: или изобретение нового, или расположение в порядке того, что ею уже добыто. Логика изобретающая по содержанию своему совершенно сходна с ars Lullii. Последнее даёт все элементы, нужные для образования силлогизмов в каждом данном случае. Таким образом, идеи Луллия нашли наконец себе место в схоластической системе логики (Ibid. 18–52 p.).

Для нас любопытнее, однако, те части Clavis Альстеда, в которых заключается новый план для анализа логических приёмов. Вторая часть нервного отдела Логики занимается средствами расположения найденных познаний в порядке, т. е. или сообщением им ясной формы, или доказыванием их. Располагаются они в ясной форме чрез предложения. Поэтому эта часть начинается учением о предложении. Доказывание с одной стороны производится чрез силлогизм, с другой — чрез метод. Метод определяется как мыслительное орудие, чрез которое одно или многие предложения связываются вместе без помощи силлогизма. Метод может быть или синтетический, или аналитический. Последний (называется также resolutivus) идет от цели к средствам, первый (compositivus) — от средств к цели. После изложения аристотелевского определения начал, служащих основанием при доказывании, Альстед указывает методические законы, именно:

- во всякой науке только то должно быть помещаемо, что имеет отношение к её цели;
- содержание должно быть располагаемо по степени общности его, начиная с самого общего и кончая наиболее частным;
- отдельно объясняемые части должны быть чем-нибудь связываемы (Ibid. 58–63 p.).

Изобретение и расположение в порядке найденного составляет первый отдел Логики. Второй отдел называется de usu instrumentorum, т. е. о практическом приложении средств изобретения и расположения. Приложение может делаться также по способу анализа или синтеза. Автор различает простой и сложный синтез и анализ. Благодаря синтезу мы построяем мысленное целое, защищаем его, размножаем предложения чрез выведение; благодаря тому же синтетическому приёму мы сообщаем науку другим. Аналитический приём определяется как исследование возможной связи терминов с другими с помощью кругов Луллия: ибо, исследуя чрез вращение кругов, с какими терминами данный может соединиться, мы анализируем тем свои понятия (Ibid. 64–95). В Novum speculum только набрасывается план Логики как науки, причём, отступая от типа Логики перипатетической, автор делит её на Логику cathegorica (учение об изобретении общих способов доказательств), axiomatica (учение о предложениях), horistica (об определении), meristica (о делении), syllogistica и methodica.

Но значение школы Луллия не в том, что она открыла миру что-либо новое и неизвестное, а в том, что она представила первую попытку в схоластическом мире дать теоретическое руководство для новых мысленных построений. Мы не говорим, удачна или неудачна она была, но важно, что умы этой школы мыслили на свой манер, как умели, стояли на своих ногах. Для Логики школа Луллия сделала две важные услуги. Во-первых, она отклонила умы от совершенно рабского следования Аристотелю. Мы видели, что перипатетическая Логика оставалась верной Аристотелю в расположении логического материала, в основных своих понятиях и в приёмах разработки логико-грамматических подробностей; школа же Луллия, заимствуя от Аристотеля общий взгляд на дело мышления, искала свой метод разработки, изобрела свою систему, которой и подчинила, как мы видели, содержание «Органона»; она, следовательно, содействовала эмансипации умов от Аристотеля.

С другой стороны, она первая обратила серьёзное внимание на метод раскрытия и изобретения мыслей. Перипатетическая Логика обходила совершенно этот предмет. В самых поздних учебниках Логики XVI столетия мы не находим в этой школе ни одного слова о методе. Этот самый существенный пробел восполнила школа Луллия. По самой постановке своей задачи и по характеру приёмов, помогающих изобретению новых мыслей, школа должна была остановить серьёзное внимание на значении приёма, метода. Цели, которых она методически достигала, были странны, содержание методических работ её было нелепо, но идея приёма, метода осталась как твёрдое достояние науки. Вот почему эта школа имеет полное право на упоминание в истории Логики.

Упомянутые школы — перипатетики и луллисты — продолжали своё существование не только к концу средних веков, но и в так называемую эпоху Возрождения. Вторая половина XV и первая XVI века были эпохою возобновления классических философских систем: Аристотеля, Платона, Эпикура, стоиков и скептиков. Но изучая новооткрытые памятники филологически, эпоха Возрождения только пассивно воспроизводила древние системы. Понятно, что при таком пассивном отношении к философским вопросам Логика мало могла подвергаться изменениям; филологическое изучение творений Аристотеля могло только содействовать утверждению «Органона» в умах и укреплению его влияния. Поэтому, тогда как изменялись взгляды метафизические, религиозные, этические, Логика схоластическая продолжала держаться и в эту эпоху, подобно тому как аристотелевская Логика держалась в последний период классической философии среди школ неоплатоновской, неопифагорейской и т. д.

Впрочем, владычество перипатетической Логики было бесспорно только до половины XVI столетия. Уже к этому времени в недрах самой же перипатетической школы возникла горячая оппозиция Органону в лице Петра Рамуса (1515–1572). Он подверг строгой критике всю аристотелевскую диалектику в своих Animadversiones Aristotelicae и пытался дать Логике новую форму в своих Institutiones Dialecticae. Его сочинения производили впечатление на умы и послужили знаменем для самостоятельной школы, называвшейся рамизмом. Что она была довольно значительной, это видно из того, что Альстед, говоря о логических школах в его время, сопоставляет с аристотелевцами и луллистами рамистов: «Reliquum est, — говорит он (Clavis artis Lullianae, p. 7), — ut de iis sectis et scholis verba faciamus, quae hoc aevi dominantur. Mae sunt numero tres, Ramica, Aristotelica, Lulliana.» Заметим, что сочинение это описано в 1609 году.

Пётр Рамус.
Обратимся же к Рамусовской критике Аристотеля. Нельзя не удивляться пылкости нападений его на «Органон». Почти во всех подробностях последнего он находит повод к весьма жестким упрёкам. Сочинение Animadversiones Aristotelicae разделяется на XX книг:

de primis Dialecticae principiis, de terminis, de praedicabilibus Porphyrii, de praedicamentis, de interpretatione, de abundantia propositionum et inventione medii, de posteriorum analyticon primo (т. е. первой книги 2-й Аналитики), de secundo posteriorum analyticon, de primo Topico, de secundo Topico, de tertio Topico, de quarto Topico, de quinto Topico, de sexto Topico, de septimo Topico, de octavo Topico, de primo Analyticon, de secundo Analyticon, de methodo, de exercitatione.

Из этого перечня видно, что Рамус в расположении своего сочинения следует плану обычной того времени нерепатетической Логики, и его критика есть столько же критика всей современной Логики, сколько и самого «Органона».

Какого же рода эта критика? Рамус стоит ещё совершенно на схоластической точке зрения; иногда, как бы по временам только, у него срываются с языка мысли в духе нового времени, приложить которые к делу, однако, он не умеет. Говоря о принципах диалектики, он обличает Аристотеля в том, что он нигде в своих сочинениях не даёт определения её. Lege omnes libros, — восклицает он, — nullam Logicae generalem et universam definitionem reperies (Animadv., Lib. I, p. 7); он указывает, что указываемые Аристотелем части диалектики, т. е. termini, praedicabilia, praedicamenta, interpretationes, analytica, topica, elenchi, — не соответствуют естественным частям логической деятельности ума, т. е. что аристотелевское деление искусственно, не основано на изучении естественного хода нашего мышления (ibid., p. 34).

Критикуя учение о терминах, Рамус сводит свои замечания к трём пунктам:

- перипатетики вносят в него много ненужного (ibid., 52),
- опускают между тем необходимое,
- излагая свои взгляды на термины, они не приводят примеров ни из Цицерона, ни из Вергилия.

Praedicabilia Порфирия дают Рамусу повод заметить, что среди них упоминаются ненужные (p. 62); он смеётся над определениями рода, вида, proprium и т. д. (p. 64–65). Вопрос о происхождении универсалий, т. е. родов и видов, так много волновавший схоластов, признаётся им за совершенно праздный и ненужный (p. 62). Источники заблуждений Порфирия, как и Аристотеля, он находит в том, что они рассуждали более о словах, чем о деле: Nihil hic de vocabulis disputemus; de re vocabulis subjectis potius quaeramus; et quemadmodum judicēs plerumque, si c nos in rem praesentem veniamus (p. 66).

Принцип весьма похвальный, но сам Рамус не умел применить его к делу, как это мы увидим. Вводя многие ненужные подробности, перипатетики опускают многие важные praedicabilia: напр., causa, effectus, subjecta, adjuncta и т. д. (p. 78–81). В каждой книге своего сочинения наш критик однообразно следует одному и тому же плану обличения Аристотеля и перипатетиков. Говоря о категориях, предложениях, силлогизмах, доказательствах, он упрекает:

- что в учении о них внесено много ненужного,
- что весьма важные подробности пропущены без внимания,
- что нигде не даются примеры из Вергилия, Цицерона, Гомера и др.

Как кажется, последнему недостатку Рамус придавал особенное значение: много горячих страниц посвящает он обличению такого важного порока перипатетической Логики. В конце концов, нельзя не заметить, что критика его слаба вообще: он укоряет Аристотеля за то, чего он не даёт в своём «Органоне» (напр., определений, делений), тогда как следовало бы вникнуть в то, что он сделал для Логики, — во многих случаях бездоказательно; часто он обличает перипатетиков, почему они не так смотрят на вещи, как он сам.

Видно, что он чувствовал неудовлетворительность аристотелевской Логики, но не умел, не мог попасть в самую сущность дела. Единственное деятельное, как нам кажется, замечание, одиланное им, то, что аристотелевская школа не обращала внимания на изучение хода мышления, увлекалась анализом слов, иногда без всякой цели, и забыла из-за него свою существенную задачу.

Посмотрим же теперь, что даёт нам сам критик в своём сочинении Institutiones Dialecticae.

Диалектика Рамуса возникла на почве риторики. Он сам указывает на ту особенность своей Логики, что она у него соединена с риторикой, как никогда с последнею соединялась грамматика. Мысль подкреплять всюду определения примерами из поэтов — Вергилия и Гомера, или ораторов, напр., Цицерона, возникла в подражание ходячим в то время руководствам к риторике. Но её влияние всего очевидней на самом плане и расположении частей диалектики.

Диалектика определяется как наука рассуждения (doctrina disserendi). Мы рассуждаем обыкновенно о каком-нибудь вопросе; когда же поставлен вопрос, то прежде всего необходимо найти нужным для решения его доказательства, затем правильно расположить их в порядке. Поэтому Диалектика разделяется на две части: 1) об изобретении, 2) о расположении.

Доказательства могут быть находимы или в самом предложенном вопросе, или должны присыскиваться со стороны; в первом случае они могут либо предполагаться

непосредственно самим вопросом, либо просто выводиться из последнего. Предполагаемый вопросом может касаться самого предмета или имени его и в первом случае может быть простым или сравнительным. Из простых одни могут быть сродными, другие несродными. Сродные элементы доказательства, предполагающиеся самыми вопросами, могут касаться: причины, действия, подлежащего, соединения (adjunctum) (Instit., Dial., Lib. I, p. 17). Анализ причины и т. д. должен возместить собой то, что в перипатетической Логике называлось учением о терминах. Рамус начинает с причины и, следуя Аристотелю, различает четыре вида её: конечная цель, форма, действующая причина, материя. Особенно он останавливается на действующей причине и совершенно в схоластическом духе различает: абсолютную и вспомогательную, творческую и сохраняющую, свободную и необходимую (последнюю подразделяет на природную, необходимую, случайную). Затем делаются краткие заметки о действии, подлежащем и соединённом (17–66).

Неородные элементы разделяются:

- на противоположные (в обыкновенном логическом смысле — contraria), которые в свою очередь подразделяются на противоположные (adversa), означающие лишение качества (privantia), относительные, противоречащие;
- на разнородные (напр., человек — дерево).

Это всё касалось простых элементов доказательств, предполагаемых непосредственно вопросом (66–97). Сравнительные означают либо равенство, либо неравенство (большее, меньшее), но по количеству, по качеству (подобные, похожие). Рамус переходит к перечислению принципов «доказательств», предполагаемых «непосредственно вопросом» и притом относящихся к имени. Сюда относятся: обозначение, связывание (conjugate) (98–144). Другие принципы, как мы сказали выше, вытекают из вопроса посредственно. Здесь он говорит о делении и определении. Деление может производиться с точки зрения причины, действия, подлежащего, соединенного. Определение может быть или определением в собственном смысле, или описанием (144–172).

До сих пор автор рассматривал принципы доказательств, поскольку они предполагаются частями самого вопроса. Теперь он хочет анализировать доказательства, которые могут быть взяты из вопроса как цельного предложения. С этой стороны предложение может быть принимаемо за доказательство, когда оно имеет смысл свидетельства божественного или человеческого (173–184). Таков у Рамуса анализ «терминов», который называется у него громким именем «учение об изобретении доказательств». Большая часть материала взята, как видно, из Аристотеля, и самому автору принадлежит в высшей степени искусственное и многосложное деление терминов. То, что в перипатетической Логике относилось к разным отделам: к учению о терминах в собственном смысле (praedicabilia, praedicamenta), о предложении, даже к тонике — всё это Рамус вместил в свою первую книгу Диалектики.

Вторая часть Диалектики трактует о правильном расположении того, что изобретено. Располагать можно с помощью либо силлогизма, либо метода. Силлогизм определяется как естественное и твердое сопоставление доказательства с вопросом (argumenti cum quaestione naturali et firma collocatio). Силлогизм разчленяется на propositio — предложение (большая посылка у Аристотеля), assumptio — вторая посылка, связывание (complexio — заключение). Он может быть простой или сложный. Простые силлогизмы располагаются по тем же четырем «фигурам», что и в Summulae, только Рамус, вместо указания места, занимаемого термином, обозначает тот же факт своей особой терминологией. Различие от Аристотеля оказывается только на словах, а не на деле (Inst. Dial., Lib. II, 185–236).

Сложные силлогизмы бывают соединительные или разделительные. Учение о них тоже по содержанию, как и современное о соединительном и разделительном. Затем он разъясняет

значение энтимемы, индукции, примера, дилеммы, сорита, не признавая, однако, в них каких-либо самостоятельных видов силлогизма (237–270).

Второй приём расположения доказательства — это метод. Рамус различает методы науки и благоразумия (prudentiae). Первый метод состоит в том, что при всяком разъяснении вопроса прежде всего необходимо общее его формулирование, далее следует определение, затем — специальное разъяснение каждой части вопроса и наконец определение каждой части в отдельности и объяснение их на примерах. Метод благоразумия по сути не имеет в себе ничего логического: он означает только приспособление доказательства к месту и времени (278–286).

К двум частям Диалектики, которыми она и должна была, невидимому, оканчиваться, Рамус присоединяет ещё третью часть — de exercitatione — об упражнении. Чтобы быть диалектиком, для этого нужны три условия: природа, искусство, упражнение. Учение об изобретении и расположении касается столько же природной деятельности ума, сколько и искусственного его руководительства. Теперь Рамус хочет изложить свой взгляд на упражнение. Упражнение может состоять в исследовании уже состоявшегося, готового рассуждения или в составлении нового. Первое называется анализом, второе — генезисом. При разъяснении чего-либо анализ точно определяет вопрос, исследует приводимые доказательства, определяет, с каких точек зрения разрешается вопрос (298–306).

Благодаря анализу мы открываем ошибки в данных доказательствах, именно: нет ли в доказательствах чего-либо, не идущего к делу, тёмного, двусмысленного, ложного. По поводу последнего пункта автор перечисляет софизмы, указанные Аристотелем в сочинении о софистических доказательствах (307–352). В главе «о генезисе» или построении сочинений предлагаются разные советы, в основу которых полагается совет подражать лучшим авторам (356–362).

Таковы взгляды Рамуса на Диалектику, послужившие основой для целой школы, горячо боровшейся с перипатетиками. Вышеупомянутый Альстед, говоря о Рамистах, прямо сопоставляет их с перипатетиками и луллистами, указывает несколько имён, правда, не особенно знаменитых, каковы: Talaeus, Piscator Rhodingius, Makelmenaeus, Timpellus, Dounamus, Sluterus и т. д., и прибавляет: atque hae duae sectae, Peripatetica dico et Ramea, in praesentia sunt florentissimae (Clavis art. Lull., Lib. I, p. 9).

Ознакомившись со взглядами Рамуса, нельзя не спросить, какие же были серьёзные поводы для отделения Рамуса от Аристотеля и какой raison d'être целой отдельной школы? Всё, что могло называться более или менее серьёзным нововведением в Логику Рамистов, сводится к трём пунктам:

- Они пытались расположить данный Аристотелем материал науки по новому плану;
- Подражая риторическим руководствам, опустили некоторые отделы перипатетической Логики, напр., de terminorum proprietatibus, praedicabilia, praedicamenta, тонику;
- Наконец, они ввели обычай объяснять логическую теорию примерами из классических писателей.

Но очевидно, что все эти нововведения простирались собственно на внешнюю сторону дела, а не на внутреннюю. Что было особенно важно в новом плане, когда содержание почти всё было заимствовано из презираемого Аристотеля? Они опускали некоторые подробности — это была случайность в их науке. Если бы Рамисты внесли в свою Логику опущенное, оно отнюдь не дисгармонировало бы с остальным содержанием. Присоединение примеров к теории может быть важно в педагогическом отношении, но не возвышает достоинства самой теории.

Итак, в этой новой Логике мы не видим никакой новой плодотворной идеи, никакого расширения прежнего схоластического умственного кругозора. Рамус есть кость и плоть от схоластической кости и плоти. Факт основания им особой, процветавшей притом, школы указывает только на совершившееся в половине XVI века ослабление авторитета Аристотеля и на глубокое стремление умов во что бы то ни стало высвободиться из-под его влияния.

Итак, схоластическая Логика развивалась на основах Аристотелевого Органона. Западная Европа усвоила его в том виде, в каком он был переведён и комментирован римскими учёными — в особенности Марцианом Капеллой и Боэцием. Первые века схоластики тем и занимались, что изучали и комментировали эти переводы и, обладая ничтожными источниками преданий, сосредоточили своё внимание на каких-нибудь семи классических сочинениях, касавшихся Логики. IX и X века были эпохой чисто пассивного повторения взглядов Боэция.

Но с XI века, с появлением Росцеллина, таившиеся до того мирно уживавшиеся разногласия относительно происхождения родов и видов становятся резким противоречием и дают повод к образованию двух противоположных школ — номинализма и реализма. Росцеллин, как представитель номинализма, вступает в неравную борьбу с реалистами — Ансельмом Кентерберийским и падает под тяжестью церковного осуждения, увлекая за собой и саму школу.

Вопросы, как и люди, имеют своё время. XI и XII века занимались преимущественно вопросом об universalia: в нём преимущественно сосредоточивались философские интересы, различными решениями которого определялось разнообразие школ. Тогда как кредит номинализма, стремившегося критиковать важнейший христианский догмат, был совершенно подорван в тогдашних умах и, что особенно важно, в глазах Церкви, реализм без препятствий развивался и нашёл себе опору в Вильгельме из Шампо и основанной им школе Св. Виктора.

Но, как часто случается с насильственно подавляемыми мнениями, номинализм, уничтоженный в одной форме, воскрес в другой. Его дух очевиден в мнениях Абеляра, переразделявшего крайности реализма. Так как внимание мыслителей было сосредоточено на этом вопросе, мнения их разнообразятся, дробятся, и мы видели из свидетельства Иоанна Салисберийского, до какой дробности дошли школы по вопросу об universalia. Главнейший интерес истории Логики за это время исчерпывается борьбой номиналистов и реалистов. Но, с другой стороны, скудные логические знания эпохи собираются в систему и в диалектику. У Абеляра мы могли видеть образец Логики как системы того времени.

С увеличением размера преданий через новые переводы Аристотеля, благодаря трудам византийских ученых и комментариям арабских философов, горизонт зрение схоластики расширяется. Но она вся отдается пассивному изучению, комментированию нового приобретённого ею материала. Несмотря на свой громадный ум, Фома Аквинат для Логики, как и для философии, есть просто комментатор Аристотеля. В половине XIII века делается известным на Западе через перевод Петра Испанца Синопсис Пселла. В истории Логики это явление было событием, определившим её судьбу почти на всё время до исхода средних веков и даже в начале новых.

На основе Органона растут и размножаются логико-грамматические тонкости, разрастаются определения, различения, деления, правила, иногда не имеющие никакого смысла и никакой приложимости к делу. С особенной любовью разрабатывается отдел тогдашней Логики de terminorum proprietatibus, и перипатетическая школа преимущественно развивает подробности этого отдела.

Но почти одновременно с обновлением средневековой Логики через перевод Петра Испанца возникает попытка дать руководство к открытиям, к решению всевозможных вопросов. Раймунд Луллий, воспитавшийся во взглядах схоластики на дело логического мышления как чисто механический труд, думает обновить мышление своей эпохи своим Ars. Его руководство, сначала принятое холодно, постепенно приобретает себе защитников и приверженцев и получает особенный ход в конце XV и XVI столетия, так что даёт повод к образованию особой, отделённой от перипатетиков школы Луллистов.

Новое время чувствует потребность снять с себя оковы схоластики и в критике Аристотеля ищет оправдания для своего отделения от неё. Пётр Рамус в страстной полемике против этого философа и перипатетической Логики вообще находит слабым и негодным всё, что сказал Аристотель. Но, не зная новой цели, новых приёмов, нового горизонта зрения, он всё ещё остаётся представителем поражаемой им схоластики. Хотя в оппозицию перипатетикам основывается им новая школа Рамистов, и в ней витает дух той же схоластики и она в сущности повторяет только ненавидимого ею Аристотеля.

III. ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА

Логика, известная в настоящее время под именем «формальной», произошла из схоластической Диалектики. Чем последняя была для средних веков, тем первая была для последующих трёх веков, т.е. XVII, XVIII и XIX столетий. Формальная Логика имела и имеет распространение преимущественно на континенте Европы. Англия в лице Бэкона, Веруламского, ещё с XVI века вышла на новый умственный путь и создала свою индуктивную Логику. Но континентальные умы, за исключением, может быть, двух последующих десятилетий, учили только Логику формальную и в большинстве оставались чужды духу и стремлениям Логики индуктивной.

Формальная Логика есть переработанная Диалектика средних веков. Переработка касалась двух пунктов. С XVI века Диалектика постепенно сокращается в своих подробностях: выпускаются многие ненужные тонкости, между прочим — «бесплодный логико-грамматический анализ». Так из Логики почти исчезает отдел de terminorum proprietatibus, опускаются разные различения в praedicamenta, praedicabilia. Топика сначала значительно сокращается, а затем совершенно исключается. С другой стороны, формальная Логика отрывается от обычной системы Диалектики. Схоластика не имела в сущности своей логической системы. Мы видели, что её Логика следовала порядку сочинений Аристотеля, т.е. Органона, и к нему присоединяла, чисто внешним образом, новоизобретённые подробности. Оттого можно сказать, что Диалектика не имела строгой внутренней системы.

С XVII века Логика, отчасти следуя высказанному, но не осуществленному принципу Петра Рамуса — обращать внимание не на слова, а на самое дело, в них выражающееся, начинает рассматривать уже самые приёмы мышления и таким образом вкладывает новый смысл даже в те отделы Логики, которые достались ей в наследие от схоластической Диалектики. Является речь о понятиях (терминах в схоластике), суждениях (предложениях прежде). Отдел о методе, уже введённый в Логику школами Луллия и Рамуса, развивается с особенным тщанием. К сожалению, однако, эта новая Логика не освобождается от формального мёртвенного отношения к своему делу и во многих представителях своих также уклоняется в бесплодные умозрения, преследуя иногда более требование системы, чем практическую пользу и применимость своих правил.

Судьбы формальной Логики могут быть изображены в следующих немногих словах. В первый раз серьёзной переработке схоластическая Диалектика подверглась в школах Декарта. Logique ou l'art de penser этой школы сделалась основой континентальной Логики

новых веков. Дальнейшую разработку она получила в школах Лейбнице — Вольфовской, преимущественно в трудах самого Вольфа. Затем Логика Вольфа была несколько видоизменена Кантом и его школой. В то время как по цели Канта философские системы трансцендентального идеализма относились с совершенным пренебрежением к обыкновенной формальной Логике, последняя была принята под покровительство Гербарта и его школы и в настоящее время представляется преимущественно ею.

Декарт и его школа

Декарт (1596–1650), положивший начало новой философии, относился к Логике своего времени весьма недружелюбно. Его беспощадный скепсис, с которым он относился ко всей науке своего времени, не мог не коснуться и Логики. С практической стороны он замечает относительно её (De usu librorum et Voetii doctrina Renati Des Cartes opera philos. Francof. 1692, p. 328), что благодаря ей молодые люди скоро научаются болтать о встречающихся вопросах с общих точек зрения, но именно этой легкостью портят свой здравый рассудок (rationem sum naturalem corrumpiunt). В диссертации De methodo (Renati Des Cartes Specimina philosophiae seu diss., de ratioc. Franc. 1696, p. 9) он неодобрительно выражается о Логике как перипатетиков, так и Луллия: «Что касается Логики, то я заметил, что формы силлогизмов и почти все другие её правила не столько полезны к исследованию неизвестного, сколько к передаче другим имеющегося уже знания, или, как напр., искусство Луллия, полезны к тому, чтобы гиперболически и без смысла болтать о том, чего не знаем».

Поэтому он искал метод, который был бы прост, но вел к цели, т.е. служил бы действительно руководящим началом при исследовании вопросов. «Вместо бесконечного множества правил, которыми наполнена Логика, — говорит он (Ibid., p. 10), — я полагал, что для меня достаточно будут следующих четырёх:

Первое: ничего никогда не принимать за истинное, что не познано мною как несомненно и очевидно истинное, т.е. тщательно избегать всякой торопливости в суждениях и преждевременности выводов, допускать в заключении только то, что представляется уму ясно, раздельно и без всяких сомнений. Трудные вопросы должны быть при исследовании делимы на столько частей, сколько нужно для удобнейшего их разрешения. Все представления, потребные к исследованию истины, развивать в известном порядке: начиная от самых простых и удобных для познания вещей, восходить понемногу и постепенно к познанию трудных и наиболее сложных. Наконец, во всех случаях останавливаться на всех подробностях и на всё обращать внимание, дабы быть уверенным, что ничего не опущено без внимания.

Эти правила просты, ясны и достаточны в методическом отношении для чисто дедуктивного мышления, образцы которого дал Декарт в своей философии. Но понятно, что они не могли упразднить потребности исследовать способы и приёмы мышления, правила, которыми оно должно руководиться. Поглощённый мыслью отыскать основание всякой науки и всякого познания, перестроить всю храмину современного ему знания, Декарт мог презрительно относиться к схоластической философии, развившейся на Аристотеле, и ещё презрительнее судить о схоластической Логике, приспособленной более к риторике, чем к потребностям солидного философского мышления.

Но лишь только прошёл оппозиционный пыл, столь обычный для реформаторской среды, школа Декарта обратилась к исследованию приёмов логического мышления и создала Логику, от которой ведёт своё начало наша современная формальная Логика. Мы разумеем здесь известное сочинение La Logique ou l'art de penser, contenant outre les Règles communes, plusieurs observations nouvelles, propres à former le jugement, первое издание которого явилось в 1644 году и которое с тех пор множество раз издавалось в Париже. Мы

пользовались 3-м изданием 1668 года. Автор этой книги неизвестен: одни полагают, что она написана Ант. Арнольдом, другие — Николем; во всяком случае она явилась из среды последователей Декарта — порт-рояльских янсееистов.

Ознакомимся прежде всего с её содержанием.

В этом сочинении Аристотелевская Логика переработана под влиянием идей философии Декарта. Автор мотивирует появление своего труда тем, что несправедливо отвергать хорошие стороны Логики из-за того, что она может быть злоупотребляема, что невероятно, чтобы столько великих умов, с таким тщанием вырабатывавших правила силлогизации, не создали ничего солидного, и наконец, что установившийся обычай уже требует знания, хотя бы крайней меры общего знания Логики (Premier discours, p. 14).

Поэтому автор старался собрать в книгу всё, что есть действительно полезного в обыкновенной Логике, напр., правила фигур, разделение терминов, идей, некоторые наблюдения над предложениями. Некоторые вещи, хотя и бесполезные, как категории, общие места, названия modus силлогизмов, помещены здесь потому, что кратки и легки для усвоения, но опущено всё, что схоластической Логикой относилось к отделу de terminorum proprietatibus, равно как вопрос о universalia (17—19).

Логика понимается уже не как ars bene disserendi, но как искусство правильно применять разум к познанию вещей — столько же для собственного научения, сколько и для научения других. Это искусство предполагает наблюдение над основами деятельности ума — понятием, суждением, умозаключением и приведением содержания в порядок (ibid., p. 39). Следовательно, по этому определению Логика есть как бы анализ основных приёмов ума. Очевидно, она получает здесь новый смысл и ей поставляются новые, более разумные, чем во времена схоластики, задачи.

Под понятием автор разумеет простое представление вещи или её идеи. Суждение определяется как действие ума, который, связывая в месте различные идеи, утверждает или отрицает, что один предмет имеет известное качество. Это определение суждения становится с этого времени обычным в формальной Логике. Умозаключение есть действие ума, через которое он образует новое суждение из многих других. Приведение в порядок есть расположение умом понятий, суждений и умозаключений по способу, наиболее пригодному для сообщения знания о предмете. Сообразно с этими приёмами ума Логика разделяется на четыре части (ibid., p. 39–40).

В первой части говорится о понятиях. Идеи можно рассматривать со стороны их природы и происхождения, содержания, простоты или сложности, протяжения (объёма), темноты и ясности. Мы имеем идею, когда можем сказать о себе, что понимаем действительно известную вещь, каково бы понятие наше ни было (p. 45). Эта идея есть представление вещи, действительно существующей. Автор полемизирует против мнения: nihil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu, указывает в духе Декарта на первоначальные положения, очевидные сами по себе, как, напр., cogito, ergo sum, первоначальные идеи мысли, бытия и т. д. (p. 50), и высказывает при этом мысль Гейлинкса, что ни одна наша идея не возникает из чувств, но движения мозга служат поводом для души образовывать идеи, которые без того она бы создала бы (p. 53).

Идеи, рассматриваемые со стороны предметов их, говорят нам либо о сущности, либо о видоизменении её (mode). Сущность и её видоизменение различаются так, что без modi можно ясно и раздельно понять сущность, но не наоборот! (p. 56). Учение о категориях Аристотеля в том виде, в каком оно было поставлено в обыкновенных логиках, автор считает не только мало полезным, но и вредным по двум причинам: во-первых, на них

смотрят как на нечто святое, установленное, тогда как по сути они установлены весьма произвольно; во-вторых, изучая их, люди привыкают слова принимать за дело и воображают, что они знают всё на свете (p. 60—61).

Идеи могут быть простыми или сложными. Можно познавать предмет через их части или стороны, и такое познание называется отвлечением (abstraction). Отвлечение бывает различных родов: 1) можно отвлекать от целого части, напр., тело человеческое как целое познаётся предварительно в своих частях; 2) можно рассматривать modi, т. е. видоизменения отдельно от их сущности; 3) каждый признак отдельно от другого. Путём отвлечения разум идёт к самым общим понятиям (p. 63—66).

Идеи могут быть общими, частными, единичными. Здесь уже говорится о содержании и объёме понятия (la comprehension et etendue) в том же смысле, как и теперь в логиках. Отвлечению противоположен процесс ограничения (p. 67—70). Автор излагает затем учение о praedicabilia, т. е. пяти universalia — род, вид, различия, свойственные признаки и случайное — не столько для убеждения в их пользе, сколько из деликатессы к общепринятым мнениям, о которой он говорит в своём предисловии. Сложные термины могут быть разъяснены через выяснение и ограничение (explication, determination) (p. 70—86).

Можно различать идеи по их сравнительной ясности. Понятие бывает ясно в силу своей раздельности, темно вследствие неопределённости содержания. Так как ясность идей имела такое важное значение в школах Декарта, то Логика приводит многочисленные примеры, на которых это понятие разъясняется, и разъясняет причины темноты идей (p. 87—97), особенно нравственных (p. 97—107); она обращает внимание на язык как причину её и главное средство для избежания её — определение, причём различаются номинальные и реальные определения и разные виды номинальных (p. 112—134).

Поняв вещи через идеи, мы сравниваем их вместе и, находя, что одни согласны между собой, другие нет, мы либо связываем их, либо разъединяем, т. е. утверждаем или отрицаем. Это значит — судить. Суждения или предложения могут быть утвердительными, отрицательными, общими, частными и единичными; по содержанию — истинными и ложными, и наконец вероятными (p. 135—139). Разные предложения бывают в различной степени противоположны друг другу, простые и сложные (p. 139—146); к числу сложных относятся и предложения вводные. Некоторый схоластический дух, однако, ещё встречается в заметках относительно возможной ложности сложных и вводных предложений (p. 147—158).

Сложные предложения бывают возможные, случайные, невозможные, необходимые; это есть обыкновенное различение предложений по их модальности. Сложные предложения — те, в которых двойное подлежащее и двойное сказуемое. Эта двойственность может быть прямо выражена или скрыта. Рассматриваемые с первой точки зрения, предложения называются соединительными и разделительными, условными и причинными, относительными, ограничительными (p. 158—170).

Предложения, сложный характер которых не ясно выражен, называются exponibilia, т. е. требующими выяснения (название заимствовано, очевидно, из схоластической Логики) и бывают исключительные, выделительные (exceptives), сравнительные и начинательные (p. 170—180). Автор замечает, как в трудных случаях находит в предложении подлежащее или сказуемое, различать всеобщее или частное суждение (p. 180—195), говорит об определении и делении, которые выражаются также предложениями, особенно же об определении реальном (p. 195—204).

Заключительные главы второй части содержат учение о превращении предложений. Так как это действие основывается на сущности утверждения и отрицания, высказываемого в предложениях, то в Логике предполагаются аксиомы, разъясняющие смысл того и другого: 1) утвердительное предложение полагает сказуемое в подлежащем во всём том объёме, какой оно имеет в предложении, т. е. если подлежащее частное, то и сказуемое тоже частное; 2) сказуемое в утвердительном предложении утверждается во всём своём значении; 3) сказуемое утвердительного предложения не полагается во всём объёме, когда оно по значению шире подлежащего; 4) объём сказуемого ограничивается подлежащим, т. е. из него утверждается только та часть, которая может быть приложена к последнему.

Следуют затем известные правила превращения утвердительных предложений. В том же роде предлагается учение о превращении отрицательных предложений (p. 204—214). Третья часть говорит об умозаключениях. После общих заметок о них автор делит их на простые и сложные (p. 215—222). Далее излагаются шесть правил всякой силлогизации, которые в том или другом виде излагаются и теперь в формальных логиках, учение о modi и фигурах силлогизмов (p. 224—233). В учении о первых трёх фигурах ничего нового нет, но прежде называвшиеся косвенные modi первой фигуры или Феофрастовские выделяются здесь в особую четвёртую фигуру, что с этого времени делается обычным в логиках. Названия modi этой фигуры не те, какие у Петра Испанца, а приближаются к современным (Barbari, Caleiites, Dibatis, Fespamo, Fresisom, p. 233—248).

Осветив две главы способам проверки верности силлогизмов (p. 249—267), автор переходит к силлогизмам соединительным, которых он насчитывает три рода: условные, разделительные и соединительные (p. 267—280). Каждый из этих силлогизмов разбирается довольно подробно. Далее говорится об энтимемах и сложных силлогизмах, называемых здесь соритами, под которыми разумят восхождения мыслей (gradations), дилеммы и epicheiremes (p. 280—290).

Признавая, что топика или общие места не имеют серьёзного значения, автор однако уделяет им некоторое внимание и делит их на общие места грамматические, логические и метафизические (p. 290—304). Следует затем анализ софизмов. Из множества софизмов, упоминавшихся в схоластической Логике, говорится только о девяти, так как остальные очень грубы и очевидны в своей лжи (p. 304—334). К этому автор присоединяет заметки о софизмах, допускаемых и в общественной жизни и в обыкновенных разговорах: именно о тех, которые допускаются из самолюбия, своекорыстия и страстей, или возникают из каких-либо ошибок в суждениях о предметах, т. е. причины которых находятся во внешней видимости. Эти главы (XIX, p. 332—376) написаны с таким глубоким знанием сердца и ума человеческого, что и теперь нельзя не увлекаться ими.

Четвёртая часть занимается методом. Эта часть признаётся автором за самую полезную и важную из всех частей Логики. На метод основывается доказательство, т. е. ряд умозаключений, доказательство же своей целью имеет науку. Поэтому сначала он говорит о науках, затем о методе и, наконец, о доказательствах. Против скептиков автор доказывает факт существования науки вообще и обнаруживает огромное доверие к разуму, утверждая, что познаваемое умом достовернее познаваемого чувствами. Впрочем, есть вопросы, которые никогда не разрешатся разумом. Таковы некоторые религиозные догматы, слишком неопределённые, отвлечённые вопросы метафизики (p. 377—391).

Методом называется способ расположения мыслей, дабы открыть незнаемую нами истину или доказать другим истинность знакомой нам идеи. Метод бывает аналитическим, который здесь называется методом изобретения, и синтетическим, или методом науки (p. 391—397).

Можно заниматься вопросами либо о словах, либо о вещах. Вопросы последнего рода могут быть сведены к четырём видам: 1) можно исследовать причины действий; 2) действия через причины; 3) целое через его части; 4) через целое и данную часть — другие части его. Каков бы вопрос ни был, прежде всего необходимо ясно и раздельно понять то, что спрашивается: ибо в самом вопросе отчасти намечается путь, по которому должно идти к исследованию неизвестного.

При употреблении метода аналитического, как и синтетического: 1) необходимо переходить от более известного к менее известному; 2) анализ отличается от синтеза тем, что первый пользуется общими положениями для исследования частных вещей; 3) он обращается к помощи ясных и очевидных истин, т. е. аксиом, только в мере нужды в них; 4) при анализе мы восходим в своих положениях к более общему, при синтезе же нисходим (p. 397—402).

Так как синтетический метод употребляется преимущественно в геометрии, автор представляет анализ геометрического метода. Геометры держатся следующих правил: в своих определениях они 1) употребляют термины не иначе, как давая им точное определение; 2) пользуются только совершенно известными или объяснёнными терминами; 3) полагают аксиомами только истины совершенно очевидные; 4) в своих доказательствах они пользуются выясненными определениями или общепризнанными аксиомами, или доказанными положениями; 5) никогда не злоупотребляют двусмысленными терминами (p. 404).

Следует разбор элементов доказательства: определения (p. 405—415) и аксиом. Анализ аксиом приводит автора к двум правилам: 1) когда для того, чтобы видеть, что признак идёт к предмету, напр., чтобы видеть, что целое больше своей части, нужно только представить себе эти две идеи, и даже при небольшом внимании нельзя не заметить, что идея свойства заключается в идее предмета, то можно принимать такое предложение за аксиому, не требующую доказательства; оно очевидно в такой степени, что не нуждается в доказательствах: к чему доказывать с помощью третьей идеи, что связь идей в аксиомах необходима, когда это и без того очевидно? 2) Когда недостаточно представить себе идеи предмета и признака, чтобы видеть, что последний идёт к первому, то предложение, в котором соединяются эти идеи, не должно быть принимаемо за аксиому: дабы связь их была очевидна, оно должно быть доказано с помощью каких-нибудь других идей, подобно тому, как пользуются параллельными линиями для доказательства, что сумма внутренних углов треугольника равняется двум прямым. Затем перечисляются главнейшие аксиомы. В сущности это принятые школой Декарта метафизические принципы (p. 416—427).

Истинное доказательство требует двух вещей: чтобы содержание его было верно и несомненно, чтобы не было погрешности в форме его. Эти условия могут быть достигнуты только при точном соблюдении всех правил, данных относительно определений, аксиом, силлогизмов. Автор указывает ошибки, часто встречающиеся в геометрическом методе: 1) когда заботятся более о достоверности, чем о очевидности, об убеждении ума, чем о его просвещении; 2) доказывают вещи, не требующие доказательства. Замечательно, что доказательство per impossibile или deductio ad absurdum причисляется автором к вообще весьма слабым доказательствам: по его мнению, оно может быть употреблено только тогда, когда решительно нет других. 3) Ошибками в доказательствах также должно считаться чрезмерная длиннота доказательств; 4) отступление от естественного хода мыслей (т. е. от известного к менее известному); 5) неупотребление делений (p. 428—442).

После краткого резюме правил, соблюдение которых требуется для правильности научного метода, автор занимается вопросами об условиях веры и всякой достоверности. Этот предмет с этого времени становится достоянием практической Логики (p. 442—462). Последняя глава занимается суждениями о будущем, и здесь предлагаются элементарные

основания теории вероятности (p. 463—473). Это сочинение имело решительное влияние на развитие формальной Логики. Тогда как схоластическая Логика пассивно следовала за Аристотелем и логический анализ подчинила грамматическим и риторическим целям, порт-рояльская Логика возвысилась до мысли о необходимости исследования самых приёмов мышления. Эта идея дала ей самостоятельную систему. Оттого она логичнее и систематичнее, чем схоластическая Логика.

Стремление идти навстречу действительным нуждам мышления сказалось в самом характере логических примеров. Схоласты не заботились о смысле их: какую угодно нелепость схоластическая Логика охотно усвоила бы себе, лишь бы на ней можно было видеть пример какого-нибудь логического правила. La Logique берёт примеры и из тогдашней науки и жизни, и они могли бы годиться для настоящего времени. Даже те подробности, которые перешли в неё из схоластики, представляются с новым смыслом: exponibilia в La Logique не кажутся столь бессмысленными, как у Петра Испанца.

Посему не будет преувеличением сказать, что в этом труде Логика снова возвращается к тому здравому смыслу, с каким разрабатывал её великий Стагирит. Вместо исключённых подробностей в Logique являются новые. Анализ понятий превращается в исследование основного процесса мышления — отвлечения мы выделили, как он всесторонен. Особенно же важно то развитие, какое дано четвёртой части Логики или учению о методе. Что Петру Рамусу представлялось в неясных очертаниях, то здесь представляется в настоящем свете: его ria desideria выполняются. Методы синтетический и аналитический, доказательства разбираются здесь весьма подробно. Вообще это сочинение не утратило своих достоинств и в настоящее время.

Но вместе с тем эта Логика всё-таки осталась верна главной идее Органона. Как Аристотель смотрел на процесс мысли как на сочетание, сопоставление, прямое или непрямое соединение терминов, так и этого же взгляда держится Logique, с тем только различием, что здесь вместо терминов являются понятия. Она утратила многие свойства, которые весьма невыгодно отличали схоластическую Логику, но, подобно последней, задалась также исследованием одних только сочетаний понятий. Ни один из трудов второй половины XVII, XVIII и даже XIX веков не остался без прямого или косвенного влияния La Logique. Как чисто схоластическая Логика вела своё начало от руководства Петра Испанца, так формальная — от La Logique.

Декартовская школа создала свою Логику, которая сделалась нормой не только для этой школы, но и вообще для французских мыслителей. Действительно, французская Логика в большей части своих представителей оставалась верна ей даже до настоящего времени. Если иногда она видоизменялась, то преимущественно под германским влиянием. Притом следует сказать, что ни в XVIII, ни в XIX столетиях она не привлекала к себе во Франции особенного сочувствия. Поэтому особенных движений во французской Логике мы и не замечаем.

Логика Вольфа.
Но в Германии она деятельно разрабатывалась в школах и получила новый вид в школе Лейбница, и имевшее столь большое распространение в Германии и нераздельное господство в её школах до Канта. Популяризатор философии Лейбница Вольф старался применить Логику к потребностям тогдашнего знания и с этой целью написал два сочинения: Vernunftige Gedanken von den Kräften des menschlichen Geistes, 1710 и Philosophia rationalis sive Logica, inquirenda et pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata. Autor e Christ. Wolfio, 1758. Мы обратим внимание на последнее сочинение, ибо оно более знакомит с идеями Вольфа о Логике, чем первое. Это сочинение тем более заслуживает нашего внимания, что учебники его школы, сокращавшие только объём большой Логики, но

оставшиеся верными её логическим взглядам, имели распространение и в наших духовных и светских школах XVIII и начала XIX столетий.

Изложение Логики предшествует общему философскому введению, где трактуется о способах познания: историческом, философском и математическом, о философии вообще и особенно о философском познании, о частях философии, естественном, богословии, психологии и физике. Душа может быть изучаема либо со стороны познавательной способности, либо желательной. Логика занимается исследованием первой, поскольку душа стремится к познанию истины. Если мы желаем изучать философию, отдавая себе отчёт в способах достижения истины, то тогда изучение Логики должно предшествовать изучению всех других частей философии. Но если от Логики требовать полного доказательства её правил, то, так как она заимствует свои принципы из онтологии (первой части метафизики) и психологии, она должна следовать за этими двумя науками (p. 1—52).

Мы опускаем многие подробности, так как они относятся либо к другим частям философии, либо касаются философии вообще. Перейдём к изложению собственно Логики. Логика определяется как наука управления познавательной способностью при познании истины (scientia dirigendi facultatem cognoscitivam in cognoscenda veritate). Вольф различает естественную Логику, т. е. присущую душе познавательную способность, и Логику приобретённую, как руководство к познанию истины. Это обычное различие Логики utens от Логики docens: последняя развивает и приводит к ясному сознанию нашу познавательную способность. Как естественная, так и искусственная Логика у разных людей бывает на разных ступенях развития.

Пробным камнем верности искусственной Логики служит прежде всего метод шести древних геометров; ибо все логические правила, согласные с ним, несомненны. Далее, правильная Логика должна давать отчёт, почему естественная так известным образом, а не иначе, связывает мысли. Наконец, правила искусственной Логики должны быть развиваемы из самой природы человеческого ума (p. 107—124).

Всё сказанное составляло только введение к настоящей Логике. Изложение её начинается указанием источника наших познаний: внутреннего и внешнего чувства и трёх основных действий ума: понятий, суждений, умозаключений. Понятие определяется как представление вещи умом (rerum in mente repraesentatio). Благодаря ему происходит наше восприятие: ибо нельзя умственно обращаться к вещи, не имея её идеи. Суждением называется действие ума, через которое мы приписываем и отрицаем от вещи что-либо отличное от неё. В суждении ум соединяет понятия или разъединяет их. Умозаключение есть такое действие ума, в котором из двух предложений, имеющих один общий термин, образуется третье через соединение различных терминов. Эти три действия ума развиваются в таком порядке: сначала понятие, затем суждение, наконец умозаключение (p. 125—137).

Общепонятия — это те, в которых мы представляем признаки, общие многим вещам. Здесь Вольф делает замечание, которое, к сожалению, впоследствии было забыто следующей Логикой: общие понятия образуются не иначе как с помощью суждений и умозаключений: через суждения мы находим, в чём вещи сходны или различны, через умозаключения делаем выводы, всегда должен известный признак быть присоединён к предмету или нет (p. 137—142).

Так как Логика для доказательства своих правил заимствует принципы из онтологии, до исследования самых действий ума автор устанавливает некоторые онтологические принципы. Между тем, что находится в вещах, он различает: с одной стороны, постоянные свойства, неизменно пребывающие в них, пока они остаются в известном роде и виде (напр.

твердость в камне, пока он остаётся камнем), с другой — изменяемые. Пребывающее постоянно в вещи может составлять абсолютный предикат её; изменяемое высказывается только под известным условием. Постоянно пребывающие признаки называются существенными (attributa propria siue proprietates esenciales, vel proprietates communes). Изменчивые признаки называются modi и они высказываются о вещах только под известным условием. Через существенные черты определяются и взаимно различаются роды и виды. Когда признаки, оставленные в понятии неопределёнными, точно обозначаются, то возникает индивидуальное понятие. Следовательно, индивидуум есть существо совершенно определённое, или в котором определено всё, что в нём пребывает (p. 142—154).

Понятия можно различать с формальной и материальной стороны. Они могут быть достаточными для познания вещи или недостаточными. Как само понятие может быть ясным или темным, так и термин ему соответствующий (слово, обозначающее его) может быть таковым же. Темнота его зависит от того, что мы забываем главные признаки понятия, между тем как остальные недостаточны для ясного представления его. Ясное понятие может быть раздельным, когда мы в состоянии дать себе отчёт о признаках, и смешанным, когда не можем этого сделать. Оно бывает полным и недостаточным, соответствующим (adaequata) и несоответствующим предмету. Всё это замечания имеют целью исчерпать формальное различие понятий (p. 154—165).

Рассматриваемые с материальной стороны понятия могут быть простыми и сложными. Первые содержат в себе только понятия, вторые, кроме понятий, заключают в себе modi, определения. Роды и виды — понятия простые. Равно и термины могут быть простыми и сложными. Далее, понятия, как и термины, могут быть абстрактными и конкретными, общими и единичными (p. 154—169).

Различные замечания о терминах имеют целью подготовить логическую теорию определения. Оно есть речь (oratio), которой обозначается понятие полное и определённое, соответствующее какому-либо термину. Вольф излагает полную теорию определений, так что последующее время почти ничего не прибавило к сказанному им. В них должно перечислять столько признаков, сколько нужно для познания вещи и различения её от других, и таковыми признаками должны быть внутренние, должно употреблять термины установленные и ясные. При перечислении ошибок в определении автор указывает, что определяемое не должно входить в само определение (тождесловие), что должно избегать circulus in definiendo. Автор указывает далее, в каких случаях и сколько существенных свойств или признаков нужно вводить в определение, и разъясняет различие между номинальным и реальным определением (p. 169—215).

Суждение состоит из двух понятий: одного, которому что-либо приписывается, другого, приписываемого первому. Суждение, выраженное в терминах, есть enunciatio, в котором с грамматической точки зрения различаются подлежащее, сказуемое и связь. И суждение, и предложение могут быть утвердительными, т. е. такими, в которых отрицание относится к подлежащему или сказуемому, а не к связи. Следуют суждения категорические, гипотетические. Далее предлагаются различные замечания относительно обширности приложения родовых или видовых сказуемых как в категорических, так и в гипотетических суждениях. Наконец, суждения могут быть единичными, частными и всеобщими (p. 215—253).

Затем следует анализ математических предложений. Здесь мы встречаемся с предложениями недоказываемыми, причём определяются признаки их: теоретическими и практическими, постулатами, положительными и отрицательными аксиомами, теоремами, проблемами и корольляриями (p. 253—262). В главе о видоизменениях суждений (devarii s judiciorum affectionibus) излагается учение о равносильности суждений или их превращении,

о разных степенях противоположности между ними. Замечаниями о правилах употребления терминов в суждении заканчивается учение о нём. В последнюю главу вошла первая глава сочинения Аристотеля о категориях (262—289).

Не будем подробно излагать учение Вольфа о силлогизмах. Отметим только особенности его. Перед изложением фигур он даёт (294 р.) определение силлогистических принципов: dietum de omni et de nullo. Они определяются так: всё, что может быть утверждаемо или отрицаемо относительно рода или вида, утверждается или отрицается и о всяком роде или виде, которые содержатся под первыми. О четвертой фигуре он не упоминает. Самые фигуры рассматриваются у него как виды категорических силлогизмов. К сложным силлогизмам автор относит гипотетические и разделительные; последних насчитывается пять видов. Энтимемы отнесены к отделу скрытых силлогизмов (syllogismi cryptici); автор допускает возможность сокращения одной из посылок во всех трёх фигурах силлогизма, даже в гипотетических и разделительных силлогизмах. Вообще отдел о скрытых силлогизмах развит весьма подробно, и автор указывает многие виды их.

Рядом с соритом вводится учение о полисиллогизмах с их неизбежными составными частями: проесиллогизмами и эписиллогизмами. Последнюю главу отдела о силлогизмах, как и в прежних отделах, составляют заметки об употреблении терминов в умозаключениях (289—384). Учение о понятиях, суждениях и умозаключениях составляет первую, или теоретическую, часть логики. Вторая, практическая, трактует об употреблении логики или её применении к делу. В этой части есть много лишнего, прямо не относящегося к логике, но нельзя не признать, что в ней много практически полезного. Она совершенно самостоятельно разработана Вольфом и составляет в истории нашей науки действительный шаг вперёд.

Прежде всего говорится о критерии истины. Если какой-нибудь утвердительный или отрицательный предикат, абсолютно или под каким-либо условием, относится к субъекту, предложение называется истинным, в противном случае — ложным. Следовательно, истина есть согласие нашего суждения с объектом или представленной вещью. Это и есть логическая истина. Таким пробным камнем проверяется истинность всяких утвердительных и отрицательных суждений. Так как узнать, что сказуемое относится к подлежащему, возможно только через понятие последнего, то критерий истины есть определимость предиката через понятие субъекта. При этом указывается, какой характерный признак возможных, понятных и непонятных суждений, в какой степени различно-противоположные суждения предполагают взаимную истинность или ложность, когда условное суждение или заключение может быть верным, в каких случаях из верных посылок не следует правильный вывод и т. п. Так как один из признаков верности многих суждений тот, что они могут быть доказываемы, то учение об истинности их предполагает учение о способах доказывания (387—411).

Доказательство может быть прямое или непрямое. Прямое может состоять как из категорических, так и гипотетических суждений. Оба способа доказательств основываются на силлогизмах; принципами же их должны быть определения, несомненные опыты, аксиомы и доказанные положения (412—430). Истинное предложение может быть известным и неизвестным. Известность бывает a priori и a posteriori. Когда причина, по которой предикат приписывается субъекту, недостаточна, предложение называется только вероятным. Всякое категорическое суждение, равно как и заключения силлогизмов, даже доказательства, могут быть вероятными (430—443).

Далее следуют замечания о науке, мнении, доверии и заблуждении. Наука, знание (scientia) определяется как habitus demonstrandi, quod affirmamus vel negamus. Следовательно, предметом науки может быть только то, что может быть доказываемо. Мнением называется

предложение, недостаточно доказанное, т. е. только вероятное. Как вид мнений автор указывает гипотезу и определяет условия её достоверности и вероятности, равно как и случаи, в которых она может быть ложной и неверной. Вера есть наше согласие, даваемое суждению ради авторитета лица, высказывающего его. Вольф определяет, какие условия требуются от человека, достойного веры, какие — от верного передатчика истины, и различает степени достоверности виденного и слышанного. Заблуждение есть согласие с ложным положением. Заблуждения могут встречаться в доказательствах, в понятиях и содержании силлогизмов, в принципах, определениях, в форме силлогизмов (софизмы и паралогизмы), в терминах и т. д. (443—480).

Сказанное имело цель дать руководящие правила для различения истинного от ложного, известного от неизвестного. Теперь автор говорит о применении логики при исследовании истины и прежде всего об опыте вообще. Истина может быть открываема a priori или a posteriori. Когда своим вниманием мы обращаемся к одним восприятиям, это значит, что мы обращаемся к опыту. Опыт может простираться только на то, о чём возможно иметь понятие (480—484).

Следует затем указание способов образования наглядных суждений. Ничего напоминающего индукцию здесь мы не находим: напр. автор говорит (484): «Намеревающийся образовать наглядное суждение должен внимательно смотреть на то, что находится в вещах или к чему они имеют отношение. Вещь наблюдаемую он должен взять как субъект, то же, что замечается в ней, должен принимать за предикат». Он исследует, как наблюдать видоизменения вещи, признаки её, как открывать определения a posteriori, приобретать раздельные понятия, указывает разные случаи, когда приобретаются тёмные, смешанные понятия. Автор упоминает и об исследовании причины, но способ его определяется одним правилом (503): si enti- cuidam mutatio accidit, quam primum alteri jungitur; hoc alterum causam illius mutationis esse intelligimus, и предостерегает против случая множественности причин. Преимущественно же внимание автора обращено на образование всеобщих категорических суждений (484—510).

Как образуются суждения дискурсивные (т. е. рефлексивные) и определения a priori? Прежде всего, Вольф рассматривает процессы родотворения и видотворения (т. е. образование родов и видов), которые теперь в формальных логиках помещаются обычно в главе о понятиях, и указывает общий способ образования понятия, ставший потом общим местом всех логик: именно reflexio, abstractio et determinatio. Понятие, таким путём образованное, означает нечто возможное. Затем исследуется, как выводить заключения из определений, гипотез, как открывать скрытые причины действий или вообще влияние причин, как исследовать номинальные определения, как открывать существенные свойства и признаки, как на основании номинальных определений исследовать реальные, или исследовать образование новых неизвестных предметов (510—537).

Практическая логика Вольфа занимается даже способами сочинения, обсуждения и чтения книг. Он делит их на исторические и догматические — содержащие всеобщие истины, и определяет цели различных сочинений по естественной истории, истории наук, гражданской, церковной, частной (privatae), литературной. Всякий пишущий историческое сочинение должен: 1) повествовать только о том, что действительно было; 2) рассказывать события в их естественном порядке; 3) не опускать ничего, необходимого для исторической цели. Логика определяет, что должен наблюдать пишущий естественную историю или работающий по специальной истории наук, гражданской, церковной и т. д. (537—565).

Цель догматических сочинений — ознакомить читателя с общими истинами и их доказательствами. Во всяком ученом сочинении необходимо: определять все встречающиеся термины, за исключением понятий, взятых из другой науки (не той, к которой

относится сочинение); не допускать положений без доказательств их; в некоторых случаях прибегать к опытным доказательствам положений, могущих быть основаниями для других; держаться правильного порядка при переходе от оснований к следствиям; более тёмные положения разъяснять примерами. Вообще здесь должен соблюдаться научный метод, совпадающий с философским методом. После заметок о способах цитирования истин, заимствованных из других наук, автор обращается к изложению доказательств, с которыми имеет дело ученое сочинение.

Остановимся на замечании, как доказательству философского или какого-либо другого положения сообщать форму геометрического доказательства. Необходимо: 1) разложить его на формальные силлогизмы, 2) дать отдельным посылкам название, определений, аксиом. Вольф считал возможным применение математического метода к философии и вообще к науке, но заботился собственно о внешнем усвоении этого метода наукой, не допуская мысли, что состоящее в знаниях и самих их характером предопределяется и метод её развития (565—579).

Как обсуждать книги исторические и догматические? Критикуя историческое сочинение, необходимо смотреть: 1) истинно ли то, что рассказывается; 2) в каком порядке рассказано; 3) достигает ли сочинение исторической цели. В естественной истории необходимо проверять положения наблюдением и экспериментами. При оценке догматических сочинений необходимо смотреть, не находится ли в них что-либо лишнее, не темно ли изложено, может ли быть признано полезным; есть ли логический порядок в изложении содержания, нет ли чего лишнего в определениях, недостоверных бездоказательных принципов или положений непонятных; не перемешивается ли известное с неизвестным; правильны ли доказательства, правильно ли решаются вопросы, в порядке ли они следуют.

Автор даёт определения, кого называть компилятором и оригинальным сочинителем, плагинатором, эпитоматором, что называется compendium, указывает требования, которым должны удовлетворять compendium или epitome, что называется солидным и поверхностным трактатом (579—641).

Как читать книги обоих упомянутых родов? Цель читающего — понять и усвоить себе памятью читаемую книгу. Нужно понимать слова книги; поэтому автор указывает, как поступать в случае, если сочинитель предполагает в своей книге уже известные и некоторые определения, или пользуется неопределёнными терминами, противоречащими самому себе, как открывать смысл в историческом или догматическом сочинении. Иногда можно составлять себе понятия по приводимым примерам и доказательствам. Во всяком случае необходимо быть справедливым к автору при истолковании его сочинения, хотя не следует поступаться истиной в пользу его.

Истолкователь исторических сочинений должен обладать нужными понятиями и для того, или по крайней мере способностью образовывать их, быть внимательным при чтении, относиться к делу критически, проверять авторитет источника и наблюдать, нет ли в нём противоречий самому себе, или известной достоверной истины. Желающий извлекать пользу для себя из гражданской истории должен иметь этические, политические и логические познания. Так как определения Вольфа имели особое значение, он пространно рассуждает, как усвоить себе и понимать определения, встречающиеся в сочинениях. Далее идут рассуждения, как анализировать доказательства. При всяком чтении ученого сочинения необходимо хорошо ознакомиться с первым и понятными, прежде чем идти к дальнейшим, и отнюдь не спешить при этом (641—691).

VII глава (692—706) третьего отдела второй части рассуждает об истолковании Св. Писания. Здесь излагаются основания священной герменевтики, которые потом выделились в особую науку. Логика должна также преподать правила, как сообщать истину другим.

Каким образом убеждать других? Можно a posteriori и a priori. В первом случае необходимо: дать случай убеждаемому видеть предметы, о которых сообщаем понятия, или испытать самому истину говоримого; в некоторых случаях нужно прибегать к авторитету, противополагать наблюдениям и экспериментам других собственные наблюдения. A priori убеждать кого-либо в истинности или лживости известного положения можно путём доказательства. В этом случае должно исходить из принципов, известных убеждаемому. Вообще последний должен быть знаком со значением доказательства, быть внимательным к излагаемому, не обнаруживать торопливости в суждениях. Указав внутренние и внешние соображения, могущие располагать человека к согласию с известной мыслью, автор переходит к анализу предрассудков, происходящих от излишней доверчивости к авторитетам (706—733).

Как вести опровержение? Нападать (impugnare) можно и на истинное положение, опровергать же только ложное. Опровержение может быть ведено путём как прямого доказательства, так и непрямого, a priori и a posteriori; тем же путём может быть ведено и нападение. Последнее не должно быть словопрением (логомахией) только. Наилучший способ опровержения состоит в указании, что противник допускает ложные принципы или ошибки в форме силлогизмов. Но можно опровергать и прямо, доказывая истинное положение, противоположное опровергаемому. В обоих случаях необходимо пользоваться принципами, которые признаются обеими сторонами. Другой способ непрямого опровержения состоит в указании неверного или смешного следствия, вытекающего из опровергаемой мысли; эти следствия могут быть разнообразны и друг от друга не зависеть. К сожалению, часто выводители подобных следствий руководствуются злобой и ненавистью к своим противникам, делают преследователей из них. При опровержении вообще необходимо воздерживаться от выражений дерзких и обидных (733—756).

Защита состоит в доказательстве, что опровержение не имеет силы по отношению к опровергаемым мнениям. Она может быть также ведена a priori и a posteriori, иногда состоять в установке правильного смысла слов. Автор рассматривает разные способы защиты против нападения как прямого, так и непрямого, но не советует защищаться против обидных выражений. Во всяком случае умные люди, по его мнению, должны избегать чисто полемических (эристических) сочинений, и только в интересе истины они должны иногда прибегать к полемике (757—771).

При диспуте необходимо, чтобы диспутирующие были согласны в понимании подлежащего и сказуемого диспутируемого положения; они должны договориться до полного взаимного разъяснения того, как оба понимают его. Сам диспут должен восходить до принципов, но возражатель должен начинать с анализа самых ближайших силлогизмов. Отвечающий может соглашаться или отрицать, смотря по содержанию возражения; иногда необходимо допускать мысль с известными ограничениями, точно различать разные смыслы её. При условной форме возражения можно допускать условие и отрицать выводимое из него следствие, или наоборот, допуская следствие, отрицать условие (771—788).

Говоря о methodo docendi, автор прежде всего определяет условия, требуемые от обучающего: знание и способность передавать их словом. Затем говорит о том, как сообщать другим раздельные понятия, объяснять определения номинальные, генетические, раскрывать предложения. Он должен обладать умением убеждать, опровергать других и иметь навык в логике (788—798). Практическая логика занимается также оценкой сил или способностей, необходимых к познанию истины. Автор указывает правила для оценки

способностей к изобретению и обсуждению истины, к сочинительству, обсуждению и чтению книг, к убеждению, опровержению, диспутированию и обучению (798—846).

Последний отдел практической логики трактует о применении логики к жизни и способах её изучения. Мы остановимся на последней главе об изучении логики. Изучающий её должен приобрести историческое знание главнейших терминов, положений, исторически ознакомиться с определениями, освоить логические положения, и для от простейших и легчайших к сложным и более трудным. Желающий развить в себе умение пользоваться логическими правилами должен: 1) читать сочинения, замечательные по своему строгому методу, и 2) отдавать себе отчет, чем именно они удовлетворяют логическим правилам. Вообще автор рекомендует чтение книг для усовершенствования как естественной, так и искусственной логики. Это совершенство достигается только великим трудом и со строгой постепенностью (846—866).

«Обработка Логики Вольфом» очевидно была почти всесторонняя. Оставаясь верным идее La Logique, — обновить логическую систему в соответствии с взглядами и на действия ума в духе новой философии, — Вольф своим анализом логических приёмов оказал Логике очевидные заслуги, о которых так легкомысленно забыло последующее время. Он восстановил живую связь её с прочими частями философии, в которой она должна была находиться по мысли её основателя — Аристотеля. Схоластики работали над Логикой, не думая ни о каких философских принципах, не имея цели взгляда на развитие человеческого познания, на духовное существование человека.

Можно не соглашаться с Вольфом, что Логика должна заимствовать свои принципы из онтологии, но едва ли можно теперь сомневаться, что без психологии она не может обойтись: без психологического анализа представлений — что можно сказать вообще об образовании логического ума? Как система, Логика в труде Вольфа сделала огромный шаг вперёд. Тогда как в La Logique мы видели многие остатки схоластики, присоединённые к новой системе как бы механически, у Вольфа логическая стройность и систематичность выдержаны до конца. Вместе с тем очищение Логики от схоластических элементов проведено им ещё далее. Последние остатки отдела de terminorum proprietatibus (внесённые однако в La Logique) исчезли из труда Вольфа; ту же судьбу имели praedicamenta, praedicabilia, topica. Благодаря этому очищению Логика приобретает у него характер науки, занимающейся приёмами мышления, и перестаёт быть собранием логико-грамматических рассуждений.

Рядом с теоретической Логикой у Вольфа развивается практическая. Цель её, очевидно, состоит в том, чтобы дать практическое руководство, так сказать, для текущих вопросов практического мышления, например: для различения истины от лжи, для исследования первой, для умственных работ, для правильного обсуждения достоинства мыслей, которые встречаются в книгах и т. д. Здесь собраны самые разнообразные заметки, относящиеся к общей герменевтике, Логике исторической, риторической. Мы встречаем здесь много замечаний, касающихся педагогики и психологии.

Но всё-таки нужно сказать, что весь этот материал собран здесь не случайно: он имеет несомненное отношение к Логике. Можно находить одностороннюю и узкую привязанность Вольфа к внешнему математическому методу, его любовь к определению, можно находить чрезмерным значение, придаваемое им последним, и вообще логическому формализму в деле познания, но общая идея практической Логики была важным шагом вперёд. Топика Аристотеля удовлетворяла действительным потребностям мышления современной ему эпохи. Это было практическое руководство для обсуждения предметов с философской и риторической точек зрения. Для мышления нового времени оно оказалось почти что бесполезным. С того времени, как стали расширяться опытные и исторические науки,

быстро стала зреть мысль о бесполезности, — тоники и в La Logique были приведены некоторые остатки её только из деликатности к отживавшим схоластическим преданиям.

Но в ней была та полезная идея, что кроме общего анализа логических приёмов Логика должна дать практическое руководство для мышления. Эту же идею пытается осуществить практическая Логика Вольфа. Она как бы пополняет пробел, образовавшийся вследствие устранения тоники, и впервые выполняет свою задачу с замечательным умением: многие замечания имеют действительно практический характер. В ней полагаются основы того, что в наше время можно назвать Логикой специальных наук.

Кант и его школа

Нельзя не сожалеть, что время после Вольфа сосредоточило своё внимание преимущественно на первой части его Логики и мало работало над самым полезным её отделом — именно практическим. Если бы оно поступило наоборот, то наша наука не приняла бы того схоластического характера, в котором справедливо укоряют современную формальную Логику. Вольфова школа, продолжавшаяся до Канта (Томазиус, Баумейстер, которого Логика имела ход в наших духовных училищах, Реймарус) ничем в сущности не обновила Логику своего учителя: та же в них любовь к определениям, к внешнему аппарату математического метода и те же самые взгляды на своё дело.

План Вольфовской Логики в существенных своих подробностях перешёл и в школу Канта, хотя у него он обставлен другим философскими взглядами. Но Кант усилил формалистический характер Логики. Остановимся на той форме, какую дал ей этот основатель критического метода в философии.

Источниками для нас в этом отношении служат:

- Logik, изданная в 1800 году одним из учеников Канта, Еше (Jäsche) (Werke, hrsg. von Hartenstein, Bd. 1, 323—487);
- Die falsche Spitzfindigkeit der vier Syllogistischen Figuren, 1762 (Ibid, 1—18).

Конечно, главное значение для нас имеет первое сочинение. Хотя оно издано не самим Кантом, но, судя по рассказанным в предисловии обстоятельствам, Еше только привёл в порядок заметки Канта по Логике. Мы можем рассматривать это сочинение как прямое выражение его мыслей относительно нашей науки. Практическая часть Логики совершенно опущена, учение о методе излагается весьма кратко. Некоторая часть содержания практической Логики и методики излагается Кантом во введении, которое поэтому превращено в логическую пропедевтику и не объему больше, чем изложение самой Логики.

Она определяется как учение о необходимых законах рассудка и разума вообще или о форме мышления (334 р.). Как наука, имеющая дело с мышлением, независимо от его содержания, Логика:

- есть основание для всех других наук и пропедевтика к употреблению рассудка;
- так как она не занимается содержанием мышления, то не может быть названа органом науки;
- она есть канон (правило), ибо занимается условиями, при которых разум может быть согласен с самим собой;
- она есть наука разума: ибо правила свои она заимствует не из опыта;
- как рациональная наука, она есть доказанная теория (demonstriree Theorie).

Полное определение Логики поэтому будет следующее: Логика есть наука разума не по одной своей форме, но и по содержанию, наука a priori, указывающая необходимые законы мышления не о каких-либо специальных предметах, но о всех предметах вообще;

следовательно, это есть наука о правильном употреблении рассудка и разума вообще (332—337). Кант опровергает деление Логики на аналитику и диалектику, естественную и искусственную, теоретическую и практическую, чистую и прикладную, общую и спекулятивную. Практическая часть Логики есть, по его мнению, contradictio in adjecto, так как Логика по принципу отвлекается от всяких предметов. Логический формализм Канта здесь вполне обнаруживается (338—344).

Опуская заметки о философии вообще, которые действительно имеют пропедевтический характер, и весьма краткие замечания об истории философии (344—357), мы перейдём к Кантовскому определению познания. Во всяком познании следует различать форму и содержание. Так как сознание есть необходимое условие всякой логической формы знаний, то Логика должна иметь дело только с ясным и представленным. Ей нет нужды исследовать их происхождение; предмет её составляют правила мышления в понятиях, суждениях и умозаключениях.

Все представления, к которым прилагаются логические правила, могут быть сравнимы по ясности и неясности их. Когда мы сознаем в себе целое представление, но не отдаем себе при этом отчёта в разнообразном содержании его, то представление бывает неясно. Ясность может быть двоякого рода: чувственная и интеллектуальная. По источнику своего знания получаются они либо от внешних чувств, либо от рассудка: первые знания называются воззрениями (наглядными представлениями — Anschauungen), вторые — понятиями; на этом и основывается различие между воззрительным (intuitive) и рассудочным (discursive) познанием (357—363).

Знание может иметь логические и эстетические совершенства. Оно совершенно в логическом смысле, когда по своей количественной стороне имеет всеобщий характер; по качественной — имеет объективную ясность; по категории отношения — объективную истинность; по модальности — объективную достоверность. Этим логическим качествам знания соответствуют эстетические: эстетическая всеобщность, ясность, истинность и достоверность.

Каждое из упомянутых качеств Кант подвергает специальному анализу. Но категория количества познания должна быть всеобщей. Говоря так, мы обсуждаем величину его. Она может быть экстенсивной и интенсивной: первая касается объёма познания и состоит в разнообразии его, вторая — в его многозначительности. Рассматривая разнообразие познания в экстенсивном отношении, мы приходим к вопросу, насколько познание соответствует нашим целям и способностям, или как велик горизонт наших познаний. Оно может быть определено логически, эстетически и практически. Следует рассмотреть несовершенства знания в экстенсивном отношении и предлагаются заметки о значении интенсивных качеств знания (363—375).

По категории отношения познание должно быть истинным. Но что такое истина и какой можно указать верный, прямой критерий познания? Для решения этого вопроса мы должны различить то, что относится с одной стороны к содержанию, а с другой — к форме его, и сообразно этому поставить его таким образом:

- существует ли всеобщий материальный критерий истины;
- существует ли формальный?

Первый критерий, конечно, невозможен, ибо чем можно подтвердить соответствие представления предмету? Но так как формальная истина состоит в согласии познающего с самим собой, то такого рода критерий истины возможен, т. е. возможно указать общие логические признаки такого согласия — conditio sine qua non всякой достоверности.

Кант признаёт три основоположения, как основы для проверки истины:

- Положение противоречия и тождества, через которое определяется внутренняя возможность познания в проблематических суждениях;
- Положение достаточного основания (principium rationis sufficientis), которым проверяется действительность познания в действительных (ассерторических) суждениях;
- Положение исключённого третьего (principium exclusi medii inter duo contradictoria), служащее основанием необходимости познания в аподиктических позициях (376—380).

Эти положения в Логике Кантовской школы получили ход как законы мышления и сделались необходимой принадлежностью почти всякого логического руководства и формальной Логики. Конечно, эти основоположения не были выдуманы Кантом. Мы видели в очерке Аристотелевской Логики, что принципы противоречия и исключённого третьего высказаны впервые самим Аристотелем. Положение тождества было поставлено с ясностью ещё Вольфом. Разсуждая о делении предложений, употребительных в математике, Вольф говорит между прочим о предложениях тождественных. Всеобщее тождественное предложение, как первообраз других подобных, есть следующее: idem ens est illud ipsum ens, sou omne A est A. Это предложение Вольф относит к числу недоказываемых аксиом (Philosophia rationalis sive Logica, Wolfii, p. 260).

Принцип противоречия не высказывается прямо у Вольфа, он только предполагается: говоря об условиях истинности, он говорит (ibid 400 p.): «Не может быть, чтобы один и тот же предикат при одном и том же определении одновременно подходил и не подходил к одному и тому же субъекту.» Принцип достаточного основания высказан был Лейбницем, поставившим его рядом с принципом противоречия. Итак, принципы были известны и до Канта. Но с одной стороны, они имели более метафизическое, чем логическое значение, с другой — высказывались только по тем и другим поводам, но не были сопоставлены вместе. Со времени Канта они под именем законов мышления излагаются в Логике как руководящие нормы логической деятельности ума.

Качественное совершенство познания состоит в ясности. Познание рассудка имеет дискурсивный характер, т. е. совершается через мышление признаков. Признаки — это частные представления, и на них основывается представление как целое. Признаки могут быть аналитические и синтетические, подчинённые и соподчинённые, утвердительные и отрицательные, видимые и невидимые, достаточные и необходимые или недостаточные и случайные. Ясность познания есть первая ступень совершенства; понятность его — вторая; последняя достигается при полноте признаков. Познание может иметь внешнюю и внутреннюю полноту (385—393).

Совершенство познания по модальности состоит в достоверности его. Кант различает три степени познания: мнение, вера и знание. Думать значит судить проблемматически, верить — ассерторически, знать — аподиктически. Мнение, или предположение по временным недостаточным основаниям, может быть названо временным суждением (sub conditione suspensiva ad interim). Мнением большей частью начинается всякое наше познание. Вера есть предположение на основанное объективно недостаточно, но субъективно достаточно, относящееся к предметам, которые не подлежат ни знанию, ни мнению, но относительно которых можно быть уверенным, что в них нет никакого противоречия. Следовательно, предметами веры не могут быть: 1) эмпирические знания, 2) познания a priori, как теоретические, так и практические, но 3) только такие, которые свободно признаются нами, т.е. без объективного и субъективного принуждения.

Знание есть предположение на совершенно достаточных субъективных и объективных основаниях. Знание предполагает достоверность эмпирическую или рациональную, т. е. может опираться на опыт или на разум. Первое имеет характер необходимости и есть аподиктическое, второе — ассерторическое (394—401). От временных суждений нужно отличать предрассудки, которые есть временные суждения, принимаемые за достоверные основания. Предрассудок есть принцип ложных суждений. Источники предрассудков: подражание, привычка и наклонность. Наиболее обычны из них: предрассудки авторитета (личного, толпы, эпохи) и логического эгоизма. Заметками о вероятности, сомнении, гипотезах и различении теоретического и практического познания кончается введение в Логику (405—418).

Во введении, как мы видели, нашли себе место многие подробности, которые у Вольфа были помещены в практической части Логики. Рассуждая о познании, Кант предполагает уже известные и почти все основные логические понятия; он говорит о рассудке как способности понятий, разуме как способности умозаключений, прилагает к делу категории и т. д., т.е. то, что может быть понято только из аналитической части Логики.

Самая Логика разделяется на общее элементарное учение и общее учение о методе.

Прежде всего говорится о понятиях. Познания, т.е. представления, сознательно относимые к объекту, суть или наглядные представления (Anschauungen), или понятия. Последнее есть общее или рефлексивное представление. Материя (materie) понятий есть предмет их; форма — всеобщность. Они бывают: эмпирические и чистые, a priori и a posteriori. Понятия образуются по своей форме через сравнение, рефлексию и отвлечение (эти действия указывались Вольфом, как мы видели в своём месте). Следуют определения содержания и объема понятия, заметки о высших и низших понятиях, родах и видах, родотворении и видотворении, употреблении понятий in abstracto и in concreto (418—430).

Суждение определяется у Канта как представление единства сознания различных представлений или представление отношения их, поскольку они составляют одно понятие. Различия суждений по форме могут быть сведены к четырем главным моментам: качеству, количеству, отношению и модальности. По количеству суждения бывают: общие, частные и единичные; по качеству — утвердительные, отрицательные и бесконечные (в последних отрицание находится не в связке, а отнесено к сказуемому — это схоластические propositiones infinitae). По отношению суждения разделяются на категорические, условные и разделительные, по модальности — на проблематические (возможные), ассерторические (действительные) и аподиктические (необходимые).

Рядом с этим главным логическим делением суждений идет объяснение различных названий их, встречающихся в науке и жизни. Так, Кант говорит о суждениях exponible — это схоластические exponibilia, о положениях теоретических и практических, недоказываемых и доказываемых, об основоположениях. Под последними разумеются суждения a priori, которые не доказываются, но сами служат основанием для доказательства; иначе они называются принципами. Основоположения суть или воззрительные, или дискурсивные: первые осуществляются в наглядном представлении и называются аксиомами, вторые выражаются понятиями и называются acroamata.

Есть положения аналитические и синтетические, тождесловные, постулаты (требования) и проблемы (вопросы), теоремы, корольларии (непосредственное следствие из одного из предшествовавших положений), схолии. Наконец, есть суждения восприятия и опыта (431–446). Умозаключением называется действие разума, которым одно суждение выводится из другого. Оно бывает посредственное и непосредственное. Последние называются умозаключениями рассудка, первые — умозаключениями разума и силы суждения.

Непосредственные умозаключения различаются у Канта по категориям: по количеству — per judicia subalternata, на основании качества суждений — per judicia opposita, на основании отношения — per conversionem, по модальности — per judicia contraposita (446–453).

Умозаключения разума разделяются на категорические, условные и разделительные. Кант допускает четыре фигуры силлогизмов. В своё время он указывал на ненужную и ложную тонкость в различении четырёх фигур. Мы разумеем его сочинение: Die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren, появившееся в 1762 году. В нём он доказывает, что чистое умозаключение разума возможно только по первой фигуре, а остальные фигуры возможны только как смешанные умозаключения, т. е. всякий другой силлогизм через превращение большей или меньшей посылки может быть сведен к первой фигуре, на которой, следовательно, он и основывается (Kant's Werke, Bd. I, 7–12).

Принципом гипотетического силлогизма служит закон достаточного основания, принципом разделительного — закон исключенного третьего. Так как в изложении их ничего нового сравнительно с учением Вольфа мы не встречаем, то останавливаться на них не будем (453–467). Умозаключения силы суждения идут от частных суждений к общим. Таковы индукция и аналогия. По примеру Вольфа, Кант различает простые и сложные силлогизмы; последние могут развиваться через просиллогизмы и эписиллогизмы и бывают или категорические, или условные сориты. Между ложными умозаключениями исчисляются: ошибочные силлогизмы, паралогизмы и софизмы; между ошибками в умозаключениях или доказательствах: скачки (saltus), petitio principii, circulus in probando, probatio plus et minus probans (467–472).

Вторая часть «Логики» называется общим учением о методе. Познание как наука должно строиться по известному методу. Учение о нём должно указать нам способы к достижению совершенства познания. Совершенство познания состоит в ясности, основательности и систематической связности его как одного целого. Ясность познания зависит от ясности понятий. Понятие может делаться ясным по содержанию через изложение и определение, по объёму — через деление. Определение есть достаточно ясное и точное понятие (definition ist ein zureichend deutlicher und abgemessener Begriff). Оно бывает аналитическим и синтетическим: первое производится через изложение (exposition) явлений или построение (таковы произвольно построяемые математические понятия). Синтетические приёмы могут быть прилагаемы к определению эмпирических понятий; анализом можно расчленять понятия как a priori, так и a posteriori. Кант различает реальные и номинальные определения и указывает условия совершенства определений, правила для их поверки и составления.

Проходя учение о делении, не представляющем ничего оригинального, остановимся на учении о методе как средстве к достижению основательного и систематического познания. Методы можно делить на научные, популярные, систематические и отрывочные (fragmentarische), аналитические и синтетические, силлогистические и табличные (tabellarische), акроаматические и эротематические. Благодаря Канту логика выиграла в форме, но потерпела важный ущерб в своём содержании. Практическая часть, способная к такому широкому развитию, исчезла из неё. Логика снова возвратилась, за исключением некоторых подробностей, к той форме, в какой мы видели её в La Logique. В этом отношении Кант был причиною регресса в её развитии. Но в форме своей она несомненно выиграла: многие отрывочные подробности, нарушавшие общий строй (напр. как в La Logique и у Вольфа), устранены Кантом, улучшены многие определения, содержание в большей степени подчинено системе. План «Логики» сделался, очевидно, проще и яснее.

С Кантом логика решительно выступила на путь формализма. Он смотрел на неё как науку, занимающуюся одними только формами и правилами мышления, независимо от мыслительного содержания, к которому они прилагаются. По его мнению, она не должна

входить в анализ практических случаев и на этом основании не должна иметь прикладной или практической части. Посему логика Канта, а затем и его школы, называется формальной. Действительно, этот же самый взгляд и почти те же подробности излагаются в логических трудах Кизеветтера (Grundriss der Logik, 1791), Гофбауэра (Analytik der Urtheile und Schlüsse, 1792; Anfangsgründe der Logik, 1794), Фишера (Lehrbuch der Logik, 1838) и многих других.

Гербарт и его школа.
Логический формализм не сказал своего последнего слова в логических трудах Кантовской школы. Гербарт и его школа ещё решительнее высказали понятие о логике как науке, исключительно занимающейся отношениями между понятиями, и Дробиш, например, прямо называет её формальной философией (Neue Darstellung der Logik von M. W. Drobisch, 1836, p. 5). У Гербарта логика составляет часть введения в философию. Очищение её от всякого психологического и практического содержания производится им ещё с большею, чем у Канта, решительностью. Следовательно, в этом отношении он только продолжает дело Канта. Но в некоторых подробностях он расходится с ним.

Наши мысли могут быть рассматриваемы с двух сторон: частию как деятельность нашего духа, частию относительно того, что именно мыслится в них. В последнем отношении мысли называются понятиями. С них, собственно, и начинается логика Гербарта. Понятия могут быть одинаковы и разнородны. Однородное по многим понятиям может быть рассматриваемо тоже как понятие, и оно-то составляет признак, по отношению к которому многие понятия состоят в подчинении. Различные понятия могут быть или диспаратны, или взаимно противоположны. По этому поводу Гербарт высказывает неодобрение как Вольфу, который поставил принцип противоречия во главу своей онтологии и прилагал его как нечто первоначально данное в своей логике, так и Канту, который говорит о законах мышления во введении в логику, где они совершенно бесполезны.

Чтобы указать содержание понятия — для этого существует приём определения; чтобы указать объём — для этого должно прибегать к делению. Эти два приёма в логике Гербартовской школы всегда излагаются в главе о понятиях и им обыкновенно придаётся весьма важное значение для практического мышления (Herbarts sämtliche Werke hrsg. von Hartenstein, 1850, Bd. I, Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie, p. 77–90).

Два понятия могут встречаться в мышлении, и возникает вопрос: могут ли они соединяться или нет. Решение такого вопроса и есть суждение. Оно есть соединение понятий, из которых одно получает значение субъекта, другое — предиката. Решение в суждении может быть утвердительное или отрицательное, что даёт происхождение утвердительным и отрицательным суждениям. Изменяясь по форме своей, суждения могут быть условные и разделительные (§ 91–106).

В учении о силлогизмах (§ 107–117) Гербарт допускает только три первые фигуры вместо четырёх. В главе о приложении логики (§ 117–123) делаются весьма краткие заметки об анализе, об ошибках в заключениях, доказательствах. Эти пункты только впоследствии были систематически развиты его школой. Вообще взгляд Гербарта на логику вполне обнаруживается в следующих четырёх замечаниях, высказанных относительно её в первой главе «Введения в философию» (Bd. I, p. 42):

- Логика даёт самые общие правила, чтобы различать понятия, приводить их в порядок и соединять их. Она есть необходимая подготовительная наука ко всем философским наукам.
- Логика предполагает понятия известными и вовсе не заботится о характерном содержании каждого из них.

Поэтому она не есть собственно орган исследования чего-либо нового, но руководство для изложения того, что уже известно нам. Впрочем, при исследованиях она указывает на первые условия правильности их и весьма полезна для того, чтобы обращать наше внимание на сделанные ошибки.

Особенности логики Гербарта следующие:

Он смотрит на неё только как на приготовительную к философии науку. На этом основании он дал ей место во введении в философию и как бы лишил её внешней самостоятельности. Кант давал логике более широкое значение: он считал её пропедевтикой не философии только, а всякого употребления рассудка. Он сосредоточивает свой анализ преимущественно и почти исключительно на трёх элементарных приёмах мышления: понятиях, суждениях и умозаключениях. Даже учение о методах не нашло себе места в логике Гербарта. Это вытекало из формалистического взгляда его. Если логика имеет дело только с отношениями между понятиями, то её задача исчерпана, лишь только она покончила с умозаключениями; методы же идут далее этих отношений: они — результаты подвижной силы ума, раскрывающей и развивающей самые понятия.

Формализм Канта сделал ещё шаг в логике Гербарта. Кант всё-таки вникает в умственную работу, обнаруживающуюся в логических приёмах: он говорит об умственных действиях, образующих понятия, о различных способах обсуждения, о различных движениях ума, силлогизирующего или располагающего в порядке познавательный материал. Логика Гербарта есть анализ возможных отношений между понятиями. Они не суть для него живые действия ума, плод его работы, но бледные индифферентные единицы, числа, могущие становиться друг к другу в различные отношения. Оттого так обширно у него употребление алгебраических и символических знаков. Подвижная жизнь ума скрывается у него за массой мёртвых знаков.

В этом же направлении разрабатывала логику вся школа Гербарта. Она осталась верною основным взглядам и духу его; то же преимущественное внимание к элементарным формам мышления, та же любовь к логической символике, такое же отождествление различных приёмов ума с отношениями понятий друг к другу отличают труды по этой части Гризенкеля (Lehrbuch der Logik in kurzen Umrissen, 1831), Штрюмпеля (Entwurf der Logik, 1846), Бобрика (System der Logik, 1838) и др. Самым лучшим руководством по логике этой школы, бесспорно, следует считать Neue Darstellung der Logik nach ihren Verhältnissen. Nebst einem logischn-mathematischen Anhange von Moritz Wilhelm Drobisch, 1-е издание (всего три), 1836.

Дробиш смотрит на логику как на формальную философию, исследующую формальные отношения между понятиями, и так как правильность отношений понятий зависит от правильности соединения их, то логику он определяет как учение об условиях законообразного мышления. Наше мышление может быть или отрывочным, или связно-научным (методическим). Посему, кроме анализа отношений между понятиями, что составляет предмет первой части логики, она должна заняться ещё научным единством или систематическими формами. Следовательно, центр тяжести в логике остаётся у Дробиша за формами отношений между понятиями, и в этом пункте он остаётся верен Гербарту. Различие между ними в том, что неопределённые заметки Гербарта о приложении логики (о них мы упоминали выше) развиты у Дробиша в учении о научной системе, которая совместила в себе и вторую часть Кантовской логики, или учение о методе.

Не будем подробно анализировать содержание первой части логики Дробиша (мы пользуемся первым изданием). Отметим только выдающиеся особенности её. С особенным тщанием развито у Дробиша учение о суждении. Оно определяется как логическое выражение отношения данных понятий, насколько они могут или не могут быть соединяемы.

Суждения могут указывать положительную связь между понятиями (утвердительные) или отрицать эти отношения (отрицательные). Далее, они могут полагаться или безусловно, или условно (категорические и условные суждения). Утверждение или отождествление между понятиями может быть внутреннее или внешнее: в первом случае мы называем суждение аналитическим, во втором — синтетическим. Подлежащее в суждении может выставляться без ограничения или с ограничением (всеобщие и частные). Такие же различия могут быть находимы и в области отрицательных суждений. В заключение представляется схематическое построение суждений, то есть наглядным сопоставлением геометрических кругов выражены отношения между подлежащим и сказуемым (23–37 р.).

Заимствуем из Дробиша краткую историю этих кругов (Neue Darstellung der Logik, p. 37): первое изображение кругов для наглядного изображения отношений между понятиями, получившее такой ход в формальных логиках, приписывают обыкновенно Эйлеру. Но ещё ранее его пользовался ими Ланге, профессор в Гиссене, в своём сочинении Nucleus Logicae Weisianae. Как кажется, первым изобретателем следует признать Вейсе (ум. в 1708 г.). Вместо кругов Ланге употреблял квадраты, Маас — треугольники, Ламбер — даже линии.

Сопоставляя суждения между собою, мы видим, что они могут или взаимно подчиняться, или противоречить друг другу, или иметь различное значение (модальные суждения). На этом основании возможны различные заключения от одного суждения к другому. Дробиш рассматривает здесь так называемые непосредственные умозаключения (§ 38–51). Суждения могут быть сложны: напр. условные могут допускать разные степени сложности, равно как категорические могут развиваться в соединительные и разделительные (51—59). В учении о силлогизмах Дробиш, как и Гербарт, допускает только три фигуры и в третьей исключает моды: Datisi и Ferison. Четвёртая фигура, равно как и указанные моды, не признаются им потому, что в них заключение может быть получено только через дополнительный приём превращения (p. 69).

Сложные силлогизмы рассматриваются также с большою обстоятельностью (60—87).
Вместо методики Кантовской логики Дробиш предлагает учение о систематических формах. Системы занимаются определениями понятий. Они могут простираться или на объём, или на содержание. С последним имеют дело объяснения (Erklärungen), с первым — деления. Под объяснениями автор разумеет логические определения; они бывают синтетические, аналитические и генетические, могут быть номинальные и реальные. Деления употребляются в системах или в виде логического приёма деления, или классификации — как то, так и другое могут быть систематическими и аналитическими (88—107).

Допущенные соединения понятий оправдываются или непосредственно, или посредством доказательств. Последние бывают прогрессивные и регрессивные; прогрессивные — синтетическими и аналитическими, прямыми и непрямыми. В заключение кратко излагаются основания учения о вероятности и указываются два вида вероятных умозаключений, посредством которых мы приходим к философской вероятности: неполная индукция и неполная аналогия (108—123). Школа Гербарта может быть названа представительницей в настоящее время формальной логики. Она до сего времени удерживает строго формальный взгляд на неё Гербарта и в Германии всё менее подчиняется влиянию английской индуктивной логики. Вообще немецкие мыслители настоящего времени почти все держатся формального взгляда на логику и придают ей только пропедевтическое философское значение.

Итак, современная формальная логика возникла из схоластической диалектики. Первою философскою школою на континенте, которая решилась оставить схоластическую рутину и внести новый смысл в логические исследования, была школа Декарта, и первым трудом в этом направлении, имевшим решительное влияние на последующую обработку логики,

была La Logique порт-рояльских янсенистов. В этом труде она освобождается от многих грамматических тонкостей и мертвенного взгляда на мышление как соединение различных терминов. Дальнейшее выделение бесполезных, а иногда и бессмысленных подробностей совершается в школе Лейбница, именно у Вольфа. Она делается наукою о действиях ума и даже приобретает практический характер, превратившись в своего рода руководство к решению задач, возникающих при научном и практическом мышлении. Но при дальнейшем своём развитии логика теряет практический, сообщённый ей Вольфом, характер и сосредоточивается преимущественно на исследовании формальной стороны мышления. Этот поворот в ней был произведён Кантом и его школою.

До крайнего формализма логика дошла у Гербарта и его школы. Весь процесс мышления последняя понимает как соединение понятий, и логике предоставляется право исследовать только формы этих соединений. Но этим центр тяжести в ней переместился в ту часть её, которая занимается самыми элементарными приёмами мышления. В этом виде она, конечно, не может быть органом исследования природы и духа, и было бы весьма странно величать таким громким именем собрание заметок о понятиях, суждениях и умозаключениях. Замкнутая в схоластические определения и не имея сил углубить и разнообразить свой анализ, логика естественно должна сознавать своё скромное в этом виде назначение. Ей пришлось поэтому стать не более как одною из частей введения в философию. В таком положении она находится ныне в Германии.

IV. ИНДУКТИВНАЯ ЛОГИКА

Аристотелевская логика была органом философски-дедуктивного мышления. Она вполне удовлетворяла потребностям древнего грека, ум которого склонён был более к исследованию последних причин существующего, чем к кропотливому изучению наличных фактов, и имел большую предрасположенность к риторическим исследованиям и диалектическим ухищрениям — этим гимнастическим упражнениям мысли, — чем к безыскусному собиранию фактов. Как теория логических дедуктивных приёмов могла явиться в уме южного жителя, живой и быстрый ум которого склонён преимущественно к философским обобщениям и всего менее — к мелкой, невидной индуктивной работе, так и теория индукции явилась на севере, когда после многих веков порабощения схоластическо-

Аристотелевской логике умы пробудились к наблюдению и изучению окружающей их природы. Известно, что действительный прогресс естествознания начался собственно с того времени, когда явились в области науки фантастические искатели приключений, приверженцы алхимии и разных тайных наук. Отыскивая жизненный эликсир, философский камень, тайные симпатические средства, изучая способы гадания и предвещания по разным приметам, они наталкивались совершенно случайно на действительно важные открытия. Постепенно оказывались то те, то другие взгляды Аристотеля на природу несостоятельными, и умы понемногу отучались от безусловной веры в него. XV и XVI века были эпохою мистического изучения природы, но вместе и временем, когда закладывались новые основы естественных наук. Охлаждение к Аристотелю сказалось даже в логике — этой невидимой вековой собственности его: мы видели, с какой резкостью сказался протест против «Органона» в лице Рамуса.

Рамус только чувствовал недостаточность схоластической логики; он приглашал умы к занятию самими вещами, а не словами, но, погружённый вполне в интересы схоластического мышления, как бы ослеплённый ещё мраком её, он не мог отгадать истинно слабых сторон схоластического Аристотеля и найти верный путь к истине. Чтобы оценить несостоятельность его и вывести умы на надлежащую дорогу, для этого требовался человек с умом менее живым и восприимчивым, но зато более практическим, не столь богато

одарённым живым воображением и потому менее торопливым, чем южные умы. Таким человеком был британец — Бэкон Веруламский.

Его значение для логики всякий поймёт, когда вспомнит, что он собственно есть основатель логики индуктивной, как Аристотель — логики дедуктивной. Его Novum Organon была также гениальная работа, гениальная новостью указанного им логического метода, по необыкновенно проницательной оценке положения современной ему науки и причин глубокого упадка её. Сочинения Бэкона останутся навсегда одними из замечательнейших произведений человеческого ума, справедливым предметом его гордости.

По принятому нами методу, познакомимся прежде всего с сочинениями указанного мыслителя. Логическую важность имеет сочинение Instauratio Magna: в первой части его De dignitate et augmentis scientiarum важна четвёртая книга, где излагается план логики, как её понимал Бэкон, а затем вся вторая часть его, известная под именем Novum Organon. Мелкие сочинения могут служить только к вынесению некоторых заметок, пространно изложенных в Instauratio Magna. Таковы Temporis partus masculus, Cogitata et visa de interpretatione naturae. Мы будем излагать мысли Бэкона преимущественно по главному его сочинению Instauratio Magna.

Novum Organon состоит из двух книг. Первая служит только введением, цель которого — указать необходимость реформы; во второй излагается новый метод.

В предисловии он порицает как тех философов, которые думают о своём всезнании, так и скептиков, отчаивающихся в возможности знания вообще. Можно достигнуть несомненных знаний, но для того необходим новый метод, совершенно отличный от употреблявшегося доселе. Впрочем, он не хотел бы умалять значения и уважения, какого заслуживают древние: ибо их ошибки происходили более от неправильного пути, по которому они шли, чем от недостатка ума, — ни почёта современной философии: ибо она, хотя бессильна для произведения открытия, может, однако, быть полезною для убеждения других, для управления прениями. Кто желает произнести суждение о его предприятии, тот должен тщательно исследовать его метод и даже испытать его на деле (Praefatio 1—6).

Первая книга Нового Органа.
Первая книга занимается приготовлением умов к пониманию и усвоению себе нового метода. В первой части её автор старается уничтожить причины, могущие препятствовать усвоению истины (pars destruens), во второй — он предупреждает ложные понятия, которые могли бы составиться о её методе (это собственно pars praeparans).

Человек может знать настолько, насколько он открывает порядок природы или через наблюдение фактов, или через делаемые им наведéния. Как руки ничего не в состоянии сделать без помощи орудия, так и разум — без метода. Было бы слишком странно предполагать, что без нового метода люди дойдут до чего-либо нового, доселе неисследованного. До сего времени всё новое открывалось благодаря случаю, а не науке, и существующие теперь науки в сущности суть систематизации уже изобретённых вещей, но в них нет никаких указаний на способ изобретения. Современные науки, как и Логика, совершенно бесполезны для изобретения знания и служат только к укреплению заблуждений.

Они пользуются силлогизмом. Силлогизм состоит из предложения, предложение — из слов, слова суть знаки понятий. Если понятия будут смутны и безрассудны, то что же выйдет из силлогизма? Все эти ходячие понятия, как, например, аристотелевские категории или свойства вещей — тяжёлый, лёгкий, влажный, сухой — дурно определены или имеют

фантастический характер. Чтобы улучшить науку, необходимо создавать понятия и суждения более совершенным путём, чем прежде (I—XVIII).

Существуют два пути для исследования и изобретения истины: один идёт от ощущения и частностей к самым общим положениям и от последних, как принципов, направляется к открытию средних аксиом. Этот путь общеупотребителен в настоящее время. Другой также идёт от ощущений и частностей к общим положениям, но восходит постепенно, дабы только впоследствии прийти к самым общим аксиомам. Этот путь верен, но до сего времени он не испробован. Различие в них огромное, хотя точка отправления одна и та же: один ведёт к бесполезным и абстрактным обобщениям, другой ведёт к исследованию природы, почему и следствием первого способа изучения бывают предварения (anticipationes) природы, тогда как второй приём есть настоящее истолкование (interpretatio) её (XIX—XXX).

Посему необходима реформа в самых основаниях: instauratio facienda ab imis fundamentis. Но прежде всего нужно устранить всё, что может препятствовать предпринятому восстановлению науки. Эти препятствия суть заблуждения всякого рода, как бы недействительные и фантастические образы (idola). Они занимают собою ум и препятствуют ему стать на надлежащую дорогу (XXXVIII). Четыре рода таких «важных» заблуждений Бэкон называет: idola tribus, idola specus, idola fori, idola theatri. Учение о них имеет такое же значение в учении об истолковании природы, какое в Диалектике имело учение о софистических доказательствах.

Idola tribus имеют основание в самой человеческой природе, принадлежат целой человеческой породе: человек естественно навязывает многое личное, ему только принадлежащее, природе, считая себя мерой вещей. Idola specus суть образы индивидуального человека: каждый из нас занимает свой уголок в мире, и свет, достигая его, преломляется через среду особенной природы каждого, сложившейся вследствие воспитания и сношений с другими людьми, книг и авторитетов, почитаемых каждым, различия впечатлений, получаемых личностью. Idola fori — это заблуждения, развиваемые обществом вследствие столкновений и сношений его членов. И так как язык есть орудие их, то эти заблуждения усваиваются нами через изучение языка. Наконец, idola theatri называются заблуждения, вкравшиеся в умы от разных философских сект; сюда же относятся принципы и положения многих наук, получившие значение в силу предания и общего доверия к ним (XLI—XLIV).

Idola tribus, или всеобщие заблуждения, возникают или вследствие наклонности ума предполагать в вещах более порядка и правильности, чем сколько в них есть на самом деле, или в силу его предубеждений и предрассудков, или вследствие ограниченности нашего ума, или влияния страстей, или несовершенства чувств, или того способа, каким вещи действуют на нас (XLV–LI). Idola specus, или индивидуальные заблуждения. Их корень — в преобладании господствующих вкусов, в наклонности схватывать только одну сторону вещей — их сходство или различие, в предрасположении к древним или новым мнениям, в привычке учёных искать то слишком простые начала, то представлять мир сложным (LII–LVIII).

Заблуждения языка, или idola fori. Слова господствуют над нами, хотя мы и уверены в своём господстве над ними. Эти заблуждения происходят от того, что есть слова, которым в действительности нет ничего соответствующего, и что с другой стороны, сами вещи, означаемые словами, понимаются нами темно и неопределённо (LIX–LX).

Заблуждения философских школ, idola theatri, происходят от ложных философских учений и ложных приёмов доказательств. Философские системы заблуждаются или в своих основаниях, или в предмете своих учений, или в своём учении о достоверности. Так, одни

философы, называемые у Бэкона софистами или рационалистами, всё объясняют, отправляясь от небольшого числа принципов, основанных притом на поверхностных понятиях (такова школа Аристотеля); другие, эмпирики, отправляясь от немногих наблюдений и опытов, стараются всё свести к ним (таковы алхимики); третьи, суеверные, смешивая разум и откровение, думают открывать истину путём сверхъестественным (такова школа пифагорейцев и платоников). Часто философы занимаются недействительными предметами: так, они трактуют об элементах и элементарных свойствах, о первичных формах видов и тайных качествах, отвлечениях, различии слов, а не действительных силах. Наконец, догматики готовы дерзко решать что угодно, скептики во всём сомневаются и отчаиваются за человеческий разум (LXI–LXVII).

Кроме заблуждений, препятствующих прямо смотреть на дело истолкования природы, самый господствующий метод оказывается весьма недостаточным. Он несостоятелен по слепому доверию к нынешним чувствам людей, по способам, какими они восходят к отвлечённым идеям, по злоупотреблениям силлогистики, чрез которую думают выводить всё из немногих произвольных принципов. Притом опыты производятся неумело, не с целью отыскания истины, а с целью непосредственной выгоды (LXVIII–LXX).

Чтобы вполне освободиться от указанных заблуждений в учении и методе, необходимо увериться в недостаточности современной науки и отдать себе отчёт в причинах научного застоя. Современные науки почти все произошли от Греков, диалектиков по преимуществу, способных более к болтливости, чем к образованию истинной науки. Они созданы были в такую эпоху детства, когда люди бессильны были знать что-либо серьёзно. Мало они принесли и пользы, так как большая часть открытий произошла благодаря случаю, а не науке. При том, в продолжение стольких веков они ни шагу не сделали вперёд. Доказательством несостоятельности современной философии и науки служит, наконец, сознание философов в скудости их знания, хотя по гордости своей они относят своё незнание к темноте самой природы и слабости человеческого разумения, и к разногласиям противоположных школ почти во всех вопросах: ибо прекращение раздора во времена господства Аристотеля было только наружным.

Причины такого положения вещей заключаются:

- в краткости времени, в которое разрабатывались науки у греков, римлян и в Средние века; притом и в это малое время греки и римляне занимались преимущественно моралью и политикой, Средние века — богословием;
- число лиц, всецело посвятивших себя изучению природы, весьма невелико, и большая часть их занималась этим делом случайно и смотрела на науку о природе как на слугу других наук, тогда как она должна быть их матерью;
- незнание истинной цели науки, которая должна вести к полезным для человека открытиям, а не служить для непосредственной выгоды или построения системы;
- употребление дурных методов: ибо люди большую часть стараются выводить всё из собственного ума через размышления или из общих принципов через диалектику, вместо того чтобы обращаться к опыту и индукции;
- всеобщее презрение к мелким наблюдениям;
- слепое уважение к древним временам;
- ложное мнение людей о их воображаемых богатствах, когда они обращают внимание на имеющиеся изобретения, библиотеки, открытия алхимии, магии, тогда как при справедливой оценке всё это доказывает только нашу бедность;
- искусство философов представить свои мнения в форме законченного учения, тогда как следовало бы давать им форму отрывочных мыслей;
- несостоятельность различных новаторов, не исполнивших своих широких обещаний и потому содействующих укреплению веры в Древних;

- малодушие людей, из которых одни полагают произвольные границы могуществу искусства, другие же ставят целью своих исследований слишком ничтожные предметы, вместо того чтобы обнимать всю природу;
- вражда между религией и философией: богословы опасаются, чтоб последняя не открыла чего-нибудь враждебного догматам. Но философия открывает только действия всемогущества Божия, как религия — волю Божию, и потому между ними нет ничего враждебного;
- современное устройство школ и других общественных учреждений, которые вместо содействия научному прогрессу только препятствуют ему;
- отсутствие поощрения;
- наконец, отчаяние в достижении истины, основанное на несостоятельных основаниях (LXXIX–XCII).

Не безнадёжно ли, однако, задуманное предприятие? Чтоб поднять упавший дух того времени и побудить его идти по правильной дороге, нужно было вдохнуть в него надежду на успех нового предприятия. Посему Бэкон перечисляет мотивы, по которым можно рассчитывать на успех этого дела.

- Первый мотив заключается в самом характере предприятия: оно так велико, что, по-видимому, внушено самим Богом.
- Второй — в употреблении дурных методов, вследствие чего можно надеяться, что с лучшими методами успех будет лучшим.

До сего времени представители науки употребляли или опыт, или разум вместо того, чтоб соединять их вместе. Философия была извращена излишней систематикой. Никто не имел достаточно храбрости, чтоб вполне отказаться от ложных теорий и предаться собственно изучению природы. Нет настоящей естественной истории: Аристотелева может быть полезна только для философии. Обыкновенно довольствуются собиранием фактов для очевидных положений, вместо того чтоб вопрошать природу посредством опытов. Если и существуют опыты в механических науках, то они имеют своей целью материальную и притом непосредственную пользу; притом и эти опыты производятся наудачу и без определённого правила: исследователи не отмечают наблюдений и опытов, так что писанный опыт не существует (XCI–CII).

Даже когда собраны все частные факты, не следует быстро, путем аналогии, переходить к частным приложениям, но сначала от них восходить к общим законам природы (ascendendo), а затем исходить от них к приложениям. Не следует делать быстрых скачков к общим положениям: человеческий ум должен быть сдерживаем, а не возбуждаем. Чтобы достигнуть истинных общих положений, требуется другая форма индукции, чем употреблявшиеся до того времени. Старая индукция есть детская игра, ведёт к преждевременным обобщениям и не обращает внимания на случаи, противоречащие выводам; новая индукция следует природе путём исключения и решается на утверждение только отдав отчёт во всех отрицательных случаях. Ошибочность господствующего метода есть обеспечение будущего успеха: следует только поступать во всём ему противоположно.

Кроме того, если случайно люди пришли к таким плодотворным открытиям, то чего можно надеяться при методических исследованиях? Из открытий многие были так неожиданны, что заранее нельзя было и предугадать их (порох, шёлк, компас), другие так просты, что нельзя не удивляться, как человек ранее не пришёл к ним. Как же много открытий предстоит впереди столь же лёгких и столь же мало подозреваемых, особенно если на них будет употреблена хотя бы часть времени, истрачиваемого теперь на бесполезные занятия. Одним словом: относительно нового пути нельзя колебаться — ничего не теряем.

Всё сказанное относится к критике современной Бэкону науки. Это pars destructiva его первой книги второй части Instauratio Magna. За ней следует часть приготовительная, предназначенная для расположения умов к усвоению нового метода и к разъяснению ложных о нём понятий. Пусть не думают, что среди школ и систем он желает основать новую систему и новую школу: его цель — напомнить людям об опыте. Нельзя завтра ожидать непосредственных полезных приложений метода: он желает привести людей к открытию законов и причин явлений, открытие которых впоследствии даст самые разнообразные плоды. Его естественная история может быть не свободна от частных погрешностей, но они не вредят целому и могут быть исправлены при точном познании всеобщих законов.

Она может заключать в себе множество самых обыденных фактов, даже бесполезных, но только изучая последние можно прийти и к объяснению самых редких явлений. Притом, стоит изучать и обыденные явления, когда они существуют в действительности. Факты, не имеющие непосредственного приложения, полезны однако, если они разъясняют природу явлений, если они заключают в себе семена будущих открытий. Для наблюдений и опытов требуется менее тонкости ума, чем сколько развивается её в схоластических диспутах, но здесь есть то различие, что первая полезна для чего-нибудь, вторая ни к чему не ведёт.

В его указаниях на общее заблуждение нет нахальной дерзости: ибо причины его он видит в незнании правильного метода. Пусть не говорят, что мелочные опыты несовместимы с достоинством и спокойствием, приличным науке; напротив, только через точное знание природы, а не системы, постоянно уничтожающие друг друга, возможно прийти к желанному спокойствию. Скажут, что он не даёт в сущности ничего нового, неизвестного древним философам, но сочинения последних достаточно доказывают, что они быстро переходили от фактов к самым общим заключениям, дабы потом через силлогизм выводить из них частные истины. Могут сказать, что он скептик, но он говорит не о невозможности знания, а о средствах к лучшему познанию. Его метод прилагается не только к физическим наукам, но и столько же к наукам нравственным и логическим.

Несовсем верно и то, что он уничтожает господствующую философию: он признаёт пользу её для ораторских и общественных целей; только он считает её неспособною к усовершенствованию человеческого познания (CXVI—CXVIII). Бэкон заканчивает первую книгу размышлениями о великости предприятия и пользе, какую оно может принести.

Вторая книга «Нового Органона»

Во второй книге «Нового Органона» Бэкон, после заметок о цели науки и её делении, излагает свой метод истолкования природы. Человеческая мощь обнаруживается в том, что данному предмету она сообщает новую природу или повышает свойства. Цель человеческого знания — найти форму данного явления, т. е. или истинное отличие её от всякого другого, или производящую его причину. Этим целям подчиняются второстепенные: первая — превращение конкретных предметов одного в другой, конечно, в возможных границах; вторая — открытие скрытого процесса во всяком движении и происхождении, равно как познание скрытого схематизма покоящихся вещей.

До сего времени наука занималась причинами — материальной, действующей и конечной, но отчаивалась в открытии формальных причин или форм. Под формой автор разумеет не какое-нибудь отвлечение, но закон, по которому воспроизводятся простые действия природы. Познание такой формы имеет необыкновенную важность: зная её, мы могли бы объединять многие различные явления и делать из неё множество приложений (Lib. II, aph. I–III). Перейдём теперь к изложению того искусства истолковывать природу, которое есть главная интересующая Бэкона задача. Оно слагается из двух приёмов: с одной стороны,

нужно уметь извлекать из опыта всеобщие истины, с другой — из известных истин извлекать новые опыты.

Искусство извлекать общие истины из опыта возможно благодаря следующим условиям: необходимы пособия для внешних чувств, памяти и разума. Чтобы иметь пособие для чувств, необходимо создать естественную, экспериментальную историю: нельзя ничего дозволять своей фантазии, но должно искать только того, что делается природою. Чтобы наша память не была подавлена множеством фактов, необходимо данные естественной истории располагать в известном порядке, т. е. необходимы tabulae et coordinationes. Наконец, пособие для разума может быть найдено только в истинной индукции.

Бэкон начинает с пособий последнего рода. С одной стороны, он рассуждает об изыскании форм или законов, при чём излагается собственно метод индукции; с другой стороны, он говорит о вспомогательных индуктивных средствах (aph. X).

Исследование форм происходит таким образом. Во-первых, необходимо собрать факты, в каком бы то ни было отношении сходные между собою, т. е. обнаруживающие в себе испытываемое явление. Эта таблица называется у него tabula essentiae et praesentiae. Вторая таблица должна содержать в себе факты, подобные собранным в первой, но не заключающие в себе испытываемого явления, и притом так, чтоб каждый случай второй таблицы соответствовал подобному случаю в первой. Свои теоретические правила Бэкон разъясняет самым делом на исследовании теплоты и к 27 фактам первой таблицы подбирает 32 случая на второй таблице. Последняя называется у него tabula declinationis sive absentiae in proximo.

Наконец, третья таблица указывает степени или сравнительную напряжённость явления и называется tabula graduum sive comparativa. Здесь Бэкон приводит 41 случай обнаружения теплоты в различной степени (XI–XIV).

Когда эти таблицы установлены, начинается труд индукции, определяющей форму или сущность исследуемого явления. При этом не следует торопиться обобщением, но до всякого утвердительного мнения следует собрать противоречащие случаи и обратиться к приёму исключения, т. е. необходимо исключить все те свойства, которые или не встречаются вместе с данным явлением, или попадаются отдельно от него, или возрастают по мере того, как последнее уменьшается или уменьшаются, тогда как данное качество возрастает (XV–XVI).

После исключения должен следовать утвердительный вывод или определение истинной формы. Необходимо обратить внимание на то, что есть общего во всех случаях, указанных в таблицах, и преимущественно на те факты, которые могут освещать нам природу исследуемого качества. Свои замечания Бэкон также разъясняет на примере теплоты (XVIII–XX).

Но индукция нуждается ещё в разных «вспомогательных» средствах для своего полного успеха. Бэкон собирается только рассматривать «следующие» предметы:

- о случаях, имеющих преимущество (praerogativae), или о степени сравнительной важности фактов;
- о средствах, руководящих индукцией (adminicula inductionis);
- искусствах подтверждать её (rectificatio inductionis);
- искусствах видоизменять ход исследований, смотря по природе предмета (variatio inquisitionis pro natura subjecti);

- о преимуществах предметных качеств, т. е. порядке, в каком следует рассматривать эти качества (praerogativae naturarum);
- о границах исследований (termini inquisitionis);
- о приложении индукции в практике (deductio ad praxin);
- о приготовлениях к исследованию (de parascevis ad inquisitionem);
- о восходящей и нисходящей лестнице аксиом (de scala ascensoria et descensoria axiomatum).

Но из этих пунктов Бэкон рассматривает только первый. Он останавливается на преимущественных случаях, способных легко вести к открытиям. Таких преимущественных случаев он насчитывает 27 (Aph. XXI). Все случаи, имеющие преимущество, разделяются на два главных рода: одни имеют значение для теории, другие — для руководства в практике.

Случаи первого рода:

- Instantiae solitariae — факты, которые представляют известное качество в предметах, не имеющих между собой никакого другого сходства, или, напротив, указывают на отсутствие этого качества в вещах во всех других отношениях сходных.

- Instantiae migrantes — случаи, в которых форма исследуемого качества вдруг возникает или уничтожается, увеличивается или уменьшается. Такое качество всего легче замечается.

- Instantiae ostensivae — случаи, представляющие наибольшее напряжение исследуемого качества (XXII–XXIV).

- Instantiae clandestinae, seu instantiae crepusculi — случаи, в которых замечается минимум исследуемого качества. Если оно при малом напряжении производит известное действие, то можно быть уверенным, что оно будет производить его при всех степенях напряженности. Поэтому на основании таких случаев легко можно приходить к самым общим заключениям.

- Instantiae constitutivae, seu manipulares — собрание сходных фактов, представляющих несколько видов, из которых возможно делать заключение к роду.

- Instantiae conformes, sive proportionales, sive similitudines physicae — случаи, обнаруживающие материальное сходство между конкретными существами; сближая, новидомому, самые разнородные предметы, эти случаи ведут к открытию внутреннего строения вещей и указывают единство среди разнообразия (XXV–XXVII).

- Instantiae monodicae, seu irregulares, sive heteroclytae — конкретные случаи, в которых обнаруживается отступление от других случаев подобного рода.

- Instantiae deviante — как бы заблуждения природы, уродства, в которых природа отступает от обычного течения вещей. Различие между первыми и вторыми случаями то, что instantiae monodicae — удивительные разности видов, deviantes же — различия индивидуальные.

- Instantiae limitaneae — сопредельные случаи, т. е. предметы, представляющие признаки двух видов, напр., летучая рыба.

- Instantiae potestatis — или наиболеен плодотворные произведения разума, деятельности и человеческого терения.

- Прежде чем заниматься новыми вопросами, необходимо знать, что уже сделано, дабы труд не тратился без пользы (XXVIII–XXXI).

- Последние пять случаев должны быть замечены ранее других, и наблюдение их должно подготовлять всякую другую работу (XXXII).

- Instantiae comitatus atque hostiles — случаи, в одной части которых есть исследуемое качество, в другой же части его не обнаруживается.

- Instantiae subjunctivae, seu ultimitatis, sive termini — случаи, указывающие, как далеко может идти природа в известном направлении.

- Instantiae foederis, sive unionis — обнаруживающие аналогию качеств по обыкновенному мнению различных предметов: напр., солнечная теплота, искусственный огонь и животная (XXXIII–XXXV).

- Instantiae crucis, seu decisoriae — решительные случаи, показывающие, по какому из двух или трёх путей исследования должно идти. Они суть как бы кресты на распутьях, указывающие, куда ведут разные дороги. Из нескольких возможных гипотез доказывается одна, как подтверждающаяся фактами, и затем отвергаются другие. Бэкон придаёт этим случаям особенно важное значение и потому на разъяснении их останавливается сравнительно долго.

- Instantiae divortii — случаи, в которых качества, обыкновенно существующие вместе, представляются отдельно. Теплота, свет, прозрачность, подвижность существуют вместе, хотя есть светящиеся тела без теплоты и так далее.

Следует за тем пять видов случаев, которые Бэкон называет общим именем instantiae lampadis, sive informativae. Они как бы просветляют чувства, через которые мы знакомимся с предметом. Первые укрепляют, расширяют и исправляют действия чувств, например микроскоп и телескоп, которые делают доступным чувством то, что иначе не могло бы быть замечено, или, например, знаком здоровья служит пульс, тяжесть и плотность и так далее. Третий указывает на скрытые процессы, которые могут быть наблюдаемы только по их следствиям или в главнейших периодах. Четвёртый подставляет один сходный случай вместо другого, когда этот другой по какой-либо причине недоступен. Пятый возбуждает внимание чувств и показывает, до какой степени тонкости могут доходить вещи, например чрезвычайно делимые золото или мускусный запах. Этим случаям Бэкон по обыкновению даёт метафизические названия.

Если Бэкон перечислял случаи, относящиеся к ознакомлению исследователей с предметами, относительно которых он желает делать индуктивные умозаключения, теперь он переходит к исчислению случаев, имеющих значение для самых индуктивных действий, называемых общим родовым именем гадействий. Он подразделяет их на два вида: они либо предупреждают возможность заблуждений, обязывая измерять и исчислять всё наблюдаемое, либо облегчают сами выводы. К первому виду относятся четыре случая, называемые instantiae mensurae, ко второму — случаи, обнаруживающие степень различных видов сил, качеств, свойств и так далее. Они определяют, на каких расстояниях силы действуют, какие свойства обнаруживаются на расстоянии, а какие через прикосновения,

какие действия проявляются при больших силах на малых расстояниях, до какой степени различные тела могут сжиматься или расширяться.

- Instantiae curriculi — случаи измерения сил и их действия по времени, как в предыдущем случае они измерялись через измерение расстояний. Благодаря этим случаям определяется продолжительность действия различных сил, количество действия в данное время, время, в течение которого действие силы становится ощутимым, и т.д.

- Instantiae quanti, sive doses naturae — определяют соотношение количества материи с количеством действующей силы.

- Instantiae luctae, sive praedominantiae — случаи взаимной встречи и взаимного уничтожения качеств. Чтобы определить, какие виды движений могут преобладать над другими, для этого нужно рассмотреть все виды движений и сравнить их между собой (XLVII–XLVIII).

- Instantiae innuentes — показывающие, какие разнообразные приложения уже известных свойств тел возможны к нуждам и потребностям человеческой жизни.

- Instantiae polychrestae — факты, полезные во многих отношениях.

- Instantiae rarissimae — случаи, когда количество материи или действующей силы чрезвычайно мало сравнительно с обнаруживаемым действием и потому кажется фактом «чудесным» (XLIX–LI).

В заключении Бэкон обобщает (LII) свои заметки относительно значения указанных примеров или случаев. На этом его великий труд и останавливается. Из перечисленных в XXI афоризме восьми задач он рассмотрел только первую: de praerogativis instantiarum, оставив другие нерешёнными (т.е. de adminiculis inductionis, de rectificatione, de variatione inquisitionis pro natura subjecti, de praerogativis naturarum, de terminis inquisitionis, de deductione ad praxin, de parascevis ad inquisitionem). Novum Organon, как и Органон Аристотеля, остаётся вечным памятником могущества человеческого гения. Мы видим, как высоко стоял Бэкон над уровнем своего времени. В то время как схоласты ещё тратили свои умственные силы на анализ различных тонкостей относительно terminorum proprietatibus и разрешение причудливых софизмов, Бэкон не только предугадывал настоящий путь человеческого познания, но и ясно отдавал себе отчёт в средствах и способах его расширения.

Что Аристотель сказал об Анаксагоре, именно что он показал себя трезвым среди пьяных, то ещё с большим правом может быть сказано о Бэконе. Можно только удивляться, каким образом вдруг без предварительной подготовки могла в таком разработанном виде явиться теория индукции. Труд Бэкона был мало подготовлен исторически, как и Органон Аристотеля новыми идеями. Логика должна была измениться. Схоластическая диалектика, чуждая всяких мыслей об индуктивных открытиях, не имела, можно сказать, места для последних. В своём обзоре наук, где Бэкон рассматривает, что именно ценно должно быть сохранено из науки его времени, что переработано и создано вновь, касается и логики: именно в первой части своей Instauratio Magna, носящей название De dignitate et augmentis scientiarum, наш автор посвящает целую книгу (гл. I) анализу логики. Для него она есть одна из наук, занимающихся исследованием способностей человека, именно деятельности разума.

План логики.

План логики у Бэкона совершенно новый. Познавательная деятельность человека руководится четырьмя целями. Люди имеют нужду в открытиях, обсуждении найденного, удержании обсужденного в памяти и передаче его другим (Lib. I, cap. I). Эти цели дают происхождение четырём искусствам: искусству изобретения, суждения, намечивания и передачи. Последнее искусство есть риторика, и потому к логике относят только первые три.

Изобретение бывает двоякого рода: одно — изобретение наук и искусств, другое — доказательств и речей. Об изобретении первого рода ещё не существует науки. Это доказывается тем, что до сих пор все открытия были случайны. Притом индукция, о которой трактовала схоластическая диалектика, совершенно неудовлетворительна и ведёт к заблуждениям: в редких счастливых случаях она даёт только вероятное заключение. Силлогизм решительно неспособен вести к каким-либо новым открытиям: ибо силлогизмы состоят из предложений, предложения — из слов, слова суть знаки понятий; если последние отвлекают от вещей, то и силлогизм ни к чему не пригоден.

Новое искусство Бэкон называет ars indicii. Оно имеет две части: одна касается ученого (писавшего litterata) опыта, вторая — истолкования природы и есть новый орган (Novum Organon). Научный опыт трактует о способах ведения опытов. Эти способы состоят в видоизменении опытов (variatio experimentandi), продолжении опыта, перенесении его с одного рода явлений на другой (translatio experimenti), в его превращении, продолжении до последних границ, применении к практике, соединении различных приёмов, дабы наверно прийти к успеху.

Видоизменение опыта прежде всего простирается на материю: когда свойства одной материи уже известны, то делают опыт над материей, подобной первой. Во-вторых, оно простирается на действующую причину: солнечные лучи зажигают тела через известное стекло — спрашивается, обнаруживают ли лучи лунного света те же свойства. В-третьих, оно простирается на количество явления. Продолжение опыта состоит в его повторении и расширении, т.е. когда сила исследуется в более тонких её проявлениях.

Перенесение опыта бывает троякого рода: от природы или случая в искусство, т.е. замеченное случайно или наблюденное в природе даёт повод к искусственному воспроизведению того же факта. Опыт можно переносить из одного искусства в другое: напр., для глаз изобретены очки, нельзя ли изобрести пособие для глухих. Наконец, опыт может быть перенесён из одной части искусства в другую: напр., в медицине средства против болезней могли бы быть полезны для сохранения здоровья и продления жизни.

Превращение опыта состоит в испытании противного тому, что уже известно из опыта: напр., температура увеличивается через стекло — происходит ли подобное с холодом? Произведение опыта с целью уничтожения данных качеств или свойств называется у Бэкона compulsio experimenti. Напр., магнит притягивает железо: будет ли он притягивать его, будучи подвержен действию сильного огня или кислоты. Применение опыта есть извлечение из опыта пользы для каких-либо практических целей. Когда несколько опытов прилагаются к делу для каких-либо целей, происходит соединение опытов. Наконец, экспериментом на удачу (sorte experiment) называется такой опыт, который производится из одного только соображения, что ничего подобного ещё не было испытано.

Надо вообще заметить, что не следует приходить в смущение, когда опыт не удается. Неудачный опыт так же поучителен, как и удачный. Что касается истолкования природы, то Бэкон отсылает читателя к своему труду Novum Organon (Lib. V, cap. II). Изобретение доказательств не есть собственно искусство открытий. Изобретать значит открывать неизвестное. Изобретать же доказательство — значит из имеющейся в душе суммы понятий

искусно выбирать наиболее подходящее к занимающему вопросу или предмету. Поэтому слово «изобретение» употребляется здесь в собственном смысле.

Это искусство ищется в виде двух целей: научить легко находить пригодные для дела доказательства и (топика) дать готовый на все случаи за и против доказательств (promptuaria). Эта последняя часть, впрочем, принадлежит одинаково как Логике, так и Риторике, и потому здесь Бэкон касается её только бегло. Топика делится на общую и частную. Первая слишком подробно излагается в диалектиках, и потому нет нужды останавливаться на ней. Её задача не столько снабдить нас ответами и положительными суждениями, сколько научить правильным вопросам и умению исследовать дела. Частная топика до сего времени не обращала на себя такого внимания, какого она несомненно заслуживала бы. Она говорит о способах исследования и изобретения, применяемых к частным предметам и наукам. Бэкон предлагает пример частной топики в исследовании свойств тяжести и лёгкости (Ibid., c. III).

Суждение происходит либо через индукцию, либо силлогизм. Но судить через наведение и изобретать посредством его — есть одно и то же действие ума; суждение через наведение образуется непосредственно, как и всякое суждение, непосредственно основывающееся на ощущении. Иначе дело происходит в силлогизме, в котором мы идём к заключению через посредство какой-нибудь мысли. О суждениях через наведение говорится в Новом Органоне. Силлогизм идёт от принципов к частностям. Человеческий ум жаждет общих и твёрдых оснований и поэтому спешит от частных фактов как можно скорее дойти до обобщений. Искусство суждения через силлогизм есть ничто иное, как возведение положений к принципам через средние термины. Это возведение бывает прямое и непрямое (т.е. прямое и непрямое доказывание).

С другой стороны, учение о суждении делится на аналитику и учение о ложных умозаключениях. Первая устанавливает правильные формы доказательств, отступление от которых ведет к ложному выводу. Ложные умозаключения можно делить на софистические доказательства, на софизмы грамматические (elenchi hermenias) и софизмы образов или idola. Софистические доказательства весьма подробно разобраны ещё Аристотелем. Софизмами грамматическими называются ложные доказательства, возникающие из неточности и неопределённости употребления слишком общих терминов. Поэтому необходима критика последних, но она ещё не существует. Софизмы образов возникают из разносторонних причин, о которых подробно трактуется в Novum Organon; здесь же Бэкон делает общие замечания о idola tribus, specus, fori.

Учение об искусстве суждений завершается заметками о способе применения доказательств к природе доказываемого предмета (Ibid., c. IV). Искусство удерживать в памяти то, что обсуждено, делится на учение о вспомогательных средствах памяти (doctrina de adminiculis memoriae) и самой памяти. Чтобы облегчить её, необходимо записывать факты: без помощи записи невозможно помнить много мелких и требующих точности подробностей. Особенно эта помощь необходима при истолковании природы. Искусство мнемоники до сего времени было много разработано, но люди имели в виду результаты более необыкновенные, чем полезные.

Искусство состоит с одной стороны в предузнавании (praenotio), т.е. предугадывании условий, которым должно удовлетворять искомое, с другой — в emblemate, или уподоблении интеллектуальных предметов чувственным вещам, которые легче удерживаются памятью (c. V). В этих беглых заметках относительно плана Логики нельзя не видеть попытки Бэкона пересоздать схоластическую диалектику и приспособить её к целям исследования природы. План его Логики прост и вполне достигает цели — сделать анализ как приёмов истолкования природы, так и приёмов доказательства. В нём указаны

некоторые desideria, не исполненные даже до настоящего времени: напр., анализ паучьего опыта никем ещё не был разработан, между тем как полезно было бы предложить общие правила для варьирования эксперимента, имеющего столь важное значение для изучения природы.

Затем, в современной логике нет ничего похожего на частную топику, между тем как было бы важно установить, в каком порядке и какого содержания вопросы могут быть поставляемы нами при исследовании частного явления.

Бэкона обыкновенно называют творцом индуктивной логики. Не он первый, конечно, указал на опыт как на источник знания. Он существовал и до него с того времени, как явился на земле род человеческий. Громадное количество практических знаний, приобретённых случайно, искони было усвоено человеком. Человек всегда был наблюдателем природы, но это наблюдение производилось наудачу. Бэкон первый сознательно указал на опыт как на единственный источник наших знаний и указал приёмы, посредством которых наблюдение природы может принести пользу науке. Но если Бэкон и не может быть назван творцом опыта, то весьма справедливо усвоилось ему название творца индуктивной логики.

Во-первых, резкой критикой он подорвал безграничное уважение умов к схоластической диалектике. Правда, иногда критика Бэкона слишком резка и даже несправедлива к Аристотелю. Но для умов, находивших вкус в трактатах Петра Испанца, требовались сильные средства. В истории только та мысль пробивает себе дорогу, которая высказана резко, без прикрас и посторонних делу соображений.

Во-вторых, Бэкон указал, чем должна была быть настоящая индукция — не та, которой довольствовались умы, слишком поспешные в своих выводах, а как терпеливо и подробно расследование всех случаев, относящихся к исследуемому вопросу.

Остановимся немного на этих пунктах. Некоторые немецкие писатели, среди которых вообще с трудом проникают мысли английских мыслителей, представляют дело Бакона так, что индукция существовала и до него, но он только первый настойчиво указывал на нее как на источник новых сведений о природе. Утверждать так значит не только умалять значение работы Бакона, но и быть положительно к нему несправедливым. До него существовало только слово «индукция», разумели же под ней либо скороспелые выводы из нескольких наблюдений, либо суммирование того, что уже известно в подробностях. Открытия происходили и прежде Бакона, но наудачу, случайно, так сказать, несмотря на одностороннюю логику открывателей. Мы видели, как случайны и ничего не значущи были заметки об индукции у Аристотеля и в схоластической диалектике.

Что же мы видим у Бакона? Во-первых, ясное понимание опыта и притом в таком объеме, что даже теория современного эксперимента мало существенного присоединила бы к сказанному Баконом. Можно сказать, что значение эксперимента выяснено им удивительно для того времени, еще погруженного в схоластику. Описание способа индуктивных выводов из фактов, сравнительно с современной теорией, конечно, не вполне удовлетворительно, но оно было необыкновенным шагом вперед для логики XVI века и безмерно высоко стояло над уровнем логических знаний схоластов. Исчисление преимуществ случаев (praerogativae instantiarum) действительно не может не вызывать удивления к гению Бакона. Оно обнаруживает глубокое развитие идей об индукции и ясное понимание того, что в исследуемых явлениях должно обращать на себя внимание исследователя.

Если нельзя видеть у Бакона ясные идеи во всех последующих методах, получивших определенное выражение в трудах Милля и Бэна, то несомненно, однако, что зачатки трех из них — согласия, различия и сопутствующих изменений — были уже им предложены в его

tabulae essentiae et praesentiae, absentiae и tabula graduum. Если он и не мог представить себе все их значение, всю гибкость этих приемов при исследовании явлений, то не забудем, что Бакон жил три столетия назад, когда астрономия была в большей части умов астрологией, химия — алхимией, а физика в смысле теперешней науки почти не существовала. Принимая все это во внимание, следует сказать не то, что Бакон только развил существовавшее до него, но следует утверждать, что он отыскал своего рода terram novam incognitam, что он положительно создал индукцию как орудие науки о природе.

Критика современного состояния науки есть также вполне гениальный подвиг Бакона. Никто лучше его не понимал скудости умственных средств своего времени, низкого научного уровня его. Никто глубже Бакона не вник в источники человеческих заблуждений, и его анализ последних есть своего рода chef d'oeuvre, достойный стать наряду со второй книгой Novum Organon. Он открыл и показал всему свету вечные источники человеческих умственных слабостей и превратных мнений. В этом отношении труд его поучителен и для нашего времени. Бакон не ошибся, сказав в письме к Карлу о своем сочинении: «Эта книга, надеюсь, будет жить и сделается гражданкой целого мира, что редко случается с английскими книгами» (Oeuvres complètes, vol. III, p. 645).

С Бакона ведет свое начало индуктивная логика. Последующее развитие ее есть явление в высшей степени замечательное. Мы видим два характерных факта. Во-первых, теоретизация индуктивных фактов шла весьма медленно. Мысль совершенно зрела для того, чтобы делать открытия в области естествоведения, как будто не имела сил сознавать в подробностях метод собственной же деятельности. Ньютон и Гершель сделали многое для распространения знаний о природе, но только в лице Милля философская мысль ясно сознает приемы мышления, направленного к исследованию природы. Во-вторых, развитие индуктивной логики совершалось также индуктивным путем. Творцы ее, могущественно отклонившие умы от аристотелевской логики, становясь теоретиками, были вместе с тем и рабочими на поле естествознания.

Сам Бакон превосходно понимал, что наука изобретений будет расти и развиваться только вместе с самыми изобретениями. At certo sciant homines, говорит он, arte inveniendi solidas et veras adolescere et incrementi a sumere cum ipsis inventis: adeo ut, quum qui primum ad perscrutationem scientiae alicujus accesserit, possit habere praecepta inventiva et nonnulla utilia (Oeuvres compl., Vol. I, 266). Бакон не только писал Novum Organon, но и производил многочисленные опыты. Имена Ньютона и Гершеля всем известны. Ювелль тщательно изучал способы, какими мысль доходила до открытий; ему, как известно, принадлежит История индуктивных наук.

После Бакона до Милля три мыслителя потрудились для индуктивной логики: Ньютон, Гершель и Ювелль. О Ньютоне говорит Бэн (Logik, vol. II, 408): нельзя сказать, что он сделал большой сравнительный вклад с Баконом для развития методов доказательства или истории, но зато он дал пример строгого, осторожного исследования, что более всех правил Бакона содействовало развитию теории доказательства и очищению науки от фантастических гипотез. Он впал даже в другую крайность и был слишком строг во всех требованиях к доказательствам: он так не любил гипотез (в смысле предположения причин, о существовании которых мы достоверно не знаем), что желал их полного изгнания из науки.

В третьей книге сочинения Ньютона Philosophiae Naturalis Principia Mathematica есть небольшая глава под названием Regulae Philosophandi (p. 357–358). Ньютон изложил в них взгляд не только на исследование тяготения, но и имел общий характер. Из них можно видеть, чего Ньютон требовал от индуктивного исследования.

Первое правило (causas rerum naturalium non plures admitti debere quam quae et verae sint et earum phaenomenis explicandis sufficiant) указывает следующие два требования от исследователя природы. Во-первых, при объяснении явления могут быть допускаемы только действительные причины (vera e causae). Правило, очевидно, направлено против стремления приписывать воображаемые причины, которых много приписывали ученые при первых встречах с малоизвестными явлениями, — против объяснения явлений одними словами, что как тогда, так и теперь было весьма распространено в ряде философских школ. Во-вторых, не может быть допускаемо больше причин, чем нужно для объяснения явлений. Когда доказано, что известная причина производит данное явление, мы не имеем права предполагать, что тут действуют еще какие-то другие причины.

Второе правило (ideoque effectuum naturalium ejusdem generis eaedem sunt causae): одни и те же причины должны быть сколько возможно удерживаемы для объяснения однородных действий, напр. при объяснении дыхания у человека и животных, притяжения Солнцем Земли, Землей Луны и обычных явлений падения тел. В основе этого правила лежит предположение однообразия природы. Природа везде действует одинаково: различия места и времени не изменяют способа действия причин. Это правило вошло в состав современной индуктивной логики. Изучение причин и их действий становится, очевидно, невозможным делом, если предположить, что причины, производящие явления в кабинете физической или физиологической лаборатории, действуют совершенно иначе за их пределами.

Третье правило (qualitates corporum, quae intendique et remitti nequeunt, quaeque corporibus omnibus competunt in quibus experimenta instituere licet, pro qualitatibus corporum universorum habendae sunt): свойства тел, напряжение которых не может быть ни увеличено, ни уменьшено и которые находятся во всех телах, доступных опыту, должны быть принимаемы за всеобщие качества всяких тел. Таким образом, свойство тяжести Ньютон принимал как принадлежность не только тел земных, но и небесных. Это правило есть только один из случаев единообразия природы.

Четвертое правило (in philosophia experimentali, propositiones ex phaenomenis per inductionem collectae, non obstantibus contrariis hypothesibus, pro veris aut accurate aut quam proxime haberi debent, donec alia occurant phaenomena, per quae aut accuratiores reddantur, aut exceptionibus obnoxiae): выводы, сделанные относительно явлений с помощью индукции, должны быть удерживаемы, несмотря на противоречия гипотез, как вполне или приблизительно верные, пока не встретятся другие явления, требующие большей точности или допускающие в них исключения. Ньютон мотивирует это правило тем, что иначе слишком поверхностные гипотезы могут уничтожить дело индукции. Это требование указывает на необходимость строгого соответствия выводов или обобщений с фактами: в первых должно быть ни более, ни менее, сколько есть в последних.

Но в отношении гипотез Ньютон весьма строг. В тех же Principia (p. 484 Schol. gener.) он прямо говорит, что гипотезам нет места в экспериментальной философии: «Что не следует из явлений, то должно называться гипотезой: гипотезы метафизические, физические, механические, предположения тайных свойств не имеют места в экспериментальной философии».

Эти правила, конечно, далеко не охватывают всех вопросов из области индукции и даже не большую часть их. Но заслуга Ньютона заключается в благотворном примере, поданном им исследователям. Он, как никто в XVIII столетии, постиг дух индуктивного исследования, и его Principia даже более, чем баконовские правила, содействовали развитию здравых взглядов на исследование природы.

Джон Гершель.
Несомненный шаг вперед сделан индуктивной логикой в лице Джона Гершеля, известного астронома. В своём «Разсуждении об изучении естественной философии» (Discourses on the Study of Natural Philosophy) он много разсуждает о принципах, на которых основывается успешное развитие естественного знания, и о правилах, которыми должно руководствоваться систематическое исследование природы. Он повторяет указывания Бакона, но даёт им большую ясность; указывает на опыт как на единственный источник знания, на опасности предрассудков, значение классификации и номенклатуры, наконец, разслеживает понятие причины.

Разсуждение разделяется на три части:

- о природе и преимуществах научного изучения вообще,
- о принципах, которых необходимо держаться, дабы с пользой заниматься естествоведением, и о правилах, которые должны руководить систематическим исследованием природы,
- деление естествознания на различные отрасли и их взаимное отношение.

В настоящем случае нас интересует только вторая часть труда: ибо она в сущности содержит теорию индукции. Поэтому мы займёмся только ею.

Опыт есть источник наших знаний о причинах явлений. Абстрактные науки занимаются необходимыми истинами, но nomine причины им чужды. Что сделается с куском сахара в воде — это мы можем узнать только из одного опыта. Опыт бывает либо простым наблюдением, либо намеренным опытом. Руководствуясь последним, необходимо освободиться от всяких предрассудков и воспринимать только то, что дается наблюдением как чистый факт. Существуют два рода предрассудков, имеющие различную силу над духом и потому требующие не одинаковой борьбы с собой: предрассудки мнения и предрассудки чувств.

Под первыми разумеются мнения, почерпнутые из уверений других или из собственных, но беглого осмотра и наблюдения. Бороться с ними возможно двумя путями: необходимо либо доказать несостоятельность фактов, на которые они опираются, либо показать возможность лучшего их объяснения. Часто также наши ощущения дают повод к неправильным суждениям (Th. II, c. I, 64–73).

Что делать с явлениями, представляющимися нам в наблюдении? Их нужно анализировать. Так как явления темны и сложны, необходимо разрешать их на простые составные части. Через такой анализ мы приходим к законам природы. Закон природы есть:

- общее положение, абстрактно выражающее действие естественных сил, управляющих группой фактов при известных обстоятельствах;
- положение, означающее, что класс индивидуумов сходен в известном отношении сходен и в другом.

Иногда закон выражает только взаимное сходство предметов, но даже и полное их тождество. Приёмы исследования, через которые мы приходим к обобщениям, называются индукцией, и ею можно пользоваться двумя способами:

- во-первых, сопоставляя и сравнивая известные классы предметов и замечая их сходство и различие,
- во-вторых, наблюдая известный класс индивидуумов и замечая, в чём они сходны.

Гершель желает указать, в чём состоят процессы постепенного исследования естественных законов, равно как вспомогательные средства, которыми ум пользуется в этом случае (Ibid., c. II).

Прежде всего необходимо наблюдение явлений. Полезное для науки наблюдение состоит из двух частей:

- точное замечание наблюдаемого предмета и всех подробностей, находящихся в естественной связи с ним,
- точное и верное изложение наблюдаемого.

Самые мелкие подробности не должны быть опущены из виду. Там, где возможно измерение или исчисление, необходимо давать точные указания и замечать данные относительно времени, пространства и всякой количественной стороны явлений. Изложение наблюдения должно быть не только обстоятельным, но и полностью истинным. При этом каждый наблюдатель должен иметь самое обширное знакомство не только с наукой, к которой относятся его наблюдения, но и со всякой отраслью знания, которая может быть полезна для его исследований (Ibid., c. III).

Замеченный предмет должен получить своё имя. Оно не только даёт нам возможность вкратце, без описаний, упоминать о предмете, но усвоение имени в сущности есть признание его как самостоятельного предмета нашего исследования; оно становится как бы заголовком, под которым собирается наше знание. В виду многочисленности предметов необходимо держаться системы и известных правил в номенклатуре: придерживаясь имен, ставших уже общеупотребительными и терминами, не дозволяется ни малейшего произвола. Затем предметы, в известных отношениях сходные, необходимо по степени сходства соединять в группы и классы (c. II).

Объяснить явление значит указать его причины, t. i. eius causae, которые Ньютон противополагал гипотетическим причинам. Когда установлена точная аналогия между многими фактами и причина одного из них известна, то мы имеем полное право предполагать такую же причину других подобных явлений. Но иногда причина явления не очевидна сама по себе и не выводима по аналогии. Тогда необходимо обобщить все параллельные явления в один класс и искать, в чём они согласны, кроме исследуемой стороны. Такого рода случаи самые обыкновенные, и в них следует руководствоваться известными правилами, вытекающими из характера отношений между причиной и действием.

Так как эти правила очень любопытны, то мы приведём их здесь полностью:

Если в группе фактов оказывается один, в котором нет интересующей нас характерной черты или подобная побочная обстоятельства или находится черта противоположная исследуемой, то она не может быть искомой причиной.

Обстоятельство, в котором согласны все факты, есть или искомая причина, или второстепенное действие её; когда такое обстоятельство замечено только одно, то оно есть несомненно причина; если их много, возможно, что они совместно действующие причины.

Причину, за которую говорит строгая аналогия, мы не должны отвергать потому, что не ясно, как она производит данное действие, или непонятно, каким образом она может существовать при данных обстоятельствах; мы должны обращаться к опыту и пытаться разъяснить себе причину наблюдением, а не рассуждать против неё a priori.
Отрицательные факты так же поучительны для открытия причины, как и положительные.

Часто причины разъясняются вследствие того, что мы располагаем факты, смотря по напряжённости в них известного характерного свойства; необходимо помнить, впрочем, что различие напряжённости в явлениях может происходить от противодействующих причин.

Часто незаметные, противоположные или побочные причины уничтожают действие искомой причины в случаях, которые при отсутствии их давали бы положительный ответ; такие исключения легко устранить, удалив указанные побочные причины. Это особенно важно, когда представляется одно исключение против прямого вывода из всех остальных фактов.

Если мы можем найти два факта, совершенно согласные между собой за исключением одного обстоятельства, то нужно выяснить значение этого пункта для произведения явления. Если в одном случае есть упомянутое обстоятельство, а в другом — нет, то сопутствование или несопутствование явления покажет, зависит ли явление от него единственно или нет. Дело становится очевидным, когда в двух случаях одно обстоятельство проявляет себя противоположным образом, отчего и действия его должны ожидаться противоположными. Если присутствие или отсутствие обстоятельства ведёт только к изменению степени напряжённости явления, то мы можем смотреть на него как на причину или условие, действующее вместе с другой причиной, которую ещё нужно отыскать. При опытах подобные случаи возникают часто.

Когда невозможно удалить обстоятельство, влияние которого определяется нами, мы должны обращаться к случаям, в которых оно видоизменяется в своей степени. Если это невозможно, необходимо пытаться ослабить или усилить влияние исследуемого обстоятельства введением нового и таким непрямым путём убедиться в его влиянии. Но при этом нужно помнить, что полученное таким образом доказательство есть не прямое.

Сложные явления, в которых действуют различные противоположные и одна от другой независимые причины, могут быть упрощены тем, что действие известных причин мы можем вычесть из него через дедукцию и иметь дело только с неразложенным остатком явления.

Когда объяснение достигнуто, необходимо оправдать (подтвердить, доказать) сделанный индуктивный вывод. Для этого нужно тщательно рассмотреть, объясняют ли все случаи исследованного факта найденной причиной или обобщены нашим законом. Если оказывается много разнообразных исключений, то во всяком случае не следует слишком доверять сделанному обобщению. Где подробности явления остаются необъясненными при проверке вывода, они должны быть предметом новых индуктивных исследований. Далее следует обращать внимание, имеет ли полученный закон природы всеобщий характер и распространяется ли он на новые случаи. Самым лучшим доказательством верности и широты вывода служит то, когда он подтверждается какими-либо неожиданно открытыми новыми фактами. Затем конечный вывод индукции должен быть обследован во всех своих следствиях и даже применён к самым отдалённым, по видимому, случаям. Впрочем, исследовать применение закона до последних пределов можно только через дедуктивный процесс.

От проверенных индуктивных выводов Гершель отличает непроверенные, называемые эмпирическими законами. Они не должны быть распространяемы на другие явления, кроме тех, которые в них обобщаются. Замечания о praerogativae instantiarum Бакона Гершель заключает главу (с. X). Как выводы и законы первой степени получаются из рассмотрения отдельных фактов, так из этих законов создаются теории. Непосредственная цель их заключается в объявлении явлений и знании скрытых процессов природы, насколько возможно исследовать их происхождение.

Но так как само происхождение явлений часто скрыто от нас, необходимо прибегать к гипотезам. Последние по отношению к теориям тождественны ближайшим причинам по отношению к индукции первой степени. Они служат мотивами к изысканию аналогий, точками отправления для исследования фактов.

При образовании теории относительно явлений природы необходимо прежде всего обращать внимание на силы, их производящие, или вероятные последние причины. Они должны быть causae, выведенные индуктивным путём. Далее мы должны наследовать законы этой деятельности, что производится с помощью следующих приёмов:

- через индукцию,
- через образование смелой гипотезы и проверку её фактами,
- через смешанный процесс, когда мы делаем предположение относительно закона столь общее, что в нём может заключаться безграничное разнообразие частных законов, затем делаем выводы из своего предположения, постепенно сравниваем их с известными частными случаями и, наконец, после сравнения изменяем, насколько это нужно, выражение предположенного общего закона.

При обсуждении теории не следует смотреть прежде всего на то, удовлетворительно ли она объясняет известный процесс или механизм; в этом отношении возможно только непрямое убеждение вследствие согласия вывода с фактом. Гораздо важнее определить, обнимает ли теория все факты, все законы, данные наблюдением и индукцией. При двух теориях, одинаково объясняющих многочисленные классы фактов, необходимо делать так называемую перекрёстную проверку.

Итак, теории создаются всего лучше через рассмотрение всеобщих законов, проверять же их лучше всего через сравнение с отдельными фактами. Образуя их, необходимо знать обстоятельства и все данные, к которым мы желаем применять теорию. Без точных данных самая лучшая теория бесполезна. Об этом условии Гершель рассуждает довольно подробно (с. VI).

На седьмой главе мы не будем останавливаться. Она рассуждает о прежнем и современном состоянии естествоведения и о причинах настоящих быстрых успехов его.

Четыре из указанных девяти правил философствования — второе, седьмое, восьмое и девятое — суть четыре экспериментальных метода; они определены достаточно точно, хотя и не так ярко выставлены, как у Милля, в качестве достаточных и единственных методов индуктивного доказательства. Остальные правила касаются более способов открытия: первое правило точнее ставит главный баконовский принцип исключения, основание методов согласия и различия. Третье правило требует умозаключения по аналогии, но понятно, что вывод в этом случае бывает весьма нерешителен и скорее составляет гипотезу, чем строго научное заключение. Четвёртое замечание трудно приложимо к делу, хотя и важно само по себе. Пятое и шестое правила весьма полезны для приведения данных наблюдения в порядок и для исследования сложных причин.

Таким образом, теория исследования природы у Гершеля является более сложной, чем у Ньютона. Она обнимает не только доказательства, приёмы исследования, но и самые способы открытия, не только заявляет требование осторожности при гипотезах, но говорит об образовании и доказывании теорий, указывает на высшие ступени индуктивного обобщения, мало того, признаёт необходимость соединения дедукции с индукцией и впервые вводит в индуктивную логику понятие эмпирических законов.

Уевелль.

«Novum Organon renovatum» Уевелль имеет предметом свой обзор методов науки. Он основывается на истории научных открытий и научных идей. Его теория, следовательно, возникла как бы из фактов научного движения. Его «История индуктивных наук» делится на две части: историю научных идей, как, например, идей причин, средств, жизни, составляющих предмет различных знаний, и историю научных открытий, где излагается,

каким образом посредством идей и понятий отдельные факты соединяются в одно целое. Он очень оригинально понимает прием обобщения, трактуя его не как развитие понятия на основании сравнивания фактов, а как наведение на факты понятий, образованных умом. Поэтому научных процессов у него два: развитие понятий и связывание фактов; первый должен стремиться к уяснению понятий, второй — к приближению фактов к понятиям. Главный вопрос науки состоит в том, чтобы навести понятия на факты. Ознакомившись с ними, исследователь должен тщательно и многократно взвесить, какое именно понятие всего более идет к фактам. Он должен перебрать их несколько и часто отбрасывать те, которые не идут к делу. Наконец, когда по счастливому вдохновению исследователь напал на удачную мысль, то о нем можно уже сказать, что он соединяет факты в целое.

Но откуда берутся понятия, которые должны быть наводимы на факты? Уевелль говорит, что они даются умом, тогда как факты сообщаются чувствами. Поэтому понятия у него первоначальные дары природы, передаваемые из поколения в поколение. Не есть ли это врожденные идеи? Любопытно, что к определению Уевелль относится совсем неблагосклонно. Это средство разъяснения понятий, по его мнению, не заслуживает чести быть в числе настоящих методов разъяснения. Вообще он не различает ясно обобщения понятий от обобщения предложений; а этот недостаток весьма важен: обобщение предложений может действительно состоять в наведении их на большее и большее количество случаев, тогда как обобщение понятий никак не может быть сделано иначе, как путем постепенного выведения сходных черт из большего количества фактов.

В третьей книге своего «Novum Organon» Уевелль трактует о методах образования науки — о методах наблюдения, методах достижения ясных идей и методах индукции. Всякое наблюдение требует предварительного анализа или разложения фактов, затем труд исследователя должен состоять в точном измерении, для чего он должен воспитать свои внешние чувства. Впрочем, правила наблюдения Уевелля слишком общи и не идут дальше советов изучать естественную историю. Методы достижения ясных идей ограничиваются наставлением изучать те области знаний, в которых встречаются идеи. Наконец, метод индукции имеет в виду главным образом способы открытий, и потому Уевелль не упоминает о трех известных опытных методах, имеющих в виду изыскание новых законов на основании известных фактов. Уевелль говорит о специальных методах индукции, приложимых к количественной стороне явлений, затем о методах индукции, основывающихся на сходствах: о законе непрерывности, методе степеней и естественной классификации; наконец, он кончает свою книгу весьма ценными замечаниями о требованиях научного языка.

До Милля Уевелль мог считаться одним из лучших представителей теории индуктивной логики. Основываясь на историческом изучении развития индуктивных идей, он был в состоянии подметить и обобщить многие частности в приемах исследования природы и понять изучение последних как целую совокупность приемов, взаимно поддерживающих, уясняющих и дополняющих друг друга. Если чего недоставало ему, то именно ясного представления того значения, какое должна иметь индуктивная логика по отношению к исследованию природы. Уевелль пытался создать логику открытий. Но открытия главным образом основываются на гениальной прозорливости и сообразительности исследователя, чего никакая логика дать не в состоянии. Индуктивная логика не может взять на себя труд быть руководительницей при открытиях, все равно как никакая эстетика не может учить художников создавать художественные произведения. Дать твердую почву для индуктивной логики и ограничить её область полезным и достижимым целями было суждено одному из самых талантливых представителей Баконовского направления в Англии — Джону Стюарту Миллю.

Джон Стюарт Милль.

Сочинение Милля, ныне еще столь важное для успехов индуктивной логики в настоящее время, есть «System of Logic, Ratiocinative and Inductive, Being a Connected View of the Principles of Evidence, and the Methods of Scientific Investigation», в двух томах. Автор не выдавал своего труда за что-то совершенно новое. «Эта книга», говорит он в предисловии к первому изданию, «не имеет притязания дать новую теорию умственных операций». Её право на внимание, если только оно есть, основывается на том, что она представляет попытку создать целое и систематизировать лучшие идеи, когда-либо развитые лучшими авторами по её предмету. Что было доселе разрознено, излагалось отрывочно то здесь, то там, всё это соединено Миллем в одно целое; что, наконец, было намеренно упускаемо из виду и призиралось как схоластическое наследие, а между тем было существенно необходимо для самой же индукции, то основа выведено им на сцену.

Последнее замечание касается так называемой Аристотелевской, или, как она называется в Англии, школьной логики (Logic of the Schools). Действительно, со времен Бэкона в Англии установился обычай трактовать упомянутую логику свысока и не давать ей никакого значения для исследования природы. Эта логика годится только для схоластических тонкостей. Бэкон, конечно, имел достаточные причины относиться к Аристотелевскому открытию резко. Он чувствовал на каждом шагу давление авторитета Аристотеля и знал по опыту, как умы, на нем воспитанные, были чужды истинного реального духа и не умели здраво относиться к задачам исследования природы. Ему было поэтому естественно некоторое излишество в отрицании значения Аристотелевской или формальной логики. Но Баконовское отношение к ней так и осталось у всех, шедших по его направлению.

Ньютон ни единым словом не упоминает о ней, Гершель и Уевелль также сторонятся от этого великого памятника человеческого ума. Если судить по ним, то у индуктивной логики нет ничего общего с ней: первая есть альфа и омега человеческой мудрости. Обойтись совершенно без Аристотелевской логики все-таки было невозможно. Ни одна наука не создается одной индукцией. Ей нельзя обойтись без научной терминологии; следовательно, логика наук должна подвергнуть анализу имена, прилагаемые нами к явлениям; ей нельзя обойтись без приложений, и о них не должна молчать логика: ей нужно систематизировать законы, факты, выводить частные законы из общих, подводить новые факты под известные законы. Каким образом могла бы понимающая себя индуктивная логика пройти молчанием силлогизм? Без умозаключения, без силлогистической связи мыслей нет доказательства, обобщения, системы.

Первое достоинство труда Милля заключалось в том, что он сошел с узкой тропы, по которой шли его предшественники, и расширил взгляд на индуктивную логику, внес в неё всё, что необходимо для развития индуктивной логики. Правда, он не особенно смело отважился на этот новый путь. Он не осмеливается защищать силлогизм сам по себе как самостоятельный и самоценный прием, и выдает головой защитников силлогистической теории её противникам, «новым философам». Но, внося учение о силлогизме в свою книгу, он надеялся, что новый его взгляд на природу и функции силлогизма примирит его противников. Также точно он извиняется за внесение в свою логику учения о именах и предложениях: «Многие полезные принципы и подробности, содержавшиеся в старой логике, постепенно были опускаемы в сочинениях последних её представителей; мне показалось желательным вновь вызвать их и преобразовать, и оправдать теоретически философское основание, на котором они стояли». Пусть, однако, не думают читатели, что первая книга, обречённая на возобновление этих тонкостей, имеет схоластический характер — ибо они поставлены в связь с рассуждениями, составляющими содержание других книг.

Как бы то ни было, «Логика» Милля есть уже попытка соединить формальную логику с индуктивной. Его взгляд на неё положительно шире взгляда всех его предшественников. У

него первая книга посвящена анализу имен и предложений, а вторая — разбору учения о силлогизмах. Сюда вошло, очевидно, многое, что прежде излагалось и теперь излагается в школьных логиках, хотя под другими именами: учение Милля об именах совпадает с учением формалистов о понятиях; предложения — это те же суждения немецких логиков; новых силлогизмов никаких Милль сам не изобрёл. Но есть одна особенность учения Милля об этих предметах, которая в глазах некоторых наших читателей, пожалуй, покажется и недостатком. Этим элементам логической жизни не дано у него никакого самостоятельного значения; они трактуются Миллем настолько, насколько имеют смысл по отношению к индукции.

О именах он говорит только по отношению к классификации и терминологии. Но почему они не могут представлять интереса по отношению к дедукции? Дедукция невозможна без силлогизма; силлогизм невозможен без среднего термина, а последним может быть только имя, как говорит Милль, понятие — как сказали бы мы. Очевидно, имя представляет глубокий логический интерес не потому, что оно есть слово, прилагаемое к вещи, а потому, что оно соединяется с умственным образом именуемой вещи, с представлением её содержания. Следствием такого отношения Милля к делу было то, что он не пошел дальше во внешнем характере имени. Оттого же и силлогизм, этот самый важный приём логической жизни, не привлек к себе самостоятельного внимания его. В учении о нём Милля вы найдете упоминание о сторонах, которыми он соприкасается с дедукцией, и о многом другом, вовсе не касающемся силлогизма (например, в V, VI и VII главах II-й книги), но не найдете подробного и отчетливого понятия о частных приёмах силлогизма.

Для анализа силлогизмов у него отведено всего шесть страниц. Он боится слишком заняться им, чтобы «many philosophers» не показалось это скучным и схоластичным. Такая краткость не есть явление случайное. Между тем силлогизм есть явление в высшей степени любопытное и важное как для науки, так и для практической жизни. Наука становится в полном смысле слова наукой только тогда, когда она принимает дедуктивный характер, что невозможно без силлогизма. А в практической жизни разве мы не обращаемся к нему? Мы спорим, доказываем и опровергаем, рассуждаем и развиваем свои мысли только с помощью силлогизмов. Одно то, что большая часть доказательств развивается непременно силлогистически, должно было бы привлечь внимание Милля к силлогизму. Но повторяем, во всяком случае заслуга Милля немалая в том, что он как бы возвратил английской логике то, что ею было забыто в жару увлечения. Он не воздал подобающего уважения старым Аристотелевским элементам логики, но и в крайней мере свернул с узкой колеи, по которой двигалась большая часть его предшественников и современников.

Во-вторых, Милль содействовал установлению правильного взгляда на индукцию. Бэкон желал создать Логику открытий; он хотел указать путь, которым естествоиспытатель должен прийти к новым истинам. Если бы рождение новых истин и открытий было делом методов, то не было бы ничего легче, как прокладывать новые пути знания. Тогда в один XVII век мысль человеческая опередила бы науку XIX столетия. Стоило бы заглянуть в «Novum Organon», и открытия производились бы десятками. К сожалению, открытая, невозможная при дурных методах, не достигается одной правильностью их. Требуется ещё нечто такое, что мы называем обыкновенно изобретательностью, гениальной прозорливостью и т. п. Этого никакая Логика дать не в состоянии, и безполезно было бы пытаться руководить кого бы то ни было на пути к открытиям. Нужно, посему, ясно различать «искусство открытий» от индуктивного приёма. Смешение того и другого помешало Бэкону сосредоточиться на действительно полезных правилах индукции. Он внес некоторую путаницу в понятие индукции. То же самое мы видели и в советах Ньютона, Гершеля и Уэвелля. Они смешивали открытия с индуктивными выводами, а потому и не в состоянии были дать систематический характер своей теории индукции.

Милль первым выяснил понятие о ней и отделил от неё то, что никак не может быть предметом систематической теории. «Индукция» («System of Logic», 5-е издание, London, 1862, стр. 314) может быть определена как приём открытия и доказывания общих положений, — говорит Милль. Она не может иметь в виду открытие новых фактов, новых причин, не может наводить мысль человека на новые факты. «Изобретение», говорит Милль (стр. 315), «хотя дар его может быть развиваем, не может быть подведено под правило; нет науки, которая могла бы навести человека на мысль о том, что пригодно для его цели. Но когда он подумал о чём-нибудь, наука может сказать ему, соответствует ли его мысль цели или нет. Исследователь или доказыватель должен руководствоваться своим знанием и своей мудростью в выборе индукций, из которых он хочет построить своё доказательство. Но состоятельность аргумента, уже построенная, зависит от принципов и должна быть испытываема… Чувство или свидетельство должно решать относительно индивидуальных фактов; правила силлогизма должны определить, действительно ли, предполагая факты совершенно верными, случай подходит под формулы различных индукций, под которые он был последовательно подведён, и, наконец, законченность индукций должна быть определена другими правилами».

Посему Милль, трактуя об индукции, желает собственно наследовать, как устанавливаются общие положения или законы (там же, стр. 318). На основании фактов, известных, мы должны открыть неизвестный закон и доказать, что этот вывод есть действительно приобретение науки, а не просто фантазия. Явления даны нам в известной последовательности или сосуществовании: мы должны индуктивно сделать заключение об их ограниченной зависимости. Логика не может сказать нам, на какие факты мы должны обратить внимание, или как устроить, чтобы факты могли сказать нам что-нибудь, или как дать им группировку и т. п. Это всё есть дело гениальной прозорливости и изобретательности. Но коль скоро мы уже обратили внимание на факты, заметили их последовательность, Логика может вывести общее положение о признании между ними зависимости. При таком взгляде индуктивная Логика становится наукой об индуктивном доказательстве.

Нам сообщают, положим, новое открытие; мы требуем доказательств, и вот они приводятся по четырём методам: экспериментальная исследование — по методу согласия, сходства, остатков или сопутствующих изменений. Очень может быть, что исследователь делал открытие путем какой-либо из этих методов, но почему избрал он тот или другой метод, почему он расположил в эксперименте факт известным образом? Это есть дело его личной догадливости, и Логика отнюдь не может взяться за теорию того, как делаются открытия в лабораториях. Только тогда, когда открытие явилось в свет, мы можем судить с помощью Логики, действительно ли оно научно и доказано, и каким методом.

В-третьих, труд Милля был первой серьёзной попыткой систематизации индуктивных приёмов. Элементы индуктивной Логики были более или менее разработаны и до Милля. Мы видели, что идеи методов, хотя и не совсем ясные, были уже у Бэкона, что Ньютон и Гершель обратили внимание на вспомогательные средства индукции, и что Уэвелль пытался дать теорию индукции как одного целого. Но только Джону Стюарту Миллю суждено было побороть большую часть затруднений при систематизации многих подробностей этого обширного рода приёмов.

Рассматривая труд Милля в целом, мы должны сознаться, что он удачно достиг своей цели. Прежде всего он указывает основание всей индукции и находит его в единообразии течения событий в природе, в том единообразии, которое мы стремимся уловить и выразить в открываемых нами законах природы. Очевидно, что сомнение в этих принципах делает невозможным и бесполезным изучение природы, а главным образом сделало бы

совершенно бессмысленным и наши индуктивные заключения от известных фактов к неизвестным.

После замечаний об источниках наших сведений о природе Милль переходит к изложению четырёх методов индуктивного исследования — методов согласия, различия, остатков и сопутствующих изменений. Нужно заметить по этому поводу, что никто до Милля с такой точностью и определительностью не излагал упомянутых методов. Можно сказать, что к сказанному по этому предмету Миллем едва ли в состоянии было прибавить что-нибудь последующая наука. Затем излагается сущность дедуктивного метода, завершающего дело индукции, и излагаются способы разъяснения законов природы. По поводу разъяснения законов природы делаются замечания о гипотезах. Сюда же естественно должно было войти и разъяснение эмпирических законов. Милль первым внес в Логику учение о случае или так называемую логическую теорию вероятности.

Наконец, было необходимо упомянуть о единообразии сосуществований, независимых от причинности, о приблизительных обобщениях и о разных других законах природы. Таким образом, вопросы, связанные с индуктивными приёмами, разработаны в целом систематическим образом, хотя мы должны будем указать впоследствии и на некоторую спутанность в частностях.

Вместе с основными приёмами и принципами индукции Милль, лучше чем кто-либо до него, рассмотрел (и в этом случае отрывочно) приёмы, играющие только вспомогательную роль при индукции: таковы — наблюдение и описание, отвлечение или образование понятий, процесс именования, требования философского языка и принципы определения, различные роды классификации. Все более или менее важные индуктивные приёмы вошли в состав труда Милля. Можно возражать против частностей, можно присоединять и исключать из состава индуктивной Логики некоторые подробности, но основная форма её, так сказать, скелет её, останется неизменною.

Не забудем ещё о двух совершенно новых отделах индуктивной Логики, также впервые обработанных этим гениальным мыслителем. Во-первых, теория ошибок и применение общей теории Логики к так называемым «нравственным» наукам. Ошибки под именем «ложных умозаключений» рассматривались и прежде. Уже Аристотель обратил на них внимание. Но Логика, исчисляя ошибки мышления, довольствовалась указанием лишь тех немногих заблуждений, которые происходят от несоблюдения силлогистических правил.

Индуктивная Логика уже не могла довольствоваться таким «невинным» перечнем. На всех путях индуктивного исследования природы, на которых ум человеческий стремится к истине, он допускает ложь. Пять указанных Миллем классов ошибок почти исчерпывают наиболее важные роды человеческих ошибок. Они могут происходить или a priori, то есть заключаться в некоторых естественных предубеждениях, или от недостатков в наблюдении, как в источнике знаний, или от неверностей в обобщениях, или от неправильностей в умозаключении, или от неопределённости терминов и доказываемых положений.

Что касается «Логики моральных наук», присоединённой к его общей Логике, достойной пера Милля, видно уже из того, что она имела огромное влияние на английскую историческую литературу. Известно и у нас, во многих отношениях, талантливое, хотя и переполненное промахов сочинение Бокля: «История цивилизации в Англии» было собственно написано по программе Милля.

Таким образом, современный естественный науки, с их прочным основанием, с обилием методов и приёмов, открывающих человеческому уму новые горизонты ведения, нашли себе достойного выразителя в лице Милля.

Но в месте с неотъемлемыми достоинствами «System of Logic» как первая систематическая попытка дать теорию индукции имела также важные недостатки. Не станем повторять сказанное по поводу первых двух книг этого труда, в которых дано место содержанию обыкновенной школьной логики. Мы уже видели, какое незначительное место отведено у Милля именам и силлогизмам. Но, касаясь только остальных четырёх книг, мы не можем не заметить, что, хотя в целом они представляют собой нечто органически связанное, в подробностях их есть немалая спутанность.

Таким образом, мы встречаем в III книге вслед за главами VIII и IX о четырёх методах экспериментального исследования и примерах их, главу X — о множественности причин и о смешении действий, требующих дедуктивного метода. Но о дедукции, не хотел ли Милль говорить в книге об умозаключении? Почему там мы не встречаем его весьма проницательных заметок о дедуктивном методе? Почему приём аналогии не поставлен в связь с приёмами индуктивными и не выяснен его смысл (глава XX, кн. III)? Почему в XXI главе III книги мы вдруг встречаем рассуждение о очевидности закона всеобщей причинности, когда все рассмотренные предшествующие приёмы и все предыдущие рассуждения несомненно предполагают её?

В числе вспомогательных приёмов индукции мы встречаем именование вещей, хотя Милль этому же самому предмету отвёл специальные главы в I книге своего труда. О классификациях Милль трактует в VII и VIII главах IV книги и в VII главе первой книги. Касаться одного и того же предмета в нескольких пунктах своего труда всегда невыгодно для автора: это большей частью значит, что он не сумел дать самостоятельное место этому предмету в своей системе.

С другой стороны, нельзя не заметить, что в «Логике» Милля есть немало лишнего материала, который по своему характеру и не может входить в логику. Таково, например, доказательство, что математические аксиомы суть плоды индукции: анализ их имеет место только в логике математики; или, например, вся XXIV глава книги III, где Милль говорит «Of the remaining Laws of Nature». Мы не касаемся частных параграфов, из которых порядочное число могло бы быть опущено ради краткости и ясности подробностей труда.

Бэн

Свой обзор индуктивной логики мы закончим анализом труда Бэна: Logic, P. I. Deduction, P. II. Induction, 1870. Этот труд несомненно вносит много нового в индуктивную логику, он во многом разногласит с Миллем, во многих отношениях пополняет выводы его или идёт далее их.

Во введении автор указывает психологические основы логики, первые её принципы, классификацию наук, различные взгляды на область логики и деление её. Так как она имеет дело с законами и действиями духа, Бэн заранее устанавливает свой взгляд на происхождение знаний и даёт свой анализ его. Он упоминает о двух основных фактах душевной жизни. Чтобы чувствовать что-нибудь, для этого нужна непрерывная впечатлительность; следовательно, первый психологический факт есть факт различения или относительности (Discrimination or Relativity). Когда затем впечатление через некоторое время повторяется, мы сознаём сходство нового впечатления с прежним: второй психологический факт есть уподобление или сходство (Agreement or Similarity).

Наше знание факта есть различение его от других фактов и уподобление или отождествление его с подобными фактами. Бэн утверждает, что функция уподобления есть основа умозаключения и что умозаключение во всякой форме есть уподобление. Наконец, с психологической точки зрения Бэн утверждает, что всякое знание наше внешнего и

внутреннего мира основывается на сознании или на опыте, и что мы должны допускать только один источник знания — опыт.

Говоря о первых принципах логики, автор принимает начала состоятельности мысли, рассматриваемой самой в себе, и под ними разумет так называемые законы мысли: тождество, противоречие и исключённого третьего; во-вторых, принципы дедукции — первый: что истинно относительно целого класса, то истинно относительно всего, что может быть подведено под него, и второй: вещи, сосуществующие с одною и той же вещью, сосуществуют вместе; в-третьих, принципы индукции: всякое событие единообразно предшествует другим каким-либо событиям — это закон причинности. Очевидно, внесение этих принципов в число общих законов, управляющих мышлением, есть мысль счастливая.

Как дедукция, так и индукция делаются нами на основании указанных предположений. Усомниться в них значило бы сделать невозможными дедуктивный вывод и индуктивное заключение. Трактуя о природе и классификации знания, Бэн указывает условие, которому должно удовлетворять знание, то есть оно должно быть истинным, возможный его характер — частный или всеобщий; совершенную форму его Бэн видит в науке, стремящейся к истине и обобщениям, имеющей предметом своим определённую область знания, и классифицирует науки на абстрактные, конкретные и практические. Далее, упомянув различные определения логики, автор излагает свой взгляд на неё прежде всего как на науку теоретическую, абстрактную, затем как на науку практическую, науку о доказательствах или очевидности, и, наконец, как на теорию методов для изыскания истины. С таким широким взглядом на логику автор приступает к делению её.

В исследовании истины, по его мнению, существенны следующие черты деления: а) наблюдение; оно, по его мнению, не может стать предметом логического анализа, ибо оно слишком индивидуализируется, смотря по предметам и вопросам исследования; б) определение — одна из главнейших частей логики; в) наведение; г) дедукция. Ради некоторых удобств изложения автор излагает прежде всего дедукцию, затем индукцию, и, наконец, определение. Но прежде, нежели взяться за анализ дедуктивного процесса, автор должен был обратить своё внимание на имена, понятия и предложения, делающие возможным силлогизм и служащие его подготовлением. Анализ имён Бэн основывает на упомянутых уже психологических фактах общности и относительности. В отношении к общности (Generality) имена бывают частные, общие и абстрактные; со стороны относительности — положительные и отрицательные.

Говоря о классах и понятиях, автор останавливается прежде всего на обобщении предметов по одному признаку, затем по нескольким и приходит к определению классов низшей и высшей общности. В учении о предложениях Бэн вносит новое их деление: их можно рассматривать либо в отношении к общности, либо со стороны относительности; во внешней своей форме они могут быть частными или общими: это количественная сторона в них; с точки зрения качества они могут быть утвердительными или отрицательными; наконец, с точки зрения чисто логической они могут быть простыми и сложными, и последние ещё могут быть делимы на условные и разделительные.

Бэн вносит в свой анализ предложений даже различие их по противоположности, противоположности и так называемой модальности. В интересах индуктивной логики автор анализирует суждения и с внутренней их стороны или по значению: здесь он различает предложения равенства или неравенства, имеющие математический характер, предложения сосуществовали, касающиеся порядка в пространстве или сосуществования свойств (атрибутов), суждения последовательности и имеющие дело либо с порядком во времени, либо с причиной и действием.

Прежде, нежели рассматривать силлогизмы, Бэн анализирует виды непосредственных или кажущихся заключений. Анализ его в этом случае широк. Непосредственное заключение в сущности состоит в том, что от одного способа выражения мы сразу же переходим к другому, непосредственно вытекающему из первого. Таких способов Бэн насчитывает пять:

- соединение общей и частной формы предложения (чтобы в обыкновенных формальных логиках называлось per accidens),
- переход от большего объема к меньшему (например, четвероногие имеют душу, следовательно, они способны чувствовать),
- противоположение,
- превращение simplex,
- условное заключение,
- соединение синонимических предложений.

К главе о суждениях Бэн присоединяет собрание многочисленных примеров по всем их формам. Всё, что мы до сих пор излагали, составляет содержание 1-й книги. Во II-й книге автор предлагает теорию дедукции и останавливается на главнейшем её органе — силлогизме. Здесь автор рассматривает форму и видоизменения силлогизмов и в этом случае повторяет известное учение о них формальной логики, указывает аксиому, служащую основанием силлогизма — dictum de omni et nullo, и, делая некоторые улучшения в форме её, поставляет её, как мы уже видели, в главе о принципах мышления, во главе всей дедукции.

Вторую главу о силлогизме он посвящает историческому разбору тех вкладов в учение о силлогизме, какие внесены в него Гамильтоном, Де Морганом и Булем. Далее, в 3-й главе идет речь о функциях и значении силлогизма, а в 4-й — о роде умозаключений в дедуктивных науках. Сущность последних Бэн находит в приложении добытых выводов или в открытии частных случаев, подходящих под общий вывод.

Последнюю главу о дедукции Бэн посвящает рассмотрению доказательств и связанных с ними вопросов об аксиомах и необходимых истинах. Он доказывает, что всякое доказательство коренится в индукции, опровергает основания, по которым некоторые мыслители считают аксиомы за истины, предшествующие всякому опыту, и затем доказывает, что две основные математические аксиомы, равно как аксиомы силлогизма и индукции, возникают из опыта, и что общее основание для всех аксиом заключается в единообразии природы.

В конце первой книги, в виде прибавлений, Бэн по обыкновению рассматривает отдельные вопросы о классификации наук, об области логики, об исчислении вещей, о всеобщем недоказываемом положении (постуляте) и об Аристотелевском и схоластическом исчислении неправильных умозаключений.

В III-й книге Бэн трактует об индукции. Под нею он разумеет достижение общих положений посредством наблюдения фактов. Так как индуктивными приёмами мы заключаем от известного к неизвестному, то они предполагают всеобщее единообразие природы. Законы природы суть выражения единообразия в ходе событий. В чем же могут заключаться единообразия? В сосуществовании явлений, причинности их и равенстве.

Бэн начинает с индукции сосуществования (induction of coexistency). Она имеет в виду исследование сосуществующих свойств, не имеющих взаимного отношения друг к другу, как причина к следствию. Доказательством такого сосуществования свойств может служить только повсеместное в природе согласие фактов, иначе говоря, только тогда мы имеем

основание допускать неизменное сосуществование двух или более свойств, когда во всей природе не имеем ни одного противоречащего тому показания.

Второй вид индукции имеет предметом своё единообразие преемства явлений, или то, что обычно называется законом причинности. Этот закон может рассматриваться с трёх различных точек зрения: с практической, то есть так, как он рассматривается в обыкновенной жизни; с научной точки зрения, когда под законом причинности разумеют все условия или предшествующие обстоятельства; и, наконец, с третьей точки зрения, когда под этим законом подразумевают закон сохранения или соотношения сил.

Первого рода причинность имеет в виду одно какое-нибудь обстоятельство, важное практически в известном случае. Наука до настоящего времени под причинностью разумела совокупность обстоятельств, порождающих известное явление. Великий шаг вперёд, по мнению Бэна, сделан ею в понимании упомянутого закона с открытием нового закона сохранения силы. По этому закону движущая сила или материя в движении воплощается в различных формах и способна превращаться из одних в другие, так что ни малейшая часть силы при этом не теряется. С этой точки зрения силы могут быть разделены на два рода: объёмные (молярные) и частичные (молекулярные) — движение в массе и в частицах. Под первым обычно разумеют механические силы, под вторым — тепло, химическое сродство, электричество, нервная сила, свет.

Принцип сохранения сил совершенно объясняет нам сущность причинности: по нему она есть перенесение (переход) движущей силы; нам неизвестны только обстоятельства, при которых происходит это перенесение. Всякая причина какого-либо действия должна быть изыскиваема между предшествующим и ему обстоятельствами; впрочем, не всё неизменно предшествующее неизбежно должно быть причиной (например, отношение дня и ночи). Причины могут соединяться, и тогда общее действие их будет суммой или разностью их общих действий.

Каким же образом исследуются причина и действие? Прежде всего с помощью анализа наличного факта. Затем, чтобы отделить существенные обстоятельства, сопутствующие причине и действию, необходимо видоизменять их, а для сего нужно прибегать к помощи наблюдения и опыта. Способы выделения (elimination) в этом случае и суть индуктивные методы. Бэн насчитывает три таких существенных приёма:

- метод согласия,
- метод различия, и затем, как смешанный, метод различия и согласия,
- метод сопутствующих изменений.

Метод остатков (of Residues) он считает не главным, а дополнительным орудием собственно открытий. В примере первого он представляет исследование способа действия чувства обоняния, во втором — исследование причины росы, в третьем — исследование Броуна-Секуарда о трупном окоченении.

Чтобы эти методы достигали своей цели, для сего требуются некоторые благоприятные условия:

- чтобы действие имело только одну причину или одну группу предшествующих фактов,
- чтобы различные действия были одиночными и удоборазличимыми.

Но в действительности случается иногда совершенно противоположное. Бывает так, что одно и то же действие производится многими причинами: в этом случае делается неприменимым закон согласия. В таком случае следует, во-первых, умножить количество

случаев, и, во-вторых, прибегать к свещанному методу; с другой стороны, действия многих причин сливаются в однородное целое, что окончательно упраздняет все экспериментальные методы, и тогда только одна дедукция может помочь делу.
Далее у Бэна идут анализ исследований случая и учение о принципах вероятности, и здесь почти повторяется учение о том же предмете, изложенное в «Логике» Милля. Глава X излагает учение о том, как индукция вспомогательна дедукции. Дедуктивный метод требует, во-первых, верных, твердо поставленных индуктивных данных; затем, во-вторых, он предполагает или простое распространение индуктивного закона на новый случай, или комбинирование многих отдельных законов; в-третьих, дедуктивный процесс предполагает проверку.

Но в месте с общими законами индукция даёт ещё законы частные — эмпирические, вторичные. Их применение ограничивается конкретными случаями. При этом Бэн делает различие между эмпирическими и выводными (derivative) законами. Под первыми он разумеет законы фактического характера, не разрешённые в законы высшего, более общего характера; под вторыми, напротив, уже выведенные из более высших обобщений. В сущности, они или:

- могут быть комбинациями высших законов в определённой группе обстоятельств,
- могут представлять собой связь факта с отдельной причиной,
- могут представлять сосуществование или преемство между действиями одной и той же причины.

Посему эти законы условны и имеют ограниченную область приложения, строго ограничены пределами места, времени и обстоятельств. Законы, добытые с помощью индукции и дедукции, служат исследованию природы. Основание всякого научного разъяснения заключается в ассимиляции фактов, то есть в их уподоблении или обобщении. В учении об этом предмете Бэн почти только повторяет сказанное в «Логике» Милля, но присоединил к этой главе самостоятельный анализ ошибочных или кажущихся объяснений природы: например, повторение одного и того же факта в различных выражениях, навязывание явлениям простого характера, потому что мы к ним привыкли, недовольство возможными обобщениями, но стремление за ними предполагать что-то и т. п.

Затем следует у Бэна учение о гипотезах, приблизительных обобщениях, аналогии, вероятности и невероятности. В IV книге Бэн излагает учение о определении. В область определения, понимаемого в обширном смысле, входят классификация, абстракция, именование и определение. Так как процесс отвлечения или абстракции в сущности есть путь образования понятий, а о последних Бэн трактовал уже в I–II книгах, то на этот раз его трактат ограничивается только остальными тремя процессами. Что касается определения, то, по мнению Бэна, оно состоит в установлении «значения общих имён». Его положительный метод требует, чтобы мы прежде всего собрали воедино все частные понятия, входящие в состав общего; отрицательный же метод требует, чтобы были собраны частные понятия, подчинённые противоположному общему суждению.

Когда сложные понятия образованы путём сложения, они определяются посредством обозначения их составных частей. Схоластическому определению per genus et differentiam Бэн усваивает значение приёма, раскрывающего значение выражения, но не открывающего значение понятия. В процесс именования общие имена помогают памяти припоминать обобщения: без них было бы невозможно соединение понятий в предложения и умозаключения. Они должны удовлетворять следующим двум требованиям: первое — всякое имя должно иметь точно определённое значение; по этому поводу Бэн делает несколько замечаний относительно распространения значения слов; и второе — для каждого значительного оттенка мысли должно существовать особое слово.

Это последнее условие предполагает, во-первых, точную описательную терминологию; во-вторых, существование отдельных названий для каждого продукта обобщения; в-третьих, существование названий, специально годных для классификации. В главе о классификации Бэн трактует о методах классификаций:

- при изменении свойств предметов необходимо держаться известного порядка, усвоенного раз и навсегда наукой;
- располагая вещи в классы, необходимо обращать внимание только на их максимальные сходства;
- для избежания повторений классификация должна от общих описаний нисходить к низшим постепенно;
- определять черты предметов следует путём точного обозначения сходства их и различия.

Книгу эту Бэн заключает учением о логическом делении.

У книга содержит в себе логику наук. Здесь, с логической точки зрения, Бэн обозревает разные науки теоретические и некоторые практические. В его обозрении вошли математика, физика, химия, биология, психология, классификационные науки; из практических наук — политика, медицина.

Логика математики трактует о понятиях этой науки, предложениях, способах определения их, математических аксиомах и делении её на арифметику, алгебру, геометрию, алгебраическую геометрию, высшее исчисление. В логике физики последняя делится на молярную (учение о массах) и молекулярную (учение о частицах). Бэн перечисляет главнейшие понятия первой науки, например, движение, покой, сила и т. д.; затем говорит о предложениях молярной физики и перечисляет, во-первых, первоначальные индуктивные истины относительно силы и движения; во-вторых, дедуктивные положения, касающиеся отношений силы и движения; и, в-третьих, эмпирические обобщения.

Определения этой науки имеют дело либо с первоначальными понятиями — движением, силой, материей, либо с выводными, например, масса, момент, притяжение, отталкивание и т. п. Далее идёт речь об аксиомах и методе молярной физики. В молекулярной физике Бэн останавливается на понятиях, предложениях и главных методах. Он говорит о молекуле и атоме, молекулярном притяжении, теплоте, свете, электричестве. По поводу предложений этой науки Бэн рассуждает главным образом о принципе сохранения силы. По его мнению, физика соединяет в себе методы индуктивные вместе с дедуктивными.

Из остальных теоретических наук остановимся на биологии и психологии. Под первой Бэн разумеет науку о живых телах — растениях и животных. В своей биологической логике он трактует об определении жизни, о предложениях биологии и логическом методе её. Он не соглашается с определением жизни у Герберта Спенсера, для которого жизнь есть непрерывное приспособление внутренних отношений к внешним. Сам Бэн определяет её следующим образом:

- живые тела состоят из элементов, одинаковых с составными частями неорганического мира;

- со стороны своего устройства живые тела прежде всего отличаются особой сложностью, имеют органическое построение; они индивидуальны и тем отличаются от непрерывных органических масс; наконец, они обладают бесконечным разнообразием в своих формах и построении;

- со стороны своих функций они отличаются определённой комбинацией изменений — одновременных и последовательных, способностью приспособляться к внешним обстоятельствам, способностью усвоения внешних частиц, наконец, способностью, по крайней мере в известных определённых случаях, вступать в соединение с духом и развивать в себе ряды психических явлений.

Так как деление биологии основывается на главных её понятиях, то Бэн анализирует их. Предложения этой науки он делит на:

- а) касающиеся строения организмов,
- б) касающиеся их функций;

в последних, по его мнению, встречается весьма много просто эмпирических, индуктивных выводов.

Касаясь логических методов в биологии, Бэн говорит, что в ней факты открыты для наблюдения и опыта с некоторыми ограничениями, что в ней представляется много случаев для применения методов согласия и сопутствующих изменений, что в некоторых случаях должна быть прилагаема теория вероятности, и исследователь должен довольствоваться только вероятными выводами; и наконец, что эта наука в многих случаях прибегает к помощи гипотез.

В логике психологии автор сообщает определение души, устанавливает факт союза её с телом, кратко анализирует главные психологические понятия: сознание, ощущение, волнение, волю, интеллектуальные состояния. Трактуя о логических методах в психологии, автор останавливается на понятии психологического анализа; верность его может подтверждаться двумя путями: субъективное доказательство может быть находимо в свидетельствах самосознания, а объективное — в тождестве выражения состояния и его побочных следствий.

Затем факты относительно души могут добываться путём индуктивных опытных методов. А так как мы в состоянии достигнуть в психологии общих законов, то в ней может быть прилагаем и дедуктивный метод. В ней имеют место эмпирические и выводные законы; многие выводы добываются путём гипотез. К логике психологии присоединены заметки о логике характера, краткие, но весьма любопытные.

Весьма интересно у Бэна изложение логики практики, делящейся на логику политики и логику медицины. Первую он делит на теоретическую и практическую и по своему общему плану рассматривает, между прочим, предложения и методы первой науки. Говоря о медицине, он рассуждает о понятии болезни вообще и болезненных процессов в частности, о предложениях и экспериментальных методах медицины и заключает учением о классификации болезней.

VI и последняя книга посвящена рассмотрению ошибок или неправильных действий ума. Прежде всего автор перечисляет пять классов ошибочных действий ума, указанных Миллем, и по поводу их замечает, что, собственно говоря, отнюдь не следовало бы рассматривать ошибочные действия ума отдельно от правильных и что отдельное рассмотрение их возможно только по отношению к таким ошибкам, которые не могут быть удобно введены в состав логики; таких ошибок он находит два рода: 1) ошибочные стремления ума и 2) ошибки от неясности или от спутанности понятий.

Ошибочные стремления ума исходят из тех же источников, из которых возникает наше доверие к действительности внешнего мира (что в английской психологической литературе

называется belief). Этих источников три: 1) врожденная деятельность нашей системы — расположение действовать добровольно, 2) влияние ощущений и волнений или страстей, 3) интеллектуальные ассоциации или приобретённые ряды мыслей. Первая причина сказывается в излишней наклонности обобщать или слишком далеко доводить обобщение. Вторая причина обнаруживается во влиянии на мысль эгоизма, преувеличенных симпатий и некоторых частных волнений. Наконец, приобретённые привычки мысли также отклоняют её от нормальных путей.

К ошибкам, происходящим от неясности, Бэн прежде всего причисляет двусмысленные и неправильно определённые термины: например, понятия природы, нравственности, пользы и т. п.; наклонность приписывать каждому слову самобытное значение; несоответствие выражения мысли и фантастические вопросы, известные в логиках как ошибки petitio principii и ignoratio elenchi; наконец, неправильные аналогии.

Последнюю главу этой книги автор посвящает разбору логических ошибок; здесь перечисляются ошибки в непосредственных умозаключениях, ошибки в дедуктивных и индуктивных выводах и, наконец, ошибки в определениях. В конце второго тома помещено несколько отдельных рассуждений по отдельным вопросам. Нельзя не отдать полной справедливости тому уму и знанию дела, с каким Бэн даёт понятие, например, о анализе и синтезе. Затем достойны внимания его заметки: 1) о развитии индуктивной логики, 2) об искусстве открытий, 3) об исторической очевидности и 4) его разъяснение некоторых логических терминов.

Мы познакомились с учением Бэна о логическом мышлении и его приёмах. Спрашивается: какой сделан Бэном новый шаг в логической науке по сравнению с трудом Милля и в чём он отступает от последнего? Для этого мы кратко укажем пункты, в которых труд Бэна отличается от сочинения Милля. Если бы эти два автора стояли на совершенно различных дорогах, то мы могли бы избавиться от труда указывать различия между ними. Было бы, например, совершенно напрасным трудом указывать сравнительно отличительные черты Гегеля и Гербарта: эти два мыслителя несоизмеримы, каждая страница сочинения одного отличается и по мыслям, и по приёму, и по способу изложений от сочинения другого. Но Бэн и Милль — работники одной и той же школы, трудятся в одном и том же направлении и можно сказать, по одной и той же программе.

Как ни самостоятельное во многих случаях мышление Бэна, например в психологической науке, где он подвергнул переработке большую часть прежних понятий и усвоил в науке совершенно оригинальный план, тем не менее в логике он принял за основу программу Милля, сделав в ней некоторые, впрочем весьма важные изменения. Однако большей частью это такие дополнения и изменения, которые служат во благо науке.

Бэн ставит логику в связь с психологией: логические деятельности ума он выводит из двух основных психологических фактов — различения впечатлений и уподобления их по общим чертам. Он старается поставить в связь с этими чертами некоторые частные логические приёмы, как, например, силлогизм, обобщения и т. д. У Бэна таким образом есть основа, которой не хватает Миллю. Бэн же пытался превратить логику в философскую науку, стоящую в тесной связи с прочими философскими науками, и тем пролить свет на логические операции ума. Логике, действительно, недостаёт ясного взгляда на связь мышления с основными психологическими фактами и на зависимость его от последних; этого же недоставало и индуктивной логике.

Весьма важные дополнения внесены Бэном в дедуктивную логику. Милль, как мы уже заметили, имел своего рода horror logicae scholasticae seu formalis. Если он решался занимать своего читателя некоторыми подробностями, напоминающими формальную

логику, то делал это не иначе, как с извинениями за скуку, причиняемую читателю, будто только крайняя необходимость заставляет его так делать. Но эти заимствования были ничтожны, и учение о дедукции вышло у Милля весьма недостаточным. Если выкинуть из первой его книги всё, не строго относящееся к предмету, как-то: рассуждения иногда почти о посторонних вопросах, логические заметки, то мы получили бы очень тонкое рассуждение о дедуктивных приёмах.

В конце концов, читатель недоумевает, каким образом при такой бедности приёмов и отсутствии разнообразия в них дедукция может играть видную роль в самом индуктивном процессе. Это отсутствие анализа дедуктивных приёмов и сосредоточение внимания на одних индуктивных было, очевидно, односторонностью и слабостью всей английской школы. Теперь, с появлением труда Бэна, школа выступает на новый путь в этом отношении. Бэн вносит в свой анализ даже законы мышления, под названием принципов состоятельности мысли, dictum de omni — под названием принципа дедукции. Учение о последней получает самое широкое развитие и в подробностях почти полностью перерабатывается Бэном.

Учение о именах излагается с новой точки зрения, со стороны их общности и относительности. Анализ суждений у Бэна весьма широк, и со стороны своего значения они разбираются Бэном более подробно, чем у Милля. Из того, что мы передали об учении Бэна о силлогизмах и умозаключениях, читатель может видеть, как этот автор не оставляет без употребления логический материал, где бы он ни был, хотя бы пришлось заимствовать его у противоположной по духу и направлению школы Гамильтона. Очевидно, мы имеем дело с умом, открытым для всяких улучшений в науке. Нельзя не видеть, что и в этом отношении индуктивная логика делает значительный шаг вперёд, а не назад.

Справедливо, что некоторые из силлогистических форм схоластической логики, имея полное raison d'être в системе, останутся без видного приложения в практике: некоторые modi умозаключений существуют, по видимому, лишь для того, чтобы фигурировать в логиках и не иметь никакого приложения в жизни. Но, как справедливо замечает Бэн, из того, что мы не в состоянии теперь же воспользоваться некоторыми эллиптическими функциями на практике, не следует ещё, что мы должны исключить их из системы науки. Очень может быть, что с развитием новых потребностей науки и мышления возникнет нужда в отвергаемых теперь приёмах.

Подобное соображение тем более вероятно, что в настоящее время, за исключением оптики и астрономии, остальные науки имеют индуктивный характер: они ещё далеки от того совершенства, при котором можно было бы усвоить дедуктивную форму. Следовательно, до сего времени они нуждались преимущественно в одних индуктивных приёмах. На дедуктивные приёмы не могло быть такого спроса, какой ожидает их, хотя и в отдалённом будущем: тогда могут найти себе прямое применение многие, кажущиеся теперь неупотребительными, логические приёмы.

Расширяя анализ дедукции, Бэн устраняет односторонность, присущую до сего времени индуктивной логике. В анализе индукции, этой специальной области Милля, Бэн сумел сделать довольно важные улучшения. Во-первых, индуктивные выводы о существовании явлений впервые получили у него самостоятельное значение. Хоть в этом отношении Бэном сделано немного, но, по крайней мере, он привлек к этому пункту внимание будущих исследователей индуктивной логики.

У Милля также была посвящена одна глава рассмотрению of uniformities of Coexistence not dependent on Causation (Chap. XXII, Book III); но он не давал им самостоятельного значения. Во-вторых, он поставил в связь с понятием причинности недавно открытый и получивший столь обширное применение закон сохранения силы. В действии мы должны предполагать

столько же — ни более, ни менее — сколько предполагается в причине. С этой точки зрения действия и причины в сущности есть видоизменения действия одной и той же силы. В «Логике» Милля, при первом появлении её в свет, этот принцип не мог, конечно, явиться, потому что тогда о нём ещё говорили лишь слабые голоса, и он не был таким общепризнанным фактом, каким стал в настоящее время. Но любопытно, почему Милль не воспользовался им в своих позднейших изданиях? Не считал ли он его несозревшим для того, чтобы служить основным началом всякой причинности в мире? Принимая ряд гипотез, гораздо более шатких, неужели Милль остановился перед этим наиболее счастливым предположением из всех сделанных к тому времени?

Было бы, конечно, неуместно входить здесь в анализ этого предположения. Можно было бы что-то заметить не для того, чтобы поколебать его в каком бы то ни было отношении, но чтобы точнее определить его: ибо трудно толковать его в смысле какого-то превращения сил одной в другую. Но, как бы то ни было, это обобщение проливает новый свет на причинную связь событий и может служить действительным основанием индукции. Важнейшее улучшение в индуктивной Логике, по нашему мнению, сделано в теории определения, которое принято Бэном в весьма широком смысле. Как мы видели, он относит сюда установку значения общих имён или определение в тесном значении этого слова, затем учение о научной терминологии и о классификациях. Теория определения весьма нова и нельзя не сказать, что она делает заметный шаг вперёд в этом пункте.

Весьма много таких случаев, в которых определение может быть дано только по отрицательному методу Бэна, то есть путём сравнения частностей или видов, входящих в состав противоположного понятия. На них, между тем, до него не обращали никакого внимания. У Милля учение об этих предметах было разбросано в разных книгах. Такая важная индуктивная деятельность, как определение понятий, слов, степеней общности в свойствах вещей, оставалась как бы в тени, подавленная многими второстепенными подробностями.

Указать на V-ю книгу труда Бэна значит указать на совершенно новый отдел индуктивной Логики, никем до него не затронутый в таких размерах. Логика математики, физики, химии, биологии, психологии, классификационных наук, политики и медицины впервые теоретически обработана Бэном. Милль в своей VI-й книге коснулся только Логики моральных наук; но и здесь он ограничился весьма общими рассуждениями, преимущественно о методах моральных наук; притом названию «моральные науки» он придал слишком обширный смысл, так что в круг их вошли и наука об образовании характера, и так называемая социология, и даже учение о нравственности в тесном значении этого слова, со включением политики. Милль хотел показать применение теории индукции в таких науках, в которых индуктивные приёмы всего более встречают затруднения для своего применения, где выводы вообще не твёрды и всегда только вероятны, где эксперимент всего менее может быть приложен к изучению явлений.

Между тем все экспериментальные методы исследования по теории же Милля имеют место главным образом при измеренном опыте. Науки же реальные, которые всем своим бытием обязаны эксперименту, остались без упоминания, и вот теперь Бэну впервые суждено обратить на них внимание. Нельзя не удивляться многосторонности знаний нашего автора и особенно его чуткости к научным интересам в различных областях знания. Благодаря этому Бэн, трактуя о многих и разнообразных науках, избежал столь естественной опасности оказаться ниже научного уровня в мало знакомых ему областях знания. Для первого опыта им сделано очень много: намечен путь, по которому можно разрабатывать в будущем Логику отдельных знаний.

Наконец, наше обозрение улучшений в Логике, сделанных Бэном, было бы неполно, если бы мы еще не упомянули о его нововведениях в анализ ошибок мышления. В обозрении он весьма удачно ввёл анализ ошибочных тенденций ума, перечислив нелогические влияния, которым подвергается наше мышление и от вторжения которых нарушается правильный ход его. Бэн умел внести довольно важные подробности и в анализ ошибок, происходящих от двусмысленности терминов.

Посему мы имеем полное право сказать, что, сравнительно с трудом Милля, сочинение Бэна представляет весьма заметный шаг вперёд в развитии индуктивной Логики. Она уже прошла период исключительности, когда должно было с чрезвычайной заботливостью оберегать её от всякого соприкосновения с Аристотелевской Логикой. Став на твёрдую почву, она готовится упразднить собой последнюю не путем безусловного отвержения её (Бэкон до Милля), но посредством слияния с ней в том, что в ней есть действительно научного и полезного для изучения приёмов человеческого мышления. Бэн окончательно освобождается от старого предрассудка против так называемой схоластической Логики. Только на этом пути, как мы постараемся доказать ниже, Логика человеческого мышления индуктивного и дедуктивного может достичь желаемой полноты, которая позволила бы ей стать на уровень с научным и практическим мышлением настоящего века.

С другой стороны, нельзя слишком свысока смотреть на частные улучшения Бэна в анализе. Правда, что, за исключением Логики наук, нововведения Бэна касаются только подробностей. Канва, на которой работает Бэн, не новая: ею он обязан своему предшественнику Джону Стюарту Миллю. Но, сохраняя связь школы и предаясь последнему, он успел высвободиться от рабского подражания ему и смело пошёл вперёд. Таким консервативным путем и создаются и развиваются науки. Дурной признак для науки, если каждый десять лет она претерпевает глубокие революции во взглядах и в своей системе. Это значит, что наука ещё не установилась и что на её слово нельзя совершенно полагаться. Научное созидание всего лучше достигается постепенным ростом науки, постоянным развитием и обогащением её подробностей и т. п.

Если Бэна нельзя назвать гениальным творцом индуктивной Логики, то за ним должна остаться слава талантливого продолжателя дела Стюарта Милля.

Итак, мы проследили развитие индуктивной Логики, начав с Бэкона и кончая Бэном. Мы видели, какой обширный план был задуман великим Веруламским мыслителем и как много он сделал для его осуществления. Последующее развитие индуктивной Логики шло параллельно развитию естествознания, т. е. теории индуктивных приёмов развивалась вместе с самыми открытиями и исследованиями. Гершель потрудился для науки своими открытиями и своей теорией естествоведческих логических приёмов. Уэверл расширил теорию Гершеля, конечно, благодаря обширному историческому знакомству с самыми науками о природе. Наконец, в наше время, столь углубившееся в изучение её и так далеко ушедшее на поле открытий, Стюарт Милль и Бэн поставили индуктивную Логику на высокую ступень развития. Она прошла уже период полного отчуждения от Логики Аристотеля и теперь старается постепенно вобрать в себя из неё то, что ей кажется полезным для объяснения дедукции.

На этом последнем пункте мы здесь остановимся, ибо, по нашему убеждению, самая настоятельная потребность современной Логики состоит в слиянии формальной Логики с индуктивной.

Чем должна быть современная Логика? Очевидно, понятие о ней было бы очень узким, если бы ей дать одно только пропедевтическое философское значение. Считать её только педагогическим средством для развития начинающих высшее образование, значит лишать

её серьёзного научного значения. Нет! Она должна стать вообще к современной науке в такое же отношение, в каком Логика Аристотеля когда-либо находилась к современной ему науке. Как эта последняя была органом современного ей образования, так и Логика нашего времени должна быть органом современного научного мышления. В ней должны получить сознательную разработку те приёмы, которые, возникая для исследования частных вопросов, не получают должного общего характера. Она должна обобщить эти частные приёмы и оценить их научное значение, то есть должна быть зеркалом, в котором отражалось бы научное сознание.

С другой стороны, в Логике же должны найти для себя выражение и те формы и приёмы мышления, которые существуют в житейской практике: мышление, довлеющее многочисленным житейским вопросам и возникающее из весьма запутанных случаев и положений жизни, конечно, и имеет право на внимание Логики. Таким образом, в ней должны быть приведены к сознанию все общие приёмы мышления, каковые прилагаются в частных случаях науки и жизни. Выполняет ли эту задачу так называемая формальная Логика, взятая в отдельности? Было время, когда эта задача решалась ею вполне удовлетворительно. Во времена Аристотеля и в средние века она была выражением преобладавшего тогда направления в мышлении. Пока наука главным образом исчерпывалась философией и познание мира было преимущественно познанием его из принципов, учение Аристотеля о силлогистических формах и доказательствах стояло в уровне с потребностями века. И теперь, поскольку мышление следует дедуктивным приёмам, аналитическому развитию знания и понятий, Аристотелевская Логика с некоторыми улучшениями может служить его выражением.

Как наука, имеющая в виду сознание элементарных форм человеческого мышления и развитие одной мысли из другой силлогистическим путём, она служит превосходным педагогическим средством для общего образования. Нельзя с этой стороны не радоваться, что элементы Аристотелевской Логики проходят в наших гимназиях. Но как орган научного мышления она уже с XVI века, или со времени Возрождения европейского мышления, остаётся ниже своего назначения. С тех пор, как Бэкон указал на науке истинные её цели и приёмы для их достижения, Аристотелевская Логика стала односторонней представительницей интересов только одного направления мышления.

Наука обогащалась новыми приёмами, которые она образовала по поводу возникавших частных случаев, и постепенно развивала свою удивительную методику, а Аристотелевская Логика продолжала игнорировать всё это. Её учение об индукции также относится к настоящему индуктивному исследованию природы, представителями которого служат современные естественные науки, как лепет ребёнка относится к зрелой речи возмужавшего человека. Это не видно только тем, кто желает спокойного движения по старой дороге, проторенной Аристотелем. Если немцы упорно довольствуются своей формальной Канто-Гербартовской Логикой и остаются глухи ко всяким серьёзным новым потребностям этой науки, или же в объективной Гегелевской логике ищут спасения от сухого логического формализма, то это их дело. Но человеку, наблюдающему со стороны, чей ум не загромождён предрассудками немецких школ, как не видеть односторонность формальной Логики?

В состоянии ли выполнить упомянутую задачу одна индуктивная Логика? И она сама по себе так же одностороння, как и Логика формальная. Взятая отдельно, она представляет интересы одного только круга наук — естественных. На Логике Милля мы можем видеть справедливость сделанного замечания. Органом каких наук она может быть названа? Только тех, которые имеют дело с изучением причин и действий в природе и законов, управляющих ими. Нельзя сказать, чтобы даже исторические науки нашли в ней достаточно полное выражение своей методики.

Если Милль в конце своего труда счёл нужным присоединить Логику моральных наук, где трактует между прочим об историческом методе, то кто же скажет, что методы, им указанные при этом случае, не составляют скорее насилия над упомянутыми науками, чем приёмы в их насущных интересах? И там трактуется об элементарных формах имён, суждений и силлогизмов, но мы видели уже способ отношения к ним Милля: единственный интерес в них он находит только с той стороны, с которой они так или иначе соприкасаются с индукцией: ведь индукция никак не может обойтись без имён, предложений и силлогизмов.

Учение о дедукции также входит в систему Милля, но оно принимается у него не за такую же самостоятельную и равноправную деятельность мышления, как индукция, а за служебный приём, доканчивающий дело последней. Понять из Логики Милля, какие приёмы употребляются, когда мышление начинает и кончает свою научную работу посредством одной дедукции, совершенно невозможно. Для разъяснения с этой стороны дедуктивного процесса Милль сделал весьма мало. Понятно, что и эта Логика остаётся ниже уровня современного научного сознания.

Круг наук математических не находит в ней своего органа, нельзя назвать её и органом наук философских, филологических, юридических и богословских, то есть большая часть человеческого знания не затрагивается ею: ибо все эти науки построены на дедукции и на различных дедуктивных приёмах, или только в небольшой своей части допускают индукцию. Ради существенных улучшений, внесённых индуктивной Логикой в теорию методики знания, из-за нового света, пролитого ею на одну из важнейших отраслей человеческого познания, мы не должны забывать, что путь, указанный Баконом, также односторонен. Для кого истина дороже личных пристрастий и вкусов, тот должен сознаться, что развитие логической науки не может ограничиваться Баконовской Логикой.

После оказанного нами читатель поймёт, почему вышеуказанный труд Бэна мы считаем стоящим на правильной дороге, которая одна только и может вести к всестороннему развитию логической науки. Когда дедуктивному процессу отведётся самостоятельное место в науках и произведён будет широкий анализ этого приёма, то в Логике получит своё выражение наука, развивающаяся из принципов. Когда с такой же полнотой разобраны будут индуктивные приёмы, тогда Логика сделается органом наук, основывающихся на фактах.

И так как всякое человеческое ведение может развиваться либо из принципов, либо из фактов, то Логика будет действительным органом человеческого мышления и развивающегося из него знания. Из односторонней, какова теперь формальная и индуктивная Логика, она сделается всесторонней; из имеющей один только педагогический смысл частички науки, она превратится в целую систему и займёт своё законное место между другими научными системами.

Но и труд Бэна есть только попытка вывести Логику на правильный путь. Несмотря на многие свои достоинства, добытые им результаты должны измениться во многих своих подробностях. Будем кратки в перечислении недостатков этого труда. Переработка многих пунктов необходима, особенно в анализе дедукции. Во-первых, анализ понятия, как у Милля, так и у Бэна, весьма неудовлетворителен. Оба они думают, что оно состоит в обобщении свойств предметов: например, отвлечение какого-нибудь свойства, общего многим предметам одного класса, есть образование понятия. Но признак, общий многим вещам и отвлечённо представленный нами, есть просто общее представление, отнюдь не понятие. Притом, почему Бэн выделяет из круга понятий классы (classes), понимая под ними обобщения предметов в род и вид, на основании совокупности признаков? Разве классы не могут быть названы, как и действительно называются, родовыми и видовыми понятиями?

Но главное дело в том, что если бы Бэн и распространил понятие на классы, всё-таки многое осталось бы в нём неразъяснённым. Всякий мы в практике выделяем понятие от простого представления вещи. Человек видит машину, запоминает её фигуру, получает, одним словом, представление о ней; но спрашивается, может ли он сказать, что понимает её? Ребёнок, заучивший урок от слова до слова, может передать его, но можно ли ручаться, что он имеет понятие о нём? Можно изучить признаки вещи довольно подробно и не иметь о ней понятия. Для образования последнего нужно знать соотношение составных частей и признаков вещи между собою. Понимает урок тот ребёнок, который усвоил внутренний логический порядок его; машину понимает тот, кто узнал соотношение и зависимость её частей. К таким только понятиям наука может достойно стремиться, и к ним же, по словам упомянутых мыслителей, стремятся индуктивные исследования. Таким образом, определение понятия оказывается ниже собственного же взгляда на него этих мыслителей. Вообще учение о понятии должно быть совершенно переработано: ибо и в формальных логиках о нём повторяются давние, из рода в род переходящие определения его как о представлении с общим характером. На этот пункт должно быть обращено внимание: ибо он равно важен для здравого понимания и дедукции, как выведения частных случаев из общих понятий и индукции, имеющей в виду образование понятий на основании фактов.

Во-вторых, несмотря на ценные улучшения в учении о силлогизмах, сделанные Гамильтоном, Деморганом и Булем и внесённые Бэном в собственную его систему, учение о силлогизмах в связи с дедукцией остаётся всё ещё крайне недостаточным. Анализ так называемых фигур силлогизма и их модусов у Бэна удовлетворителен. Но ведь этот пункт весьма полно рассматривался и рассматривается в формальных логиках. Учению о сортах, или цепи умозаключений, и дедуктивным наукам уделено всего четыре страницы. В учении о доказательствах Бэн говорит при том весьма кратко, что доказательство имеет своё основание в индукции, рассуждает о значении необходимости, об аксиомах, но все эти вопросы могут быть поставляемы только по поводу доказательств, а не дают нам удовлетворительного понимания последних. Для Логики самая важная сторона в доказательствах есть метод, по которому они развиваются, различие родов и видов их. Об этих важных пунктах мы ничего не находим у Бэна.

Между тем, если к чему и пригодны силлогизмы, то для доказательств, для последовательного развития мыслей или взаимного их органического связывания. Только разъяснением и тщательным анализом последних вопросов мы можем достойно завершить учение о силлогизмах, показать практическую и научную пользу последних и тем положить основы для уяснения понятия о дедуктивных науках. У Бэна эти дедуктивные науки вырастают из силлогизмов как deus ex machina. Всякий согласится, что от первой или второй фигуры силлогизма до дедуктивной науки ещё далеко. Итак, Логика должна открыть новую главу о доказательствах и развитии мыслей одной из другой на основании силлогизмов. Она должна проследить за теми изменениями и распространениями силлогистической формы, которые сами собой возникают в практике и в науках при связывании мыслей. Роды связывания мыслей должны развиться в методы дедуктивных наук, и мы будем иметь теорию дедукции, достойную той, какую Логика представляет относительно индукции.

Иначе две части Логики будут развиты совершенно непропорционально. Мы будем знать о методах индуктивных и о различных вспомогательных индуктивных приёмах, и не будем знать почти ничего о дедуктивном развитии мыслей.